

Расы и иммигранты в Америке

Джон Р. Коммонс

Races and Immigrants in America

John R. Commons

The Project Gutenberg eBook of Races and Immigrants in America.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Расы и иммигранты в Америке

Автор: Джон Р. Коммонс

Дата выхода: 4 октября 2010 [eBook #34028]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Брайаном Фоули и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK RACES AND IMMIGRANTS IN AMERICA ***

РАСЫ И ИММИГРАНТЫ В АМЕРИКЕ

Остров Эллис, иммиграционный пункт

РАСЫ И ИММИГРАНТЫ В АМЕРИКЕ

ПО АДРЕСУ

ДЖОН Р. КОММОНС

ПРОФЕССОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, УНИВЕРСИТЕТ
ВИСКОНСИНА

Нью-Йорк
КОМПАНИЯ МАКМИЛЛАН
ЛОНДОН: МАКМИЛЛАН И КО, ЛТД.
1907

Все права защищены

Авторское право, 1907 год,
THE MACMILLAN COMPANY.

Набрано и напечатано электротипическим способом. Опубликовано в мае 1907 года.

Издательство Норвуд
J. S. Cushing & Co.- Berwick & Smith Co.
Норвуд, штат Массачусетс, США.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Ссылки	vii
ГЛАВА	
I. Раса и демократия	1
II. Элементы колониальной расы	22
III. Негр	39
IV. Дополнения девятнадцатого века	63
V. Промышленность	107
VI. Труд	135
VII. Городская жизнь, преступность и бедность	160
VIII. Политика	179
IX. Амальгамация и ассимиляция	198
Указатель	239

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Остров Эллис, станция для иммигрантов		Фронтиспис
		СТРАНИЦА
"Возвращение "Мэйфлауэра". Картина Боутона, 1834 г.	напротив	24
Англосаксонские горцы,	напротив	36

колледж Береа, штат Кентукки		
Графства с большей долей негров в 1900 году, чем в 1880 году	<i>напротив</i>	50
Движение иммигрантов, импорт товаров на душу населения и Иммигранты на 10 000 населения	<i>между</i>	63-64
Иностранцы, ожидающие приема на острове Эллис	<i>напротив</i>	78
Норвежский, итальянский и арабский типы	"	90
Славянский, еврейский, поляцкий и литовский типы	"	96
Промышленные отношения иммигрантов-1906	<i>между</i>	108-109
Американские школьники	<i>напротив</i>	122
Филиппинские губернаторы	"	142
Губернатор Джонсон из Миннесоты.-Швеция	"	154
Доктор Оронхьятеха, индеец племени могавк. Позднее возглавлял Орден лесорубов	<i>напротив</i>	168
Китайские студенты, Гонолулу	"	186
Факультет Института Таскиги	"	202
Славянские домашние миссионеры	"	216
Иностранцы, ожидающие приема на острове Эллис	"	230

ССЫЛКИ, ПРИВЕДЕННЫЕ В СНОСКАХ

"Расовые проблемы Америки". Серия дискуссий о коренных расовых элементах и неграх. *Американская академия политических и социальных наук*, том XVIII, № 1 (1901).

Публикации Атлантического университета.

№. 1. "Смертность среди негров в городах" (1896).

№. 2. "Социальное и физическое состояние негров в городах" (1897).

№. 3. "Некоторые усилия негров по улучшению социального положения" (1898).

№ 6. "Негритянская общая школа" (1901).

№ 7. "Негр-ремесленник" (1902).

№ 8. "Негритянская церковь" (1903).

№ 9. "Заметки о негритянской преступности" (1904).

№ 10. "Избранная библиография негритянской Америки" (1905).

Балч, Эмили Грин, "Славянская эмиграция у ее истоков", *Благотворительные организации*, 1906. "Вступление", 6 января; "Богема", 3 февраля; "Словаки", 3 марта, 7 апреля; "Галиция, австрийские поляки, русины", 5 мая.

Блунчли, Дж. К., *Теория государства*. Нью-Йорк, 1885.

Бранденбург, Бротон, *Импортированные американцы* (1904). Описание путешествия автора с женой по южной Италии и Сицилии и возвращения на пароходе с иммигрантами.

Бринтон, Дэниел Г., *Религии примитивных народов*. Нью-Йорк, 1897.

Бюро труда, Седьмой специальный отчет, *Трущобы Балтимора, Чикаго, Нью-Йорка и Филадельфии* (1894). Девятый специальный отчет, *Итальянцы в Чикаго* (1897).

Берджесс, Джон У., *Реконструкция и Конституция*, 1866-1876. Нью-Йорк, 1903.

Буши, Фредерик А., "Этнические факторы в населении Бостона", *Американская экономическая ассоциация*, 3-я серия, том IV, с. 305-470 (1903).

Кассон, Герберт Н., *Munsey's Magazine*, "Евреи в Америке", 34:381; "Сыновья старой Шотландии в Америке", 34:599; "Немцы в Америке", 34:694; "Скандинавы в Америке", 35:613; "Уэльсцы в Америке", 35:749; "Итальянцы в Америке", 35:122; "Голландцы в Америке", 35:238; "Испанцы в Америке", 35:294.

Коман, Кэтрин, "История контрактного труда на Гавайских островах", *Американская экономическая ассоциация*, 3-я серия, том IV, № 3 (1903). "Негр как крестьянин-фермер", *Американская статистическая ассоциация*, июнь, 1904 г., с. 39-54.

Комиссар по образованию, *ежегодные отчеты*, Вашингтон.

Генеральный комиссар по иммиграции, *ежегодные отчеты*, Вашингтон.

Коммонс, Дж. Р., *Пропорциональное представительство*. Нью-Йорк, 1907.

Катлер, Джеймс Э., *Закон Линча. Расследование истории линчевания в Соединенных Штатах*. Нью-Йорк, 1905.

De Forest and Veillier, *The Tenement House Problem*, 2 vols. New York, 1903.

Du Bois, W. E. B., *The Philadelphia Negro*. Philadelphia, 1899; *The Soul of Black Folk*. New York, 1903; "Негры", Двенадцатая перепись населения, *дополнительный анализ*, с. 185-275; "Негр-фермер", с. 511-579.

Итон, Дорман Б., *Гражданская служба в Великобритании*. Нью-Йорк, 1880.

Эмиграция в Соединенные Штаты, специальные консульские отчеты, том XXX. Министерство торговли и труда, 1904.

Факты об иммиграции. Отчеты о конференциях иммиграционного отдела Национальной гражданской федерации, 14 сентября и 12 декабря 1906 года. Нью-Йорк, 1907.

Федерация. Ежеквартальный журнал Федерации церквей и христианских организаций, Нью-Йорк. Особенно июнь, июль, декабрь 1902 года, март, июнь, октябрь 1903 года. Также годовые отчеты и социологические исследования Федерации.

Фиске, Джон, *Старая Виргиния и ее соседи*, 2 тома. New York, 1897.

Флеминг, Уолтер Л., *Гражданская война и реконструкция в Алабаме*. New York, 1897.

Франклин, Ф. Дж., *Законодательная история натурализации в Соединенных Штатах*. Чикаго, 1906.

Гроуз, Говард Б., *Иностранцы или американцы?* Учебные курсы передовой миссии. Нью-Йорк, 1906.

Холл, Прескотт Ф., *Иммиграция и ее влияние на Соединенные Штаты*. Нью-Йорк, 1906.

Хэмптонская негритянская конференция, ежегодник, 1897-1901.

Hanna, Charles A., *The Scotch-Irish*, 2 vols. New York, 1902.

Гавайи, отчеты Бюро труда Соединенных Штатов, 1-й отчет, Sen. Doc. 169, 57th Congress, 1st Sess., 13:4231; 2-й отчет, *бюллетень* № 47 (1903); 3-й отчет, *бюллетень* № 66 (1906).

Хоффман, Фредерик Л., "Расовые черты и склонности американского негра", *Публикации Американской экономической ассоциации*, том XI, № 1, 2, 3 (1896).

Хьюбнер, Гровер Г., "Американизация иммигранта", *Американская академия политических и социальных наук*, май, 1906 г., стр. 191.

Hull House Maps and Papers, A Presentation of Nationalities and Wages in a Congested District of Chicago, by residents of Hull House. Нью-Йорк, 1895.

Хантер, Роберт, *Бедность*. Нью-Йорк, 1904. Глава VI, "Иммигрант".

Законы и правила об иммиграции и законы об исключении китайцев, Бюро иммиграции и натурализации, Вашингтон.

Лига ограничения иммиграции, Прескотт Ф. Холл, секретарь, Бостон, Массачусетс. Листовки.

Промышленная комиссия, том XV, *Иммиграция и образование*; том XIX, *Разное* (1901).

Джексон, Хелен Хант, *Век бесчестия*. Нью-Йорк, 1881.

Лига исключения японцев и корейцев, Сан-Франциско. Листовки.

Дженкс, Дж. У., *Некоторые экономические вопросы в английских и голландских колониях на Востоке*. Военное министерство, Бюро по делам островных государств, 1902 г., док. No. 168.

Еврейское общество сельскохозяйственной и промышленной помощи, *годовые отчеты*. Нью-Йорк.

Kellor, Frances A., *Out of Work*. New York, 1904.

Kelsey, Carl, *The Negro Farmer*. Chicago, 1903. Также *Анналы Американской академии политических и социальных наук*, январь, 1903.

Кинг и Оки, *Италия сегодня*. Лондон, 1901.

Кучински, Р., "Плодовитость коренного и иностранного населения в Массачусетсе", *Ежеквартальный журнал экономики*, ноябрь, 1901, февраль, 1902. "Die Einwanderungspolitik und die Bevölkerungsfrage der Vereinigten Staaten von Amerika", *Volkswirtschaftliche Zeitfragen*. Berlin, 1903.

Лазар, Бернард, *Антисемитизм, его история и причины*. Нью-Йорк, 1903.

Библиотека Конгресса США, *Избранный список литературы по негритянскому вопросу (1903)*. *Список работ, касающихся немцев в Соединенных Штатах (1904)*. *Select List of References on Chinese Immigration (1904)*. *Четырнадцатая поправка*. Список обсуждений Четырнадцатой и Пятнадцатой поправок с особым упором на негритянское избирательное право (1906). *Список литературы по натурализации (1907)*.

Лодж, Генри Кэбот, *Исторические и политические очерки*. Boston, 1892.

Лорд, Тренор и Барроуз, *Итальянец в Америке*. Нью-Йорк, 1905. Особенно об итальянцах в американском сельском хозяйстве.

Mallock, W. H., *Aristocracy and Evolution*. Нью-Йорк, 1898.

Маршалл, Альфред, *Принципы экономики*. Нью-Йорк, 1891.

Мерриам, Г. С., *Негр и нация*. Нью-Йорк, 1906.

Мюрхед, Джеймс Ф., *Страна контрастов*. Лондон и Нью-Йорк, 1900.

Мюнстерберг, Хьюго, *Американские черты*. Нью-Йорк, 1902.

Натурализация, доклад президенту Комиссии по. Представлен 8 ноября 1905 г., 59th Cong., 1st Sess., H. R. Doc. 46.

Негр. Серия статей о периоде реконструкции, *Atlantic Monthly*. "Реконструкция южных штатов", Вудро Вильсон, 87:1; "Условия проблемы реконструкции", Хилари А. Герберт, 87:145; "Бюро свободных людей", У. Э. Б. Дю Буа, 87:354; "Реконструкция в Южной Каролине", Дэниел Х. Чемберлен, 87:473; "Ку-клукс-клан", Уильям Дж. Браун, 87:634; "Вашингтон во время реконструкции", С. В. Макколл, 87:817; "Реконструкция и лишение прав", редакторы, 88:31; "Новый Орлеан и реконструкция", Альберт Фелпс, 88:121; "Южный народ во время реконструкции", Томас Нельсон Пейдж, 88:289; "Разрушение реконструкции", Уильям А. Даннинг, 88:437.

Бюро труда США, *бюллетень* № 22, "Негр в Черном поясе"; № 32, "Негры Сэнди-Спринг, Мэриленд"; № 35, "Негр-землевладелец Джорджии"; № 37, "Негры Литвалтона, Виргиния"; № 38, "Негры центральной фабрики Синклар и плантации Калумет, Луизиана"; № 48, "Негры Ксении, Огайо".

"Негры, социальные интересы в северных городах". *Charities*, специальный номер, 7 октября 1905 г.

Ripley, W. Z., *The Races of Europe*. New York, 1899.

Roosevelt, Theodore, *The Winning of the West*, 4 vols. New York, 1889-1894.

Розенберг, Эдвард, "Китайские рабочие в Китае", "Филиппинцы как рабочие", "Условия труда на Гавайях", *American Federationist*, август, октябрь, декабрь, 1905 г.

Росс, Эдвард А., "Причины расового превосходства", *Анналы Американской академии политических и социальных наук*, июль, 1901, с. 67-89. Знаменательное выступление, в котором был придуман термин "расовое самоубийство".

Роу, Лео С., *Соединенные Штаты и Порто-Рико*. Нью-Йорк, 1904 г.

Семпл, Эллен Черчилль, *Американская история и ее географические условия*. Нью-Йорк, 1903. "Англосаксы в горах Кентукки: A Study in Anthropogeography," *Geographical Journal*, 17:588 (1901).

Slav in America, The, *Charities*, December, 1904. Описательные статьи представителей нескольких славянских национальностей.

Смит, Р. М., *Эмиграция и иммиграция*. Нью-Йорк, 1890. "Ассимиляция национальностей в Соединенных Штатах", *Political Science Quarterly*, Vol. IX, pp. 426-444, 650-670 (1894).

Стюарт, Этельберт, "Влияние профсоюзов на иммигрантов", Бюро труда, *бюллетень* № 56.

Стоун, А. Х., "Негр в дельте Язу-Миссисипи", *Американская экономическая ассоциация*, 3-я серия, том III, стр. 235-278 (1901). "Фактор мулатов в расовой проблеме", *Atlantic Monthly*, май, 1903. "Эксперимент на плантации", *Ежеквартальный журнал экономики*, 19:270 (1905). "Итальянский хлопокод: проблема негра", *South Atlantic Quarterly*, 4:45 (1905).

Суфражизм, подавление суфражизма. Отчет Комитета по политической реформе Клуба Лиги Союза. New York, 1903.

Thomas, W. H., *The American Negro*, 1901.

Тиллингхаст, Джозеф А., "Негр в Африке и Америке", *Американская экономическая ассоциация*, 3-я серия, том III, № 2 (1902).

Ван Ворст, миссис Джон и Мари, *"Женщина, которая трудится"*. Нью-Йорк, 1903. Содержит введение президента Рузвельта.

Уолкер, Фрэнсис А., *Дискуссии по экономике и статистике*, 2 тома, 1897.

Уорд, Роберт де К., "Разумные методы регулирования иммиграции", *Обзор обзоров*, март, 1906.

Уорн, Фрэнк Джулиан, *"Нашествие славян и шахтеры"*, 1904 г.

Вашингтон, Букер Т., *Будущее американского негра*, 1900. *Вверх из рабства*, 1901.

Уотсон, Элканах, *Люди и времена революции*. Под редакцией его сына, Уинслоу К. Уотсона, 2-е издание. New York, 1861.

Welfare Work, Conference on, National Civic Federation. Нью-Йорк, 1904.

Уэлпли, Джеймс Д., *Проблема иммигранта*, 1905. Эмиграционные законы европейских стран и иммиграционные законы британских колоний и Соединенных Штатов.

Вудс, Р. А., *Городская дикая местность*, 1898. *Американцы в процессе*, 1902.

РАСЫ И ИММИГРАНТЫ В АМЕРИКЕ

ГЛАВА I

РАСА И ДЕМОКРАТИЯ

"Все люди созданы равными". Так писал Томас Джефферсон, и с ним соглашались делегаты от американских колоний. Но мы не должны слишком сильно давить на них и настаивать на буквальном толковании их слов. Они не публиковали научный трактат о природе человека, не описывали физические, интеллектуальные и моральные качества разных рас и разных людей, а преследовали практическую цель в политике. Они хотели поддержать перед миром дело независимости с помощью таких призывов, которые, по их мнению, могли бы возыметь эффект; и, конечно, призыв к чувству равенства прав перед Богом и законом является самым мощным, что может быть обращено к массам любого народа. В этом и заключается суть американской демократии: у человека должно быть столько же возможностей, сколько и у любого другого, чтобы максимально реализовать себя, выдвинуться и добиться высокого положения в любом призвании, к которому он склонен. Для этого один за другим были сброшены барьеры привилегий, избирательное право было распространено на каждого человека, а государственные должности были открыты для любого, кто сможет убедить своих избирателей или их представителей выбрать его.

Но есть и другая сторона успешного функционирования демократии. Мало того, что всем должна быть предоставлена равная возможность участвовать в принятии и исполнении законов, - не менее важно, чтобы все были способны к такому участию. Люди, классы или расы, которые в силу каких-либо умственных или моральных недостатков не могут заявить о себе рядом с другими людьми, классами или расами и добиться своего права на равный голос в определении законов и условий, которые управляют всеми, в такой же степени лишены этой привилегии, как если бы они были исключены конституцией. В случае с отдельными людьми, когда они опускаются ниже уровня совместного участия, мы признаем их принадлежащими к классу дефективных, преступников или нищих, и обеспечиваем их не на основе их прав, а на основе благотворительности или наказания. Такие классы являются исключениями с точки зрения численности, и мы не считаем, что их неучастие является недостатком в работе демократического правительства. Но когда социальный класс или целая раса не в состоянии получить ту долю в управлении, на которую им дают право законы, мы сразу же признаем, что демократия как практический институт разрушилась, и что под формами демократии развилась олигархия класса или олигархия расы.

Поэтому для демократического правительства, подобного тому, которое поставил перед собой американский народ, необходимы две вещи: равные возможности перед законом и равная способность классов и рас использовать эти возможности. Если первое отсутствует, мы имеем законную олигархию; если отсутствует второе, мы имеем фактическую олигархию, замаскированную под демократию.

Следует отметить, что по сравнению с первыми двумя столетиями истории нашей страны нынешнее поколение несколько меняет свои взгляды на демократию. Хотя нельзя с полным правом обвинять наших отцов в том, что они не замечали неравенства рас и отдельных людей, они все же больше, чем нынешнее поколение, с надеждой смотрели на воспитательную ценность демократии. "Верно, - говорили они, - чернокожий не равен белому, но стоит освободить его от юридических уз, открыть школы, профессии, предприятия и офисы для тех, кто больше всего к ним стремится, и вы увидите, что как раса он будет заметно продвигаться вперед по сравнению со своими белыми согражданами".

Прошло уже почти сорок лет с тех пор, как эти возможности и образовательные преимущества были предоставлены неграм не только на равных условиях, но и фактически на условиях предпочтения перед белыми, и страшный крах эксперимента признается даже его сторонниками как нечто неизбежное с учетом природы расы на том этапе ее развития. На следующих страницах у нас будет повод более подробно остановиться на этом вопросе, поскольку расовый вопрос в Америке нашел свое наиболее яркое выражение в отношениях между белой и негритянской расами и проявил себя как самая фундаментальная из всех американских социальных и политических проблем. Ведь именно этот расовый вопрос спровоцировал Гражданскую войну со всеми зловещими проблемами, которые последовали за этой катастрофой; и именно эта же расовая проблема отвлекает сейчас внимание от решения тех насущных экономических проблем, связанных с налогообложением, корпорациями, трестами и рабочими организациями, которые сами зародились в ходе Гражданской войны. Расовая проблема на Юге - лишь одна из крайностей той же проблемы в больших городах Севера, где народное правительство, как его представляли себе наши предки, вытеснено единоличной властью, и где глубокое недоверие к демократии овладевает образованными и владеющими собственностью классами, формирующими общественное мнение.

Меняющееся отношение к воспитательной ценности самоуправления побудило нас к более серьезному изучению природы демократических институтов и тех классов и рас, которые призваны участвовать в них. Как народ, чьи прежние надежды были разрушены тяжелыми ударами опыта, мы начинаем делать паузы и оценивать разнородные человеческие массы, которые мы допустили к управлению нашим великим политическим предприятием. Мы пытаемся заглянуть под поверхность и выяснить, не являются ли факторы наследственности и расы более фундаментальными, чем факторы воспитания и окружающей среды. Мы обнаруживаем, что наши демократические теории и формы правления были созданы лишь одной из многих рас и народов, которые попали в сферу их практического применения, и эта раса, так называемая англосаксонская, разработала их на основе своего собственного опыта, не подвергаясь вторжениям чужеродных элементов. Когда они были установлены в Англии и получили дальнейшее развитие в Америке, мы обнаружили, что другие расы и народы, привыкшие к деспотизму и даже дикости, и совершенно не привыкшие к самоуправлению, были втянуты в эту тонкую ткань. Как практичный народ, которым мы гордимся, мы начали фактически деспотизировать наши институты, чтобы контролировать эти диссидентские элементы, хотя по-прежнему оптимистично утверждаем, что сохраняем первоначальную демократию. Раньше проблема была в основном политической - как

объединить в одну самоуправляемую нацию разрозненное население с широким разнообразием природных ресурсов, климатических условий и интересов, которые характеризуют страну, которая вскоре протянется от океана до океана и от арктики до субтропиков. Теперь проблема носит социальный характер: как объединить в один народ представителей разных рас, еще более разнообразных, чем ресурсы и климат, из которых они черпают средства к существованию. Девиз "*E pluribus unum*", которым в прошлом руководствовались те, кто в ходе конституционных дебатов и гражданской войны выработал нашу форму правления, должен теперь снова стать девизом тех, кто будет решать более фундаментальную проблему различия рас. Здесь есть нечто более глубокое, чем форма правительства, - это сущность правительства, ибо именно объединение сердец, жизней и способностей людей делает правительство тем, чем оно на самом деле является.

Условия, необходимые для демократического правления, - это не просто конституции и законы, гарантирующие равенство, свободу и стремление к счастью, ведь это всего лишь бумажные документы. Это не просто свобода от иностранной власти, ведь австралийские колонии пользуются самым демократичным из всех правительств, в основном потому, что они принадлежат другой стране, которая защитила их от внешних и гражданских войн. Богатство и процветание также не являются необходимыми условиями для демократии, поскольку они могут привести к роскоши, неравенству и зависти. Мировая мощь, какой бы славной и манящей она ни была, не способствует демократии, поскольку склоняет к милитаризму и централизации, как Рим в руках императора или Венеция в руках олигархии. Истинные основы демократии заложены в характере самого народа, то есть в личностях, составляющих демократию. К ним относятся: во-первых, интеллект - способность взвешивать доказательства и делать обоснованные выводы на основе достаточной информации; во-вторых, мужественность, то, что римляне называли мужественностью, и что в основе своей является достойным самоуважением, самоконтролем и тем самоутверждением и ревностью к посягательствам, которые отличают тех, кто, зная свои права, смеет их отстаивать; в-третьих, что не менее важно, способность к сотрудничеству, готовность и способность организовываться, доверять своим лидерам, работать вместе ради общих интересов и ради общей судьбы, способность, которую мы по-разному обозначаем как патриотизм, общественный дух или самоуправление. Это основные качества, которые лежат в основе демократии, - интеллект, мужественность, сотрудничество. Если они отсутствуют, демократия бесполезна. Здесь возникает проблема рас, фундаментального разделения человечества. Расовые различия заложены в самой крови и физической конституции. Их труднее всего искоренить, и они поддаются лишь медленным процессам веков. Расы могут менять свои религии, формы правления, способы производства и языки, но под всеми этими изменениями они могут сохранять физические, умственные и моральные способности и неспособности, которые определяют реальный характер их религии, правления, промышленности и литературы. Раса и наследственность служат сырьем, образование и среда - инструментами, с помощью которых и посредством которых создаются социальные институты; в демократическом обществе раса и наследственность имеют тем большее значение, что образование и среда, формирующие грядущие поколения, сами контролируются посредством всеобщего избирательного права теми расами, которые надеются воспитать и возвысить.

Социальные классы. - С расовым делением, оказывающим влияние на демократию, тесно связаны деления между социальными классами. В Америке мы склонны поздравлять себя с отсутствием классов с сопутствующими им ненавистью и завистью. Будем ли мы и дальше так себя величать, отчасти зависит от того, что мы понимаем под социальными классами. Если мы сравним нашу ситуацию с крайним случаем - Индией,^[1] где социальные классы

превратились в жесткие касты, - мы увидим связь между расами и классами. Ведь принято считать, что касты в Индии возникли в результате завоевания арийской расой коренной темной или цветной расы. И хотя четкие расовые различия были смешаны в результате многих веков слияния, все же наиболее очевидно, что градация цвета кожи следует за градацией социального положения, от светлокожего брахмана высокой касты до темнокожего судры низкой касты, или отверженного изгоя. Расовое деление было забыто, но вместо него религия освятила деление еще более жесткое, чем расовое, ибо святотатство и поношение богов, когда человек из низкой касты осмеливается заниматься профессией и призванием высшей касты. Состояние Индии сейчас - это то, что можно было бы придумать для наших южных штатов через тысячу лет, когда чернокожий человек, не продвинувшийся до светлых оттенков мулата, должен быть исключен из всех профессий и квалифицированных ремесел, а также из всех государственных должностей, и должен быть ограничен самым грубым видом работы в качестве поденщика или полевого рабочего на сельскохозяйственных плантациях. Ограниченные этим занятием, не имеющие стимула к экономии из-за отсутствия перспектив подняться выше своего положения, и при увеличении их числа, конкуренция снизит их заработную плату до низшего предела, соответствующего продолжению рода. Такое развитие событий, очевидно, происходит и в наши дни, и мы можем с уверенностью сказать, что на нашем Юге мы можем увидеть те самые исторические шаги, по которым в забытые века Индия пришла к своей жесткой системе каст.

В индийской системе не хватает только одного - религии, которая приписывает самому Богу неравенство, созданное человеком. Ведь индеец получает священного Брахмана из уст Бога, чтобы быть Его представителем на земле, в то время как бедный Судра приходит от ног Бога, чтобы навсегда стать слугой всех каст, стоящих выше него. Но христианская религия выдвинула другую теорию, которая приписывает Богу полную беспристрастность по отношению к расам и отдельным людям. Он "создал из одной крови все народы". Именно из этой доктрины возникло так называемое "самоочевидное" утверждение в Декларации независимости, и именно эта доктрина на протяжении всей истории европейской цивилизации способствовала сглаживанию жестких линий каст в менее определенные линии социальных классов. Ведь следует помнить, что Европа, как и Индия, построена на завоеваниях, и раннее население было низведено до состояния рабов и крепостных завоевательных рас. Правда, здесь не было того крайнего противостояния белых и цветных рас, которое отличало завоевания Индии, и это тоже одна из причин, по которой рабство и крепостное право постепенно отступили и расы объединились. Тем не менее, современное крестьянство Европы в значительной степени является продуктом крепостного права и того расового отчуждения, которое породило крепостное право. Здесь мы можем найти источник того высокомерия, с одной стороны, и раболепия, с другой, которые так тесно связывают классовое деление с расовыми различиями. Европейский крестьянин, говорит профессор Шалер,^[2] "знает, что он по праву рождения принадлежит к низшему классу, из которого практически нет шансов выбраться..... Для крестьян характерно, что они смирились с этой неполноценной участью. На протяжении многих поколений они считали себя отделенными от своих сограждан, принадлежащих к более высокому сословию. У них нет большого чувства гражданских побуждений; они не чувствуют ответственности ни за какую часть общественной жизни, кроме той, что лежит в пределах их собственного узкого круга действий".

Как это отличается от качеств типичного американского гражданина, чьи предки воздвигли здание нашей представительной демократии! Не крестьяне Европы стремились к этим берегам, чтобы основать свободное правительство. Это был средний класс, купцы и йомены, те, кто в религии и политике были буквально "протестантами", и кто обладал умом,

мужественностью и общественным духом, который побуждал их отстаивать для себя те неотъемлемые права, которые церковь или государство их времени присвоили себе. Для такого социального класса демократия является единственной приемлемой формой правления. Они требуют и обеспечивают себе равные возможности, потому что способны подняться до этих возможностей. По своей природе они ожидают и стремятся к высшим должностям.

Но крестьяне Европы, особенно Южной и Восточной, были низведены до качеств неполноценной расы, которая предпочитает деспотию и олигархию, а не демократию. Единственными путями выхода из своего подчиненного положения были армия и церковь, и эти два института вытягивали из крестьян их самые способные и яркие интеллекты в жизнь, которая лишала их потомства. "Среди преуспевающих людей всегда было много занятий, манящих более способных молодых людей, в то время как среди рабочих церковь предлагала самый легкий путь к возвышению и наиболее заманчивый для умных. В результате, хотя священство и монашеские ордена систематически ослабляли все население католической Европы, их влияние было наиболее эффективным в уничтожении талантов в крестьянском сословии"[3].

Таким образом, крестьяне католической Европы, составляющие основную часть нашей иммиграции последние тридцать лет, стали почти отдельной расой, лишенной тех высших качеств, которые лежат в основе демократических институтов. Если в Америке наша хваленая свобода от пороков социальных классов не подтвердится в будущем, причины будут найдены в иммиграции рас и классов, неспособных разделить наши демократические возможности. Уже в случае с неграми это разделение ужесточилось и, похоже, обречено стать еще более жестким. Здесь мы должны признать, по крайней мере, одно исключение из нашего утверждения об иммунитете от социальных классов. Смогут ли дети европейских иммигрантов, благодаря нашим государственным школам, нашей бурной политике, нашим вездесущим газетам, нашему общему языку и нашей транспортной сети, подняться до возможностей, недоступных их родителям, - это самая большая и глубокая проблема, которая сейчас стоит перед нами. Нам как народу следует приступить к практическому изучению этой проблемы, ибо от ее решения зависит судьба правительства народа, для народа и народом.

Расы в Соединенных Штатах. Мы используем термин "раса" в довольно свободном и эластичном смысле; и мы действительно не виноваты в этом, поскольку этнографы не пришли к единому мнению по этому поводу. Расы классифицировались по цвету кожи, по языку, по предполагаемому происхождению, а в наши дни - по форме черепа. Для нашей цели мы должны рассмотреть только те крупные и очевидные деления, которые имеют прямое отношение к проблеме ассимиляции, отсылая тех, кто ищет более тонкие проблемы, к другим книгам[4].

Человечество в целом было разделено на три и еще раз на пять больших расовых групп, и одна из этих групп, арийская или индогерманская, представлена среди нас десятью или более подразделениями, которые мы также называем расами. Не стоит путать, если мы используем термин "раса" не только для обозначения этих больших подразделений, которые по своей природе настолько далеки одно от другого, что вопрос об их успешном слиянии остается открытым, но и для обозначения тех народов или национальностей, которые мы признаем как отдельные, но родственные в рамках одного из больших подразделений. На территории, контролируемой Соединенными Штатами, в настоящее время можно найти представителей каждого из этих больших делений, или первичных расовых групп, и было бы увлекательным исследованием отвлечься от более практических тем и проследить, как

человеческие расы рассеивались по земному шару и как они в конце концов снова собрались вместе под властью Американской республики. Первая - арийская, или индогерманская, раса, которая, где бы она ни зародилась, послала своих санскритских завоевателей на юг, чтобы насадить там черную расу, родственную африканцам и австралийцам. Ее западная ветвь, удаленная на многие тысячи миль, завоевала и заселила Европу. Здесь она разослала множество мелких ветвей, среди которых были греки и латиняне, чье положение на Средиземном море в значительной степени способствовало развитию блестящих и завоевательных цивилизаций, и которые после двадцати веков упадка и подчинения в течение последних двадцати лет вновь начали свое движение на запад, на этот раз в Северную и Южную Америку. К северу от Греции арийцы превратились в многообразных славян, эту самую плодородную расу. Одна ветвь славян распространила могущество России на восток и запад и теперь подавляет пришельцев - евреев, финнов, литовцев, немцев и даже своего собрата-славянина, поляка, которые, спасаясь от своих угнетателей, устремляются в Америку. Сам русский, с его огромными просторами плодородных прерий и степей, не мигрирует через воду, а изгоняет тех, кого не может или не хочет ассимилировать. Из Австро-Венгрии с ее пестрой расой приходят другие ветви славян, богемцы, моравы, словаки, словенцы, хорваты, румыны, поляки и русины, некоторых из них ошибочно называют гуннами, но на самом деле их угнетают истинные гунны, мадьяры, и германцы. К западу от славян находятся тевтонские ветви ариев, германцы, скандинавы и, прежде всего, англичане и шотландцы-ирландцы, происходящие от англов, саксов и франков, которые дали Америке наибольшее количество населения, а также наш язык, наши институты и формы правления. Другие ветви арийцев, известные как кельтские, включая ирландцев, шотландцев и валлийцев, ранее изгнанных тевтонами на холмы и острова, в последние дни дополнили наше население вместе с англичанами и немцами. Французы, смесь тевтонов и кельтов, национальность, отмеченная выше всех остальных своей неподвижностью и нелюбовью к миграции, тем не менее пополняют нашу численность через Канаду и посылают к нам класс людей, более отличающихся от современного француза в его родном доме, чем итальянец или португалец отличается от француза.

В плодородных долинах Месопотамии и Тигра семитская раса отделилась от своих двоюродных братьев, арийцев, и одна замечательная ветвь этой расы, евреи, поселившись на небольшом участке земли на восточном берегу Средиземного моря и в конце концов изгнанные как странники, чтобы жить своим умом, эксплуатируемые и эксплуатирующие в свою очередь все расы Европы, в конечном итоге были изгнаны в Америку тысячами из России и Австрии, где находится почти половина их нынешнего числа.

Другая раса, монгольская, размножившись на равнинах Азии, направила свою завоевательную ветвь на запад, рассеяв славян и тевтонов и создав для себя постоянный клин в центре Европы, откуда под именем мадьяр, истинных венгров, монголы попадают в Америку. Отправившись в другом направлении от этой азиатской родины, монгольская раса совершила кругосветное путешествие, и китайцы, японцы и корейцы встречают в Америке своих непризнанных кузенов многотысячелетней давности.

Последним из иммигрантов, но самым ранним по времени среди , является черная раса с невольничьего побережья Африки. Это была не свободная и добровольная миграция людей, ищущих новые поля, чтобы избежать угнетения, а принудительная миграция, призванная избавить белую расу от тяжелого труда. Все остальные упомянутые расы, арийская, семитская, монгольская, в ранние времена встречались друг с другом и даже, возможно, произошли от одного и того же источника, так что, когда они собираются вместе в Америке, предположительно происходит возобновление прежних связей. Но насколько мы можем

проследить историю рас по данным археологии или филологии, мы не находим никаких следов принадлежности к черной расе. Разделение по континентам, климату, цвету кожи и институтам - самое диаметрально противоположное из всех, что человечество демонстрирует где-либо. Оно даже больше, чем между арийцем и коренным американцем, которого неправильно называют индейцем, чье присутствие на земле, которую мы захватили у него, дало нам возможность внести особый вклад в нашу многообразную расовую проблему. Индейские племена, хотя и находились на приобретенной нами территории, рассматривались как иностранные народы, и их резервации были сохранены для них в форме договоров. Лишь недавно началась политика принятия их в гражданство, и поэтому индейцы, превосходящие в некоторых отношениях негров, не мешали нашему эксперименту в области демократии.

Последней по времени мы приняли в свои ряды малайскую расу, насчитывающую около семи миллионов представителей на Гавайских и Филиппинских островах. Как и индейцы и негры, эта раса никогда в исторические времена до открытия нового мира не вступала в тесный контакт с белыми расами. С ее добавлением мы завершили круг всех великих делений человеческой семьи и объединили для общего эксперимента по самоуправлению белую, желтую, черную, красную и коричневую расы Земли.

Амальгамация и ассимиляция Редко какая нация в древней или современной истории может похвастаться столь разнообразной совокупностью людей в пределах компактных границ. Часто утверждается, что нация, состоящая из смешанного состава, превосходит по уму и телу ту, которая состоит из одного и однородного состава. Но следует помнить, что для амальгамации требуются столетия. Английская раса, вероятно, является настолько хорошим примером смешанной расы, какой только можно найти в современной истории, однако эта раса, хотя и представляет собой смесь близкородственных примитивных кельтов, завоевателей-тевтонов и латинизированных скандинавов, достигла общего языка и однородности только через триста лет после последней примеси. Из современных исследований мы знаем, что все расы Европы смешанные по своему происхождению, но мы также знаем, что большая часть этого смешения, приведшая к слиянию, произошла в столь отдаленное время, что ее относят к каменному веку.^[5] Более поздние вторжения были либо временными и оставили незначительный след, либо привели к разделу территории. Так, завоевание Британии тевтонами и норманнами привело не столько к слиянию, сколько к разделению кельтов в Шотландии, Уэльсе и Ирландии и тевтонов, с их более поздним, но незначительным вкраплением норманнов, в Англии. На европейском континенте эта сегрегация была выражена еще сильнее. Нынешнее расслоение рас и национальностей произошло после тысячелетних потрясений и вторжений, вызванных упадком и падением Римской империи. Произошло два события. Завоевательная раса частично подчинила себе туземное население и навязала ему свои законы, обычаи и язык. Со временем подчиненная раса становится низшим социальным классом и постепенно ассимилируется с высшими классами, создавая однородную национальность с новой эволюцией законов, обычаев и языка. Такова история четырех великих наций Европы - французской, немецкой, английской, итальянской. Другой путь развития - обособление части покоренной расы, которая, спасаясь от завоевателей, избегает фактического подчинения, уходя в горы и на острова. Здесь они сохраняют свою первоначальную чистоту рода и языка. Такова история Австро-Венгрии, чье прежнее славянское население было рассеяно направо и налево германцами и гуннами и которое теперь представляет собой отдельные ветви и диалекты неассимилированных рас. То, что Австро-Венгрия с ее дюжиной языков смогла продержаться в качестве "двойной империи" в течение многих лет, является одним из чудес истории, и часто приписывают тому, что является сущностью самодержавия, - личной власти императора.

Маленький пучок республик, известный как Швейцария, является федерацией французов, немцев и итальянцев, которые сохранили свои языки и развили то, что никогда не было развито в других местах при таком конфликте рас, - высокий уровень демократического правления. Здесь в исторические времена не произошло ни слияния рас, ни ассимиляции языков, но было явное преимущество в виде уединенной свободы от окружающих феодалов, что, естественно, привело к свободной федерации независимых кантонов. Именно горы Швейцарии, а не смешанные расы, способствовали развитию ее демократии. На другом конце света наивысшего развития демократия достигла в колониях Австралии, где однородная раса, защищенная от внешних врагов и запрещающая иммиграцию чужих рас и низших классов, выработала самоуправление в политике и промышленности. В Римской империи мы видим противоположную крайность. Сначала ограниченная республика, расширение завоеваний и присоединение чужих рас привели к централизации власти в руках одного человека, которая превратила республику в империю. Британская империя, которая сегодня охватывает все расы Земли, становится все более демократичной по отношению к англичанам, но деспотичной по отношению к подданным расам. Если взять империю в целом, то ни объединение, ни самоуправление не входят в возможности ее конституционного роста.

В Америке, с другой стороны, мы попытались объединить все расы в одно содружество и одно выборное правительство. У нас есть заметное преимущество по сравнению с другими странами, где расовое разделение подорвало демократию. Один язык стал доминирующим со времен самого раннего постоянного поселения, и все последующие расы и языки должны перенять установленный носитель. Это очень важно, ведь человечество объединяет не физическое слияние, а ментальная общность. Чтобы стать великой, нация не должна быть одной крови, она должна быть одной мысли. Расовое неравенство и неполноценность являются фундаментальными лишь в той степени, в какой они препятствуют умственной и моральной ассимиляции. Если мы думаем вместе, мы можем действовать вместе, а органом общей мысли и действия является общий язык. Через призму этого благородного инструмента человеческого разума все остальные инструменты направляют свою силу ассимиляции на новые поколения, выходящие из среды разобщенных иммигрантов. Государственные школы, газеты, книги, политические партии, профсоюзы, религиозные пропагандисты с их многообразными агентствами всеобщего образования, железные дороги с их побуждениями к беспрецедентной мобильности населения - все они зависят от нашего общего языка для обеспечения их высокой эффективности. Здесь нам повезло в наших планах по американизации всех рас в пределах наших границ. Мы не собираемся позволить судьбе наших институтов ждать медленных и сомнительных процессов слияния крови, но стремимся направить наши силы на более быстрые движения ментальной ассимиляции. Раса и наследственность могут быть вне нашего организованного контроля; но инструмент общего языка находится под рукой для сознательного улучшения через образование и социальную среду.

ГЛАВА II

КОЛОНИАЛЬНЫЕ РАСОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Несомненно, самой увлекательной темой в изучении рас является тема великих людей, которых произвела на свет каждая раса. Личный интерес, окружающий тех, кто добился известности, возвращает нас на каждом этапе их карьеры к их детству, родителям и предкам.^[6] Расовая гордость добавляет свою изюминку, и у каждой расы есть свои восхвалители, которые утверждают, что каждый великий человек, в чьем семейном древе есть хоть один предок, мужчина или женщина, близкий или далекий, принадлежит к восхваляемой расе. Здесь возникает "конфликт юрисдикций", и студент, лишенный расовых предрассудков, начинает искать причины, отличные от расового происхождения, которым следует приписать возникновение величия.

Несколько лет назад мистер Генри Кэбот Лодж^[7] попытался отнести к различным расам Америки 14 243 человека, достаточно выдающихся, чтобы занять место в "Энциклопедии американской биографии Эпплтона". Он подготовил следующую статистическую сводку:...

ВЫДАЮЩИЕСЯ АМЕРИКАНЦЫ

Англия	10,376
Шотландцы-ирландцы	1,439
Немец	659
Гугеноты	589
Шотландцы	436
Голландцы	336
Уэльс	159
Ирландцы	109
Французский	85
Скандинавские	31
Испанский	7
Итальянский	7
Швейцария	5
Греция	3
Русский	1
Польский	1
Всего	14,243

Когда мы вникаем в методы, неизбежно используемые при составлении статистической таблицы такого рода, то обнаруживаем серьезные ограничения. Мистер Лодж ограничился только отцовской линией, но если, как утверждают некоторые биологи, женщина - это консервативный элемент, который придерживается типа, а мужчина - переменный элемент, который отклоняется от типа, то специфический вклад расового фактора будет найден в материнской линии. Однако оставим этот сомнительный момент. Мы видим, что в

американской жизни двести лет смешения во многих, если не в большинстве случаев, нарушили преемственность расы. Правда, в течение большей части этого времени в Новой Англии и Виргинии сохранялось чисто английское происхождение, но сам факт, что, согласно таблицам мистера Лоджа, Массачусетс произвел 2686 выдающихся людей, в то время как Виргиния, той же крови, произвела только 1038, должен навести на подозрение, что факторы, отличные от расового происхождения, являются основной движущей силой величия.

Следует помнить, что способности не тождественны известности. Способности - это продукт происхождения и обучения. Выдающееся положение - случайность социальных условий. В семнадцатом веке основную часть населения составляла английская раса, и английское завоевание определило форму правления, язык и возможности для индивидуального развития. В течение последующего столетия шотландцы-ирландцы и немцы мигрировали почти в равных количествах, и их общая миграция была, возможно, такой же большой, как и миграция англичан в семнадцатом веке. Но они были вынуждены переселиться во внутренние районы страны, стать пограничниками, зарабатывать на жизнь непосредственно на земле и оставить своим предшественникам-англичанам более значимые занятия - политику, литературу, юриспруденцию, торговлю и армию. Немцы, которые, по словам Лоджа, "произвели на свет меньше способных людей, чем любая другая раса в Соединенных Штатах", были еще более ограничены своим языком и изоляцией, которая сохраняется и по сей день в тех графствах Пенсильвании, где они первоначально поселились. С другой стороны, гугеноты и голландцы появились в первом веке колонизации. Они быстро слились с англичанами, утратили свой язык и, следовательно, внесли свой посильный вклад. Наконец, ирландцы, скандинавы и другие расы, незаметные в плеяде знатных людей, в массовом порядке переселились только в середине XIX века, и, помимо ограничений, связанных с языком и бедностью, пути к известности для них оказались заняты.

"Возвращение "Мэйфлауэра"
Картина Боутона, 1834 год

Помимо случайности, связанной с первенством во времени, второй фактор, отличный от расы как таковой, способствовал возвышению одной расы над другой. Гугеноты и французы, согласно статистике Лоджа, демонстрируют процент способностей в пропорции к общей численности иммигрантов, намного превышающий аналогичный показатель любой другой расы. Но гугеноты были избранным классом людей, промышленниками и купцами, возможно, самыми умными и предприимчивыми из французов в семнадцатом веке. Кроме того, прямая миграция из Франции в эту страну никогда не включала в себя множество крестьян и наемных работников, а ограничивалась авантюристами и образованными людьми. Если бы франко-канадцы, которые представляют крестьянство Франции, были включены в эти сравнения, доля французских выдающихся людей была бы значительно уменьшена.

То же самое можно сказать и об англичанах. Несмотря на то что они произошли от одной расы, те, кто приехал в Америку, представляли, по крайней мере, два класса общества, столь же далеких друг от друга, как и две расы. Пилигримы и пуритане из Новой Англии были йоменами, купцами, промышленниками, искусными в промышленности, часто независимыми в средствах и хорошо подготовленными в интеллектуальных спорах о религии и политике. Плантадоры Юга также происходили из класса, имеющего схожее положение, хотя и не столь сильно пристрастившегося к интеллектуальным занятиям. Под обоими этими классами находились наемные слуги, некоторые из которых были способными людьми, вынужденными оплачивать свой проезд службой. Но большинство из них попадали в эту страну по объявлениям судовладельцев и землевладельцев или даже насильно захватывались на улицах городов или перевозились за преступления и нищенство. Хотя все эти классы принадлежали к одной расе, они так же сильно различались между собой, как и сами расы, с точки зрения врожденных способностей и подготовительной подготовки.

Третьей и самой важной причиной выдающихся личностей, помимо происхождения, является промышленная и правовая среда. Сельскохозяйственное сообщество производит очень мало выдающихся людей по сравнению с тем, сколько их производится там, где мануфактура и торговля соперничают с сельским хозяйством в привлечении молодежи. В государстве, где широко представлены разнообразные промышленные интересы, вероятно, будут широко представлены разнообразные интеллектуальные и моральные интересы. Сложные проблемы промышленности и политики стимулируют ум и отражают свое влияние в литературе, искусстве, образовании, науке и профессиях. Равные возможности для всех классов и крупные премии для честолюбивых и трудолюбивых побуждают людей с природными способностями к самым высоким достижениям. Именно омертвляющее воздействие рабства, создающее неравенство среди самих белых, задушило гений южанина, будь то англичанин, гугенот или шотландский ирландец, и именно свободные институты Севера дали возможность его гению раскрыться и расцвести.

Эти соображения заставляют нас с недоверием относиться к заявлениям тех, кто находит в расовом происхождении или в смешении рас причины такого выдающегося положения, которого достигли американцы. Хотя расовый фактор является решающим, когда он выделяет низшие и примитивные расы, при рассмотрении тех европейских рас, которые присоединились к нашей цивилизации, важными являются следующие вопросы: Из каких социальных слоев происходит иммиграция? И предоставляют ли наши социальные институты свободные возможности и высокие стимулы для способной молодежи? В той мере, в какой мы отбираем иммигрантов, и в той мере, в какой мы предоставляем им свободное поле для использования их родных даров, в той мере они оказывают нашей стране услуги гения, таланта и промышленности.

Стимулы для иммиграции. - Отличительным фактом колониальной миграции является то, что она была тевтонской по крови и протестантской по религии. Англичане, голландцы, шведы, немцы и даже шотландцы-ирландцы, которые составили практически всю миграцию, менее двух тысяч лет назад были одной германской расой в лесах, окружающих Северное море. Протестантская Реформация, шестнадцать веков спустя, началась среди этих народов и нашла в них своих самых стойких сторонников. Доктрины Реформации, адаптированные к сильному индивидуализму германской расы, подготовили сердца людей к доктринам политической свободы и конституционного правления последующего века. Реформация изгнала идею о том, что люди должны искать спасения через заступничество священников и пап, которые, как бы ни были священны, являются всего лишь соратниками, и утвердила идею о том, что каждая душа имеет прямой доступ к Богу. Имея Библию в качестве руководства и собственную совесть в качестве судьи, каждый человек был подотчетен только одному божественному суверену.

С точки зрения эпохи эта доктрина была слишком радикальной. Она была направлена на раскол существующего общества на секты и группировки, а также на ускорение гражданских и религиозных войн, которые заканчивались католической или аристократической реакцией. Когда эта реакция наступала, многочисленные протестантские секты самых разных типов оказывались объектами преследования, и им ничего не оставалось, как искать новую землю, где тяжелая рука репрессий не могла бы их настигнуть. Так Америка стала родиной многочисленных религиозных сект и деноминаций этих нескольких рас. Из Англии прибыли конгрегационалисты ("пилигримы"), пуритане, квакеры, баптисты; из Шотландии и Ирландии - пресвитериане; из Германии - квакеры, дюнкарды, пиетисты, риджские отшельники, зальцбургцы и моравы.

Не следует думать, что только религиозные преследования в ранний колониальный период стали причиной эмиграции. В количественном отношении коммерческая деятельность, вероятно, имела не меньшее влияние. В Голландии все религиозные секты принимались с либеральностью, намного опережающей любую другую нацию, и в то же время голландцы были наиболее продвинутыми в современных занятиях торговлей и коммерцией. Поэтому голландское поселение в Новом Амстердаме было деловым предприятием, и ни до, ни после завоевания британцами не было никаких религиозных препятствий для приема представителей других рас и религий. В этом отношении Нью-Йорк сильно отличался от Новой Англии, где религиозная исключительность сохраняла английскую расу как особый народ вплоть до середины XIX века. Расы в Нью-Йорке были настолько разнообразны, а возможности открыты для всех, что губернатор Горацио Сеймур мог сказать, что девять человек, выдающихся в его ранней истории, представляли одно и то же число национальностей. Шуйлер был голландцем, Херкимер - немцем, Джей - французом, Ливингстон - шотландцем, Клинтон - ирландцем, Моррис - валлийцем, Хоффман - шведом, в то время как Гамильтон был вест-индским англичанином, а барон Штойбен - пруссаком[8].

Другой колонией, в которой приветствовались представители всех рас и религий, была Пенсильвания. Уильям Пенн основал эту колонию как убежище для преследуемых квакеров из Англии и как предприятие по продаже недвижимости. Он был первым американцем, который широко рекламировал свои владения по всей Европе, предлагая продать сто акров земли за два английских фунта и низкую арендную плату. В его рекламе сочетались гуманность и бизнес, ведь она призывала обратить внимание на народное правительство и всеобщее избирательное право; равные права для всех, независимо от расы или религиозных убеждений; суд присяжных; убийство и измена - единственные смертные преступления, а перевоспитание, а не возмездие, - объект наказания за другие

преступления. Таким образом, Пенсильвания, хотя и была заселена на полвека позже южных и северных колоний, вскоре превзошла их по численности населения. Пенн отправил своих агентов в Германию и убедил большое количество немецких квакеров и пиетистов бросить свой жребий на его плантации, так что через двадцать лет немцы составляли почти половину населения. В начале XVIII века, когда Людовик XIV захватил Пфальц и тысячи немцев бежали в Англию, английское правительство поощряло их переселение в Америку. В один год четыре тысячи из них, крупнейшая эмиграция колониального периода, отправились в Нью-Йорк, но обращение с ними было настолько нелиберальным, что они перебрались в Пенсильванию, и с тех пор немецкая миграция стремилась в последнюю колонию. Эти люди поселились в Джермантауне, недалеко от Филадельфии, и заняли графства Бакс и Монтгомери, где и живут по сей день со своим особым языком, "пенсильванским голландским". Не только сам Уильям Пенн, но и другие землевладельцы Пенсильвании, а также судовладельцы рекламировали страну в Германии, и тысячи бедных немцев были вынуждены отдать себя в залог поселенцам, которым их продавали капитаны кораблей в качестве платы за перевозку. Вероятно, половина всех иммигрантов колониального периода приехала по этой системе постоплатной перевозки, так же как в настоящее время почти две трети приезжают по предоплаченным билетам. Именно в Пенсильвании поселилась большая часть шотландских ирландцев, и к моменту революции эта колония стала самой густонаселенной и самой разнообразной из всех колоний. Это была единственная колония, за исключением Мэриленда, которая терпимо относилась к римским католикам, и Пенсильвания, где были представлены все направления христианской религии и все ветви тевтонской и кельтской рас, задавала первоначальный тип, которому соответствовала вся Америка, - смешение рас на основе религиозного и политического равенства.

Шотландцы-ирландцы. - Давно признано, что среди самых энергичных и агрессивных людей, прибывших в Америку в колониальные времена и внесших свой особый вклад в американский характер, - шотландцы-ирландцы. Их потомки кичатся своим происхождением и приводят длинные списки известных людей в качестве своих сородичей. Однако до последних лет шотландские ирландцы, к своему несчастью, оставались вне исторического исследования; ведь американская история писалась в основном в Новой Англии, колониальные пуритане которой запрещали им находиться в своей среде. На самом деле, с самого раннего поселения шотландские ирландцы были первопроходцами и людьми действия. Они принесли Америке мало писателей и художников, но много генералов, политиков и капитанов промышленности. В литературе они называют два выдающихся имени - Ирвинг и По, а в армии, на флоте, в политике и бизнесе - Джон Пол Джонс, Перри, Эндрю Джексон, Уинфилд Скотт, Закари Тейлор, Улисс С. Грант, Стоунволл Джексон, Джордж Б. Макклеллан, Александр Гамильтон, Джон С. Калхун, Джеймс Г. Блейн, Джефферсон Дэвис, Томас Бентон, Хендрикс, Джон Г. Карлайл, Марк Ханна, Уильям Маккинли, Мэтью С. Куэй, Эндрю Карнеги, Джон Д. Рокфеллер, Гораций Грили, Генри Уоттерсон и сотни других, прославившихся в более напряженных движениях американской жизни.

Парадоксальный факт, касающийся шотландцев-ирландцев, заключается в том, что в них очень мало шотландского и гораздо меньше ирландского. То есть они не принадлежат в основном к так называемой кельтской расе, но являются самым составным из всех народов Британских островов. Шотландцами их называют потому, что они жили в Шотландии, а ирландцами - потому, что они переселились в Ирландию. География, а не этнология дала им свое название. Это смешанная раса, в чьих жилах течет кельтская кровь первобытных шотландцев и пиктов, первобытных бриттов, первобытных ирландцев, но с большей

примесью более поздних норвежцев, датчан, саксов и англов. Как произошло это смешение, можно узнать из географии Шотландии.

Горная Шотландия начинается с Грампианских холмов, а низменности простираются на юг от этой линии до границы с Великобританией и включают в себя города Глазго и Эдинбург. Шотландские ирландцы - выходцы из юго-западной части низменности, которая выступает в сторону Ирландии к северу от залива Солуэй-Ферт. На этих низменных графствах, ограниченных с трех сторон водой и холмами, сменяли друг друга волны завоеваний и миграций. Сначала первобытные каледонцы или пикты были оттеснены на нагорье, которое и по сей день является кельтской частью Шотландии. С юга страну захватили бритты, которых потеснили римляне, а затем тевтоны. Затем сюда переправились ирландские племена и закрепились надолго. Затем с севера пришли норвежские мореходы, и по сей день на прилегающих островах живут чистые скандинавы. Затем саксы и англы, подгоняемые датчанами и норманнами, закрепились с востока, и, наконец, сами датчане добавили свой контингент. Здесь, на территории Лоуленда, размером не больше американского графства, в течение пятисот лет складывалась эта удивительная смесь рас.

Тысячу лет спустя, после того как они стали единым народом и показали свой металл в тяжелые времена Реформации, они стали источником эмигрантов, которые вытеснили ирландцев на севере Ирландии. Яков I, которого Шотландия отдала Англии, решил превратить католическую Ирландию в протестантскую Англию, после чего конфисковал земли местных вождей в Ольстере и передал их шотландским и английским лордам при условии, что они заселят территорию арендаторами из Шотландии и Англии. Это было "великое урегулирование" 1610 года, и с тех пор и по сей день Ольстер является протестантским оплотом Ирландии. В 1901 году население Ольстера на 44 процента состояло из католиков, на 23 процента из епископалов и на 27 процентов из пресвитериан - церковное деление, почти точно соответствующее расовому делению на ирландцев, англичан и шотландцев. В течение всего семнадцатого века - первого столетия этого занятия - католики и епископалы составляли гораздо меньшую пропорцию, чем эти цифры показывают в настоящее время, а относительное увеличение числа ирландцев и епископалов в восемнадцатом веке было тесно связано с миграцией шотландцев в Америку.

В течение ста лет шотландцы размножились в Ольстере и не имели никаких дел с остатками ирландцев, которых они теснили на бесплодных холмах и с которыми обращались как с дикарями. Они сохранили чистоту расы, и хотя, приехав в Америку, они называли себя ирландцами и были известны как ирландцы, где бы они ни поселились, в них не было ирландской крови, кроме той, что вошла в их состав в результате переселения ирландцев в Шотландию за пятнадцать сотен лет до этого.

И хотя они презирали ирландцев, им не удалось избежать несчастливой судьбы Ирландии. Первый удар был нанесен в 1698 году, почти через сто лет после их поселения. Английские производители пожаловались на ирландскую конкуренцию, и ирландский парламент, инструмент британской короны, принял закон, полностью запрещающий экспорт ирландской шерсти, а также другой закон, запрещающий экспорт ирландской шерсти в любую страну, кроме Англии. Их медленно развивающаяся льняная промышленность также подвергалась дискриминации в последующие годы. Пресвитерианский Ольстер был промышленным центром Ирландии, и эти акты практически уничтожили его промышленность. Далее парламент королевы Анны принял уголовные законы, направленные против римских католиков и пресвитериан, а Акт об испытаниях,

обязывавший государственных чиновников принимать причастие от официальной церкви, лишил все шотландское население самоуправления. Тем не менее они были вынуждены платить десятину в поддержку установленной церкви, против которой они выступали. Наконец, срок столетних арендных договоров арендаторов начал истекать, и хозяева предложили продлить их тем, кто больше заплатит, на условиях краткосрочной аренды. Здесь обнищавшие ирландцы жестоко отомстили шотландцам, вытеснившим их с исконных земель, ведь низкий уровень жизни позволял им предлагать ренту намного выше той, что могли себе позволить шотландцы. Ни религия, ни расовая гордость, ни благодарность больше не играли роли в удержании господства протестантов в Ольстере. Алчность самовольных лендлордов стала полностью господствовать, и в результате борьбы за средства к существованию безнадёжная бедность оказалась сильнее амбициозной бережливости.

Шотландские арендаторы, в сердцах которых горела обида на Англию и аристократию, теперь искали страну, где они могли бы иметь свободную землю и самоуправление. В 1718 году, по некоторым данным, 4200 из них уехали в Америку. После голода 1740 года ежегодно уезжало 12 000 человек. В целом за полвека, предшествовавшие Американской революции, 200 000 человек, или одна треть протестантского населения Ольстера, эмигрировали, и большинство из них приехали в Америку. Это был самый большой вклад любой расы в население Америки в восемнадцатом веке, и несправедливость, которую они терпели от рук Англии, сделала их одними из самых решительных и эффективных рекрутов в армиях, завоевавших нашу независимость.

До переселения шотландских ирландцев в Америку береговая линия Атлантического океана была хорошо занята. Поэтому, чтобы получить землю, они были вынуждены отправиться в глубь страны и стать пограничниками. В Массачусетсе они нашли государственную церковь, которой они должны были подчиняться, чтобы получить гражданство. Но то, от чего они бежали из Ирландии, они не соглашались делать в новой стране. Пуритане были готовы занять пограничные районы в качестве буфера против индейцев, поэтому они заняли земли в Нью-Гэмпшире, Вермонте, Западном Массачусетсе и Мэне. Однако лишь несколько общин обосновались в Новой Англии, основная же масса переселенцев прибыла через Филадельфию и Балтимор и направилась во внутренние районы Пенсильвании вокруг и к югу от Гаррисбурга. Они распространились по долине реки Шенандоа и в предгорных районах Вирджинии, Северной и Южной Каролины. Постепенно они продвигались все дальше на запад, через горы в Западную Пенсильванию около Питтсбурга, а также в Огайо, Кентукки и Теннесси. Во всех этих регионах они сражались с индейцами, защищали старых жителей от набегов и развивали те качества первопроходцев, которые на протяжении ста лет характеризуют "завоевание Запада".

Англосаксонские горцы, колледж Береа, штат Кентукки

Шотландцы-ирландцы заняли особое место в новом мире. Как никакая другая раса, они послужили объединяющим фактором для создания из различных рас новой расы - американской. Пуритане Новой Англии, квакеры Пенсильвании, кавалеры Вирджинии были столь же радикально разными, как и народы разных рас, и они были отделены друг от друга в свои собственные эксклюзивные сообщества. Немцы были локализованы в Пенсильвании и Мэриленде, голландцы - в Нью-Йорке, но шотландцы-ирландцы "одни из всех различных рас в Америке присутствовали в достаточном количестве во всех колониях, чтобы их влияние имело значение; и только они из всех рас имели единую религию; вместе пережили гонения со стороны государства и церкви, которые лишили их дома гражданских и религиозных свобод; и были общими наследниками тех принципов свободы и демократии, которые были развиты в Шотландии как нигде больше". К моменту Американской революции в Шотландии было... в общей сложности более пятисот поселений, разбросанных практически всех американских колоний"[10] Обученные представительной демократией шотландского кирка, брошенные на произвол судьбы, смешавшись с пионерами многих других рас, они сыграли ведущую роль в развитии того западного типа, который в политике и промышленности стал в конечном итоге американским типом; тем не менее они сохранили свой оригинальный характер, и американец сегодня чувствует себя в Глазго более уютно, чем в Лондоне.

ГЛАВА III

НЕГРЫ

Хотя негритянские расы Африки простираются по всему континенту от Судана до Капской

колонии, расы, давшие наибольшее количество рабов для Америки, были ограничены узким участком атлантического побережья вблизи экватора. На протяжении почти двух тысяч миль от Кабо-Верде побережье Африки тянется на юго-восток и восток, а затем еще на тысячу миль уходит на юг, образуя Гвинейский залив, и из пояса земель вдоль этого побережья прибыли практически все негры-иммигранты в Америку. Здесь несколько крупных рек - Сенегал, Гамбия, Нигер и Конго - служили гаванями для невольничьих кораблей и маршрутами для работорговцев из внутренних районов. Два обстоятельства - климат и пышная растительность - делают этот регион неблагоприятным для постоянных нагрузок. Палящая жара и чрезмерная влажность ослабляют волю и уничтожают тех, кто слишком напряжен; но эта же жара и влажность, а также плодородная почва дают беспрецедентные урожаи бананов, ямса и зерновых. Таким образом, природа сговорилась создать расу ленивых, импровизированных и довольных. Семьдесят пять процентов смертей, как говорят, приходится на казни за предполагаемое колдовство, от которого погибло больше мужчин и женщин, чем от работорговли. Раньше здесь преобладал каннибализм, но теперь он в значительной степени искоренен европейскими правительствами. Туземные правительства являются племенными, и вожди поддерживают себя за счет своей физической силы и помощи жрецов и знахарей. Собственность в основном принадлежит женщинам и рабам, а наследование осуществляется по женской линии, за исключением знати Дагомеи, где правит первородство. Письменные законы и записи неизвестны. Люди неуравновешенны, равнодушны к страданиям и "легко возбуждаются до свирепости при виде крови или под воздействием сильного страха". Им свойственны отвращение к тишине и одиночеству, любовь к ритму, возбудимость и отсутствие сдержанности. Все путешественники говорят об их импульсивности, сильной сексуальной страсти и отсутствии силы воли^[11].

Таковы, вкратце, были земля и народ, составлявшие одну шестую часть всего населения нашей страны и две пятых населения Юга. При перемещении такого народа из жаркого климата экваториальной Африки в умеренные районы Америки и из среды дикости в среду цивилизации произошли изменения, более значительные, чем при любой другой миграции. Во-первых, только самые сильные физические особи выдерживали ужасные испытания, выпадавшие на долю ловца рабов и невольничьего корабля. Рабство, как система, тоже могло использовать в своих интересах тех, кто был послушным и выносливым, а не тех, кто был независимым и слабым. Как за многие тысячи лет одомашнивания человеком животных искусственным отбором были практически уничтожены безрогие коровы и норовистые лошади, так и рабство стремилось преобразовать дикарей, уничтожая тех, кто был своеволен, амбициозен и обладал индивидуальной инициативой. Другие расы иммигрантов, соприкоснувшись с нашими институтами, стали цивилизованными - негр был лишь одомашнен. Демократическая цивилизация предлагает выход для тех, кто достаточно энергичен в моральном и интеллектуальном плане, чтобы вырваться из неподвижной массы своих собратьев; одомашнивание боится и подавляет их как опасных бунтарей. Интеллектуальные и мужественные качества, необходимые для гражданства в демократическом обществе, систематически вытраивались из негритянской расы на протяжении двухсот лет рабства. А затем, в результате катаклизма войны, в которой она не принимала никакого участия, эта раса, после многих тысяч лет дикости и двух веков рабства, была внезапно выпущена на свободу гражданства и избирательного права. Мир еще никогда не видел такого триумфа догматизма и партийности. Это был догматизм, потому что теория абстрактного равенства и неотъемлемых прав человека заняла место образования и медленной эволюции морального облика. Это была партийность, потому что политическая партия, пользуясь своим триумфом в гражданской войне, стремилась увековечить себя за счет голосов своих беспомощных бенефициаров. Неудивительно, что этот роковой союз

доктринеров и партизан привел к роковым результатам и что после поколения анархии и расовой ненависти более фундаментальная задача образования только начинается.

Правда, предоставление вольноотпущенникам избирательного права преследовало и второстепенную цель. Тринадцатая поправка, принятая в 1865 году, узаконила и расширила провозглашение эмансипации, которая была военной мерой. Но за ней последовали подневольные и уголовные законы во всех южных штатах, которые выглядели как пеонаж вместо рабства.^[12] Затем Конгресс представил четырнадцатую поправку, которая была принята в 1867 году, создавая новый класс гражданства - гражданство нации - и запрещая любому штату лишать "любого человека жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры" и отказывать любому человеку в "равной защите законов". Но этого было недостаточно. Следующим шагом стала пятнадцатая поправка, принятая в 1869 году и запрещающая любому штату отказывать в избирательном праве гражданам США "по признаку расы, цвета кожи или прежнего подневольного состояния". Таким образом, равенство перед законом должно было быть защищено равенством при принятии закона. Эта цель была достойной, и она придавала видимость логической необходимости теориям доктринеров и схемам партизан. Но она потерпела неудачу, потому что основывалась на неверной теории избирательного права. Избирательное право означает самоуправление. Самоуправление означает интеллект, самоконтроль и способность к сотрудничеству. Если они отсутствуют, то избирательный бюллетень лишь освобождает место для "босса", коррупционера или олигархии. Чтобы избирательное право стало инструментом самозащиты, его нужно заслужить, а не просто предоставить.

Но такова особенность расовых проблем, что они доводят спорщиков до ожесточенных крайностей и не дают поля для конструктивного компромисса. Если бы нация приняла проект Линкольна, предусматривающий сто лет или даже тридцать лет постепенной эмансипации, она могла бы избежать и зла войны, и ошибок самоуправления. Но дух расового превосходства, который ускорил первое, сделал неизбежным второе. Когда негр внезапно стал свободным в результате завоевания, каждый фатальный шаг в реконструкции был вынужденным по отношению к предыдущему. Север, Юг и негр были поставлены в безвыходную ситуацию, и нация, которая в 1868 году с ужасом ожидала избирательного права для негров^[13], приняла его в 1869 году.

В течение восьми лет правительство южных штатов находилось в руках негров. Результатом передачи штатов в руки невежественных и неопытных избирателей стало огромное увеличение долга без соответствующих общественных улучшений или общественных предприятий. Даже сами негритянские правительства начали отказываться от этих долгов, а после возвращения к власти белые почти полностью отказались от них.

Нет необходимости подробно останавливаться на методах, с помощью которых белые избиратели восстановили и сохранили контроль над штатами. Разумеется, это происходило путем запугивания, убийств, "вбросов" бюллетеней и фальшивых подсчетов. Голоса негров почти исчезли, а в последние годы то, что было достигнуто с помощью насилия, закреплено законом. В Миссисипи, Луизиане, Южной Каролине, Северной Каролине, Алабаме и Виргинии приняты так называемые "образовательные" тесты с такими ловкими исключениями, что белые неграмотные могут голосовать, но негры, грамотные или неграмотные, могут быть отстранены от голосования. Как заявил один видный белый житель Виргинии, "негр может голосовать, если у него есть 300 долларов, или если он ветеран федеральной армии или армии Конфедерации, или если он глубокий конституционный юрист". Пятнадцатая поправка, согласно решениям Верховного суда Соединенных Штатов, стала недействительной, а четырнадцатая поправка, не помогая неграм, для которых она

была разработана,[14] привела к созданию правительства частных корпораций, о котором никогда не думали, что оно нуждается в поправке. С учетом этих решений можно считать само собой разумеющимся, что в ближайшем будущем негры больше не смогут пользоваться привилегией свободного голосования.

В этой ситуации Север заинтересован так же глубоко, как и Юг. В период рабства Юг, благодаря привилегии подсчета трех пятых рабов, пользовался преобладанием в Конгрессе и на президентских выборах, превышающим его долю среди белых избирателей. Теперь Юг пользуется большей привилегией, поскольку учитывает всех негров. Четырнадцатая поправка прямо предусматривает подобную ситуацию. Она гласит

"Когда право голоса на любых выборах по выбору выборщиков президента и вице-президента Соединенных Штатов, представителей в Конгрессе, исполнительных и судебных чиновников штата или членов его законодательного собрания, отказывается любому из жителей такого штата мужского пола, достигшим двадцати одного года и являющимся гражданами Соединенных Штатов, или каким-либо образом ущемлены, за исключением участия в восстании или другом преступлении, то основа представительства должна быть уменьшена в пропорции, которую число таких граждан мужского пола составляет по отношению ко всему числу граждан мужского пола, достигших двадцати одного года в таком штате."

Можно сомневаться, удастся ли при нашей форме правления выполнить это положение Четырнадцатой поправки, но то, что оно быстро становится вопросом, представляющим живой интерес, несомненно. Образовательный тест - это рациональный тест, но он рационален только тогда, когда государство прилагает честные и усердные усилия, чтобы подготовить каждого человека к прохождению теста. Бывшие рабовладельческие штаты тратят на образование негров 2,21 доллара на ребенка, а на образование белых - 4,92 доллара на ребенка.[15] Великий урок, который уже усвоен, заключается в том, что мы должны "начать заново" подготовку негров к гражданству. На этот раз работа начнется снизу, с обучения негра избирательному праву, вместо того чтобы начинать сверху, давая ему избирательное право до того, как он поймет, что оно должно для него сделать. Каков должен быть характер этого образования?

Образование и самопомощь. Мы утверждали, что демократия должна основываться на интеллекте, мужественности и сотрудничестве. Как можно воспитать эти качества в расе, только что вышедшей из рабства?

Интеллект - это больше, чем книги и письма, это знание сил природы и изобретательность, достаточная для того, чтобы использовать их на благо человека. Общеизвестно, что негру не хватает "механической мысли". В Африке он едва ли знает простейшие механические принципы. В Америке самые способные негры во время рабства обучались у своих хозяев ремеслам, таким как плотничество, сапожное дело, прядение, ткачество, кузнечное дело, портняжное дело и так далее. Плантация стала самообеспечивающейся единицей под надзором и дисциплиной белых. Но работа негритянских ремесленников была небрежной и неэффективной. Негритянский кузнец прикреплял обувь к плантационному мулу, но лошадей отводили к белому кузнецу в город. После освобождения молодое поколение не освоило механические ремесла в той же степени, что и поколения рабов. Более того, по мере того как машины вытесняют инструменты, а фабрики - ремесла, негры остаются все дальше позади. "Белые люди, - говорит один негр,[16] - привносят науку и искусство в рутинные профессии и поднимают их за пределы нашей досягаемости. В моем детстве стены и потолки белили каждую весну цветные мужчины; теперь это делает белый, управляющий паровой

коврочисткой. Тогда прачечной занимались негры, теперь они с трудом справляются с новыми трудосберегающими машинами". Даже в немеханических профессиях негр проигрывает там, где раньше у него была монополия. В Чикаго "в деловом районе теперь почти нет негра-парикмахера. Почти всю работу уборщиков в больших зданиях отняли у них шведы. Белые мужчины и женщины в качестве официантов вытеснили цветных почти во всех первоклассных отелях и ресторанах. Практически всю работу по чистке обуви теперь выполняют греки"[17].

Отдельные негры добились большого прогресса, но нам нужно знать, продвинулись ли вперед массы негров. Исследователи Атлантического университета, обобщив отчеты трехсот сорока четырех работодателей негров, заключают: "Существует большое количество негритянских механиков по всей стране, но особенно на Юге. Некоторые из них - прогрессивные, эффективные работники. Большинство небрежны, неряшливы и плохо обучены. Среди этих ремесленников наблюдаются признаки вялости, и в некоторых местах от них ускользает работа; в других они пробуждаются и используют возможности нового индустриального Юга"[18].

Предрассудки белых рабочих, несомненно, сыграли свою роль в исключении негров из механических профессий, но свидетельства крупных работодателей, у которых нет расовых предрассудков там, где можно получить прибыль, также показывают, что низкооплачиваемый труд негров часто обходится дороже высокооплачиваемого труда белых. Железные и сталелитейные заводы Алабамы не имеют никаких преимуществ в стоимости рабочей силы перед заводами Пенсильвании и Огайо.

Основой интеллекта современного рабочего является его понимание механики. Только после того, как он научится с помощью ручной и технической подготовки обращаться с силами природы, рабочий сможет подняться до ответственных и независимых позиций. Это так же важно в сельскохозяйственном труде, которым негры в основном ограничены, как и в производстве. Интеллект в механике ведет к интеллекту в экономике и политике, а более высокая зарплата за механический интеллект обеспечивает ресурсы, с помощью которых рабочий может требовать и обеспечивать свои политические и экономические права.

Второе необходимое условие демократии - независимость и мужественность. Это моральные качества, основанные на силе воли и стойкости в достижении достойной цели. Но эти качества вырабатываются не только увещеваниями и религиозными возрождениями. Они имеют более прозаическую и светскую основу. История показывает, что ни один класс или народ не поднялся до независимости, не накопив сначала собственности. Как бы мы ни презирали жадность и эгоизм, которые породила погоня за богатством, мы должны признать, что прочной основой добродетелей является бережливость. Расточительность негров печально известна. Небрежное отношение к лошади, мулу, машинам, стремление потратить заработанные деньги на украшения, безрассудная покупка арбузов, кур и садовых вещей, когда он мог бы легко вырастить их на своем участке земли, - эти и многие другие проявления нерациональности объясняют постоянную зависимость негра от своего работодателя и кредитора. Есть, конечно, заметные исключения, когда негры накапливали имущество благодаря усердному вниманию и тщательному надзору.[19] Они тем более заметны, если вспомнить, что образование негра направило его энергию на почести ученых профессий, а не на обычные добродетели собственника, и что один великий практический эксперимент в области бережливости - Банк свободных людей - потерпел крах из-за нечестности и неспособности. С недавним развитием замечательных институтов Хэмптона и Таскиги и их акцентом на ручное обучение и накопление собственности, можно ожидать, что

эти основные качества интеллекта и независимости получают практическое и непосредственное поощрение.

Сотрудничество - третье и основное средство для достижения прав гражданства. Существует две формы сотрудничества - низшая и высшая. Низшая - это вождь или начальник, который объединяет своих невежественных последователей страхом или добычей. Высшая - это самоуправление, когда те, кто объединяется, делают это благодаря собственному уму и взаимному доверию. В низшей форме существуют личная ревность и фракционная борьба, которые препятствуют объединенным действиям под руководством избранных лидеров. Негритянские боссы и бригадиры более деспотичны, чем белые боссы. Альянс цветных фермеров зависел от белого человека в качестве лидера. Белые "ковровые мешочники" организовали голосование негров в период реконструкции. Негр находился на этой низкой стадии сотрудничества, потому что завидовал или не доверял своим собратьям и мог сплотиться только под знаменем лидера, которого он не мог сместить. С ростом интеллекта и моральных качеств приходит более глубокое чувство необходимости организации, а также лидеров своей расы, которым можно доверять. Самым обнадеживающим признаком прогресса для негров является большое количество добровольных религиозных, благотворительных и страховых обществ, членами которых являются только люди своего цвета кожи[20].

Свобода всегда приходила через организацию. Свободные города Европы были просто гильдиями крестьян и купцов, которые организовывались, чтобы защитить себя от феодалов и епископов. Впоследствии они получили право голоса в парламентах в качестве "третьего сословия" и создали современную представительную демократию. Современные профсоюзы стали силой, намного превышающей их численность, благодаря способности рабочих к самоорганизации. Скромные зачатки самоорганизации среди негров открывают путь к их более эффективному участию в высших возможностях нашей цивилизации.

Графства с большей долей негров
в 1900 году, чем в 1880 году

Негритянские профсоюзные активисты пока не проявили организаторских способностей, свойственных другим расам. Только среди шахтеров, грузчиков и каменщиков их можно встретить в значительном количестве, хотя у плотников есть негры-организаторы. Но в большинстве этих случаев негр организуется белым человеком не столько для своей защиты, сколько для защиты белого рабочего. Если негр доходит до того, что отказывается работать за меньшую зарплату, чем белый, он делает самый трудный шаг в организации; ведь рабочий союз требует, как никакая другая экономическая или деловая ассоциация в современной жизни, опоры на стойкость своих товарищей. К сожалению, когда негр требует той же зарплаты, что и белые мужчины, его промышленная неполноценность заставляет работодателя брать на его место белых мужчин, и здесь мы снова видим, насколько фундаментальным является ручной и технический интеллект как основа для другого прогресса[21].

Из того, что мы подчеркнули эти качества интеллекта - воспитанность и сотрудничество - как подготовительные к получению политических прав, не следует делать вывод, что негритянская раса должна быть лишена избирательного права до тех пор, пока ее представители не приобретут эти качества. Многие люди уже приобрели их. Исключить таких людей из избирательного права - значит закрыть дверь надежды для всех. Честный образовательный тест, честно применяемый как к белым, так и к черным, - это самый простой и грубый метод измерения прогресса людей в этих качествах гражданственности. Перед американским народом нет более важной для демократических институтов проблемы, чем проблема сохранения избирательного права для негров и в то же время подготовки негров к тому, чтобы они могли воспользоваться этим правом.

Негры также не должны быть исключены из системы высшего образования. Лидерство так же необходимо в демократии, как и в племени. Самоуправление - это не подавление лидеров, а сотрудничество с ними. Настоящий лидер - это тот, кто знает своих последователей, потому что страдал вместе с ними, но может указать им путь и вселить в них уверенность. Он чувствует то, что чувствуют они, но может высказать то, что они не могут выразить. Он является их представителем, защитником и организатором. Ни один социальный класс, ни одна борющаяся раса не смогут достичь равенства с другими классами и расами, пока их лидеры не смогут на равных встретиться с их лидерами. Он не может зависеть от других, но должен вырастить лидеров из своих собственных рядов. В этом и заключается проблема высшего образования - не того схоластического, которое само по себе является самоцелью, а того широкого образования, которое готовит к более высокой полезности. Если людям, способным стать юристами, врачами, учителями, проповедниками, организаторами, проводниками, новаторами, экспериментаторами, мешают получить правильное образование, то мало надежды на прогресс расы как целого, в интеллекте, мужественности и сотрудничестве, необходимых для самоуправления.

Рост негритянского населения. - После переписи населения 1880 года было уверенно заявлено, что негритянское население растет быстрее, чем белое. Но после переписи 1890 года эти утверждения исчезли. Стало очевидно, что предполагаемый рост с 1870 по 1880 год был основан на некачественном подсчете в 1870 году, первой переписи после эмансипации. В действительности негритянский элемент, включая мулатов, за сто десять лет проведения переписей неуклонно сокращался пропорционально белому элементу. Хотя абсолютное

число негров увеличилось с 757 000 в 1790 году до 4 442 000 в 1860 году и 8 834 000 в 1900 году, в 1790 году они составляли одну пятую часть всего населения, в 1860 году - одну седьмую, а в 1900 году - только одну девятую.

Естественно предположить, что такое относительное снижение численности негров объясняется большой иммиграцией белых, но этот вывод необоснован. В южных штатах иностранный элемент увеличивался менее быстрыми темпами, чем коренной белый элемент, но именно в южных штатах негры наиболее явно отстают. За двадцать лет с 1880 по 1900 год белое население восемнадцати южных штатов без помощи иностранной иммиграции выросло на 57 процентов, а негры - только на 33 процента.^[22] Только в шести южных штатах, Западной Вирджинии, Флориде, Алабаме, Миссисипи, Оклахоме и Арканзасе, негры за последние десять лет росли быстрее белых, и только в трех из них, Алабаме, Миссисипи и Арканзасе, относительный рост был значительным. Только в двух штатах, Южной Каролине и Миссисипи, преобладает негритянский элемент, а в другом штате, Луизиане, в 1890 году большинство составляли негры, но в 1900 году большинство составляли белые. "В начале девятнадцатого века численность южных негров росла гораздо быстрее, чем численность южных белых. В конце его они росли лишь на три пятых быстрее"^[23].

Это перераспределение негров - интересный и значительный факт, касающийся расы и влияющий на ее будущее. Происходит два движения: первое - на плодородные низинные земли южных штатов, второе - в города, как на севере, так и на юге. Мистер Карл Келси интересно показал это движение в низины.^[24] Он составил геологическую карту Алабамы, которая вместе с Миссисипи получила наибольшее количество негров, и показал плотность негритянского населения в зависимости от характера почвы. На этой карте видно, что в прериях и долинах проживает от 50 до 90 процентов негров, в то время как на песчаных холмах и сосновых горах - от 10 до 50 процентов, а в предгорьях - менее 10 процентов. Подобная сегрегация наблюдается и в других южных штатах, особенно в аллювиальных районах Миссисипи и Арканзаса. На этих плодородных участках, к которым тяготеют негры, урожаи огромны, и мистер Келси указывает на любопытное заблуждение в сводке переписи, где делается вывод, что негры - лучшие фермеры, чем белые, потому что они собирают большие урожаи. "Неудивительно, что урожаи негров больше", когда белые возделывают холмы, а негры - дельту, которая "дает вдвое больше хлопка на акр, чем холмы". Кроме того, негр, будь то арендатор или владелец, находится под пристальным наблюдением белого землевладельца или кредитора, который в целях самозащиты держит его под контролем, в то время как белый фермер может преуспеть или потерпеть неудачу без квалифицированного руководства.

Миграция негров в города чрезвычайно значительна. В десяти южных штатах доля цветного населения в 1890 году была почти такой же, как и в 1860 году, а именно 36 процентов, однако в шестнадцати городах этих штатов, как показал мистер Хоффман,^[25] доля цветного населения увеличилась с 19 процентов в 1860 году до 29 процентов в 1890 году. Этот относительный рост, однако, не продолжался после 1890 года, поскольку, согласно переписи 1900 года, доля негров в этих городах по-прежнему составляла 29 процентов. За последнее десятилетие негры росли относительно быстрее в северных городах. Белое население Чикаго с 1880 по 1900 год увеличилось в три раза, а цветное - в пять раз. Белое население Филадельфии за тот же период увеличилось на 50 процентов, а цветное - на 100 процентов. В тридцати восьми крупнейших городах страны негритянское население за десять лет выросло на 38 процентов, а белое, включая иностранную иммиграцию, - на 33

процента. В тридцати северных и приграничных городах за последнее десятилетие переписи негров стало 167 000, а в двадцати южных городах - 80 000[26].

Белые южане также переезжают с Юга, причем в больших пропорциях, чем негры, хотя движение тех и других невелико. В 1900 году на Севере и Западе проживало 7 процентов белых южного происхождения и только 4,3 процента негров южного происхождения. Но негры, уезжающие на Север, отправляются в города, а белые - в деревню. Три пятых (58 процентов) негров, уезжающих на север, перебрались в крупные города, и только четвертая часть (26 процентов) белых, уезжающих на север[27].

На прилагаемой карте, составленной по данным переписи 1900 года,[28] хорошо видны оба этих движения негритянского населения. Заштрихованные области обозначают графства, где негры составляли большую долю населения в 1900 году, чем двадцатью годами ранее, в 1880 году. Здесь видно движение в низкие и плодородные земли Юга и в города Севера и Юга. Есть только две области в Калифорнии и Колорадо, не включенные в карту, где население негров увеличилось, и в одной из них находится город Лос-Анджелес.

Если бы негры в городах были разбросаны по всем районам, преобладающее число белого элемента могло бы оказать возвышающее влияние, но вместо этого негры скапливаются в бедных районах, где преобладают бедность и порок. Хоффман показал, что две трети негров в Чикаго живут в трех районах, где находятся все дома с дурной славой в этой части города. То же самое можно сказать о Филадельфии, Бостоне и Цинциннати.[29] В этих районах негритянская проституция превратилась в устоявшийся институт, обслуживающий итальянцев и другие низшие слои иммигрантов и содержащий в безделье множество негров в качестве адвокатов.

Мы видели, что численность негритянского населения не успевает за численностью коренного белого населения. Причина этого кроется в меньшем превышении числа рождений над числом смертей. Статистика рождений почти полностью отсутствует в Соединенных Штатах. Статистические данные о смертях имеются только по некоторым северным штатам и нескольким южным городам, в которых в 1900 году проживало в общей сложности 27 500 000 белых и 1 180 000 негров. Из этого числа 20 500 000 белых и 1 100 000 негров жили в городах, так что данные, которые может дать перепись, относятся в основном к городам Севера и Юга, а к сельским районам - только на Севере.[30] Получается, что на каждую 1000 цветных, живших в этих городах, в 1900 году приходилось 31,1 смертей, в то время как на каждую 1000 белых - только 17,9. Иными словами, уровень смертности цветного населения на 73 процента превышал уровень смертности белого населения.

В сельских районах разница была гораздо меньше. Уровень смертности среди цветных составил 19,1, а среди белых - 15,3, то есть превышение над цветными составило 25 процентов.

Мораль и окружающая среда - В объяснении чрезмерной смертности цветного населения существует два класса мнений. Один объясняет ее социальными условиями, другой - расовыми признаками. Один указывает на окружающую среду, другой - на моральный облик. Один из них социалистический, другой - индивидуалистический. Эти разные взгляды существуют и среди самих цветных, и одним из обнадеживающих признаков является научный и откровенный интерес к этой теме, проявляемый ими под руководством Университета Атланты. Один цветной врач, придерживающийся первой точки зрения, убедительно излагает свою позицию:[31]

"Стоит ли удивляться, что мы умираем быстрее, чем наш белый брат, когда он получает первое и лучшее внимание, в то время как нами пренебрегают со всех сторон? У них лучшие палаты и лечение в больнице, в то время как мы вынуждены пользоваться этим из вторых рук или не пользоваться вовсе; у них есть все дома для бедных и бездомных, у нас их нет; у них есть дом для падших женщин, у нас его нет; у них есть публичные библиотеки, где они могут получать и читать книги по гигиене и другим предметам, относящимся к здоровью, у нас таких привилегий нет; У них есть гимназии, где они могут заниматься физическим развитием, а у нас нет; у них есть все парки, где они и их дети могут гулять в жаркие летние дни и дышать чистым прохладным воздухом, но из страха, что мы можем вдохнуть этот воздух и остаться в живых, они повесили большие знаки, на которых написано: "Только для белых"; Они живут в лучших домах, а мы - в скромных; они живут в самых чистых и здоровых районах города, а мы - в самых больных и грязных; улицы, на которых живут они, убираются раз и два в день, а улицы, на которых живем мы, - раз в месяц, а некоторые и вовсе не убираются; кроме того, у них много денег, на которые они могут получить любого врача, какого пожелают, любое лекарство, какое им нужно, и путешествовать ради своего здоровья, когда это необходимо; всех этих благ мы лишены. Итак, друзья мои, перед лицом всех этих недостатков, не кажется ли вам, что мы поступаем правильно, оставаясь здесь так долго, как мы это делаем?"

Другой цветной писатель, менее красноречивый, но не менее точный, обобщая статистику, собранную под руководством Атлантического университета, заключает:[32]

"Перенаселенность в квартирах и домах, занимаемых цветными, не существует в какой-либо значительной степени, и она меньше, чем предполагалось.

"По сравнению с белыми женщинами, избыток цветных женщин содержит свои семьи или вносит свой вклад в их содержание, занимаясь тем, что отнимает у них много времени от дома, пренебрегая своими детьми".

"Окружающая среда и санитарное состояние домов не являются главной причиной чрезмерной смертности среди цветного населения.

"Невежество и пренебрежение законами здоровья ответственны за большую часть этой чрезмерной смертности".

Эти и многие другие цветные студенты отмечают, что чрезмерная смертность среди цветного населения обусловлена легочной чахоткой, золотухой и сифилисом, все из которых являются конституционными, а также младенческой смертностью, вызванной конституционными и врожденными заболеваниями. Согласно переписи 1900 года, в некоторых северных штатах на каждую 1000 белых детей в возрасте до пяти лет приходилось 49,7 смертей за год, а на каждую 1000 цветных детей в возрасте до пяти лет - 118,5 смертей, то есть превышение младенческой смертности среди негров составило 137 процентов.[33] Перепись также сообщает, что смертность негров в городах от чахотки пропорционально в 2,8 раза превышает смертность белых, [34] от пневмонии - на 89 процентов, [35] а смертность от инфекционных причин, таких как корь, скарлатина, дифтерия, [36] лишь немного превышает или фактически меньше смертности белых пропорционально населению. В городе Чарльстон, где статистика смертности негров была собрана до войны, было показано, что с 1822 по 1848 год уровень смертности цветного населения от чахотки был ненамного ниже, чем белого, но с 1865 года смертность белого населения от этой причины снизилась на 38 процентов, а смертность негров выросла на 70 процентов.[37] Уровень смертности от чахотки в Чарльстоне в 1900 году составлял 189,8 на 100 000 белых и 647,7 на 100 000 негров, то есть превышение на 241 процент. Самый низкий показатель смертности негров от чахотки в

городах - 378,5 в Мемфисе, но в этом городе показатель смертности белых от той же причины - 169,9, превышение над неграми составляет 123 процента[38].

На конференции, проходившей в университете Атланты, профессор Харрис из университета Фиска заключил:[39]

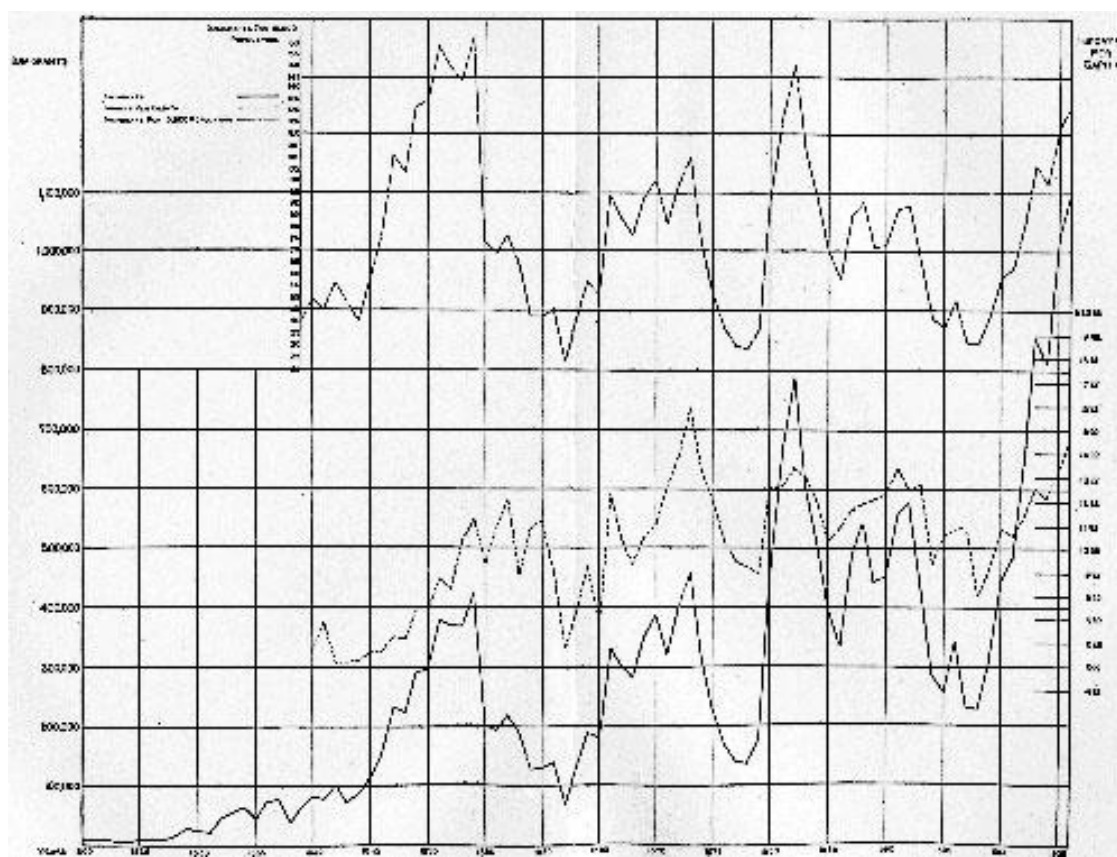
"Сейчас я рассмотрел те причины, которыми в основном обусловлена наша чрезмерная смертность, а именно: легочные заболевания, особенно чахотка и пневмония, золотуха, венерические болезни и младенческая смертность. Если мы устраним эти болезни, наша чрезмерная смертность уйдет в прошлое..... Хотя я не обесцениваю санитарные правила и знание гигиенических законов, я убежден, что *непременным* условием изменения к лучшему физического состояния негров является более высокая социальная мораль..... Из отчетов о состоянии здоровья во всех наших крупных южных городах мы узнаем, что значительная часть нашей детской смертности вызвана недоеданием, детской слабостью и детским маразмом. Как же обстоит дело с этими заболеваниями? Дело в том, что это вовсе не болезни, а лишь названия симптомов, вызванных ослаблением конституции и врожденными заболеваниями, унаследованными от родителей, страдающих от последствий сексуальной безнравственности и распутства..... Верно, что большая часть моральной распущенности, которая существует среди нас сегодня, возникла из рабства..... Но объяснить это не значит оправдать. Это уже не наше несчастье, каким оно было до войны; это наш грех, расплатой за который является чрезмерное количество смертей..... Наличие туберкулезных и золотушных болезней, чахотки, сифилиса и проказы заставило слабые народы земли уступить перед восходящим потоком христианской цивилизации..... История народов учит нас, что ни война, ни голод, ни мор не истребляют их так полностью, как сексуальные пороки".

ГЛАВА IV

ДОПОЛНЕНИЯ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Только с 1820 года правительство Соединенных Штатов ведет учет пассажиров-иностранцев, прибывающих в эту страну. В течение нескольких лет после 1820 года иммиграция была настолько незначительной, что практически не ощущалась. Только в 1820 году число прибывших превысило 20 000 человек. Мы настолько привыкли к большим цифрам иммиграции, что меньше 100 000 человек не кажется достойным внимания, и эта цифра была достигнута только в 1842 году. С тех пор было только четыре года, когда число иммигрантов было меньше 100 000, и два из них пришлись на годы Гражданской войны.

Поразительный факт, который в первую очередь привлекает внимание тех, кто изучает статистику с 1840 года, - это тесная связь между иммиграцией и промышленным процветанием и депрессией в этой стране. Действительно, связь настолько тесная, что многие, кто комментирует этот вопрос, считают, что иммиграция в прошлом веке была исключительно промышленным или экономическим явлением, зависящим от возможностей этой страны, и что религиозные и политические причины, которые стимулировали иммиграцию раньше, больше не действуют.

Увеличенное изображение

Движение иммигрантов, импорт товаров на душу населения и количество иммигрантов на 10 000 человек населения с 1800 по 1906 год.

Изогнутая линия на прилагаемом графике была проведена таким образом, чтобы показать относительное количество иммигрантов с 1800 года, а другая линия показывает движение импорта товаров на душу населения. Последний показатель, если не учитывать изменения тарифов, является честным индексом циклов процветания и депрессии. Проследив за этими двумя линиями на графике, можно заметить, что они совпадают, за исключением нескольких лет, предшествовавших Гражданской войне. Оба движения достигли максимума в 1873 году и упали до очень низкого уровня в 1879 году; затем поднялись в 1882 году и упали в 1885 году; затем достигли еще одного максимума в 1892 году и минимума в 1897 году; и, наконец, нынешний период процветания и интенсивного импорта принес самую большую иммиграцию в истории страны.

Проследив историю иммиграции по расам, мы увидим, в какой степени предполагаемое совпадение между процветанием и иммиграцией может считаться социальным законом. Вероятно, в середине века не столько возможности трудоустройства в этой стране, сколько условия в Европе приводили людей к нашим берегам. Когда мы зададимся вопросом о том, какие национальности составляли иммиграцию в тот период, мы узнаем, каковы были эти причины. В 1846 году в Ирландии случилась беспрецедентная картофельная гниль, когда был полностью потерян урожай того, что стало единственным продуктом питания крестьянства этого острова. Крестьяне были сведены к существованию на самом дешевом

из всех основных продуктов питания благодаря деятельности системы лендлордизма, едва ли когда-либо имевшей аналог в крупных масштабах в качестве средства эксплуатации арендаторов. Было установлено, что земля, используемая под картофель, может прокормить в три раза больше людей, чем та же земля, засеянная пшеницей, а мелкие арендаторы или крестьяне-коттеры платили помещику более высокую ренту, чем можно было получить от более крупных земледельцев. Сведенный к картофельной диете экономической системой, навязанной чужой расой, ирландский народ является одним из многих примеров, которые мы находим во всех наших исследованиях, - это народ, вынужденный эмигрировать из-за экономической несправедливости доминирующей расы. Позднее мы увидим то же самое в Австро-Венгрии, где завоеванные славянские народы бегут от дискриминации и навязывания правящих мадьяр. Мы увидим это в России, где еврей, финн и немец бегут от угнетения славян; и мы увидим это в Турции, где армянин и сириец бегут от поборов турок. Точно так же было в Ирландии во второй половине десятилетия, с 1840 по 1850 год, и утверждение апологета Англии, что голод, загнавший ирландцев за моря, был промыслом Божьим, является лишь слабой попыткой списать на высшие силы страдания бессердечной системы, придуманной для того, чтобы превратить всю жизнь и энергию подвластной расы в золото для ее эксплуататоров. Гораздо вернее о роли, которую сыграла Божественная рука в этой катастрофе, говорит отчет Общества друзей в Ирландии, в котором говорится, что таинственное происшествие, посетившее их страну, было "средством, разрешенным Всевышним Провидением, чтобы более ярко продемонстрировать несостоятельное состояние ее социального положения".

Так мы получаем объяснение стимулов, по которым даже в период промышленной депрессии в этой стране несчастные ирландцы стекались сюда. Действительно, в течение столетия, предшествовавшего голоду, население Ирландии росло более быстрыми темпами, чем в любой другой стране Европы. В 1790 году оно составляло 3 000 000 человек, а в год голода - более 8 000 000. В настоящее время он составляет всего 5 000 000 человек. Картофель, как никакая другая культура, позволяет земледельцу жить от руки до рта, а в сочетании с системой помещиков, отнимающей все сверх простого пропитания, этот "де-морализующий эскулап" способствовал явному перенаселению. Конечно, зависимость целого народа от одного урожая была очень опасной.

За пять лет, с 1846 по 1850 год, более миллиона с четвертью ирландских эмигрантов покинули порты Соединенного Королевства, а за десять лет, с 1845 по 1855 год, более миллиона с четвертью прибыли в Соединенные Штаты. Столь огромное количество людей не смогло бы найти средства передвижения, если бы не огромные пожертвования государственных и частных обществ на оказание помощи. Начался тот масштабный вывоз нищих, против которого наша страна протестовала и в конце концов приняла закон. Даже эта огромная миграция не сильно превышала число тех, кто действительно погиб от голода или болезней, связанных с этим. С тех пор ирландская миграция никогда не достигала столь высокой отметки, хотя в 1882 году, после очередного голода, она достигла второго значительного подъема, и в настоящее время она значительно уступает восточным расам Европы. В общей сложности ирландская иммиграция, составившая более четырех миллионов человек с 1821 года, ставит эту расу на второе место среди тех, кто пополняет наше население, рожденное за границей, а по сравнению с собственными показателями она лидирует в мире, поскольку за шестьдесят лет она отправила к нам в два раза меньше людей, чем было в ней во времена ее наибольшей численности. Едва ли другая страна прислала больше одной пятой.

Если рассматривать период почти в три столетия, то, вероятно, верно, что немцы пересекли океан в большем количестве, чем любая другая раса. Мы уже отмечали большую миграцию в восемнадцатом веке, и официальные отчеты показывают, что с 1820 года в наши порты прибыло более 5 200 000 немцев, в то время как Ирландия отправляла 4 000 000, а Великобритания - 3 300 000.

Немецкая миграция XIX века по своему характеру значительно отличалась от миграции предыдущего столетия. Колониальная миграция была в значительной степени вызвана религиозными мотивами, в то время как миграция прошлого века была политической и экономической, с заметным преобладанием материализма в отношении религии. Со времен наполеоновских войн и до революции 1848 года правительства Германии носили деспотический характер, поддерживая установленную церковь, но в то же время чудесный рост университетов породил класс образованных либералов. В революции 1848 года они приняли ведущее участие, и хотя после этого были установлены конституционные правительства, те, кто принимал активное участие в народных восстаниях, нашли свое положение невыносимым при последующих реакционных правительствах. Политические изгнанники устремились в Америку, принеся с собой свой либерализм в политике и религии и сформировав вместе со своими потомками в американских городах интеллектуальную аристократию. Они происходили из средних слоев Германии, а в последнее время, когда войны с Австрией и Францией вызвали дух милитаризма, тысячи крестьян искали в эмиграции спасения от военной службы. Сильная промышленная депрессия 1873-79 годов стала дополнительным фактором, способствовавшим этому. Таким образом, кульминация немецкой миграции пришлось на два периода: первый - 1854 год - по политическим мотивам, второй - 1882 год - по военным и экономическим мотивам. После этого наступил значительный спад, и нынешняя миграция 32 000 человек из Германии - это в основном остатки семей, ищущих здесь своих родственников. Более значительное число немецких иммигрантов, 55 000 человек, прибывает из Австро-Венгрии и России, причем из последней они были вытеснены из прибалтийских провинций и волжских поселений в результате политики "русификации" славян.

Меняющийся характер европейской иммиграции. - Помимо немцев и ирландцев, в середине XIX века наибольшее число иммигрантов составляли представители английской и скандинавской рас. После спада во время депрессии 1879 года в 1882 году, когда прибыло почти 800 000 иммигрантов, наблюдался рост численности всех этих рас. Примерно в это время начались заметные изменения в характере иммиграции, которым суждено было привести к глубоким последствиям.

Это изменение заключалось в быстром перемещении источников иммиграции из Западной в Восточную и Южную Европу. Линия, проведенная через европейский континент с северо-востока на юго-запад и отделяющая Скандинавский полуостров, Британские острова, Германию и Францию от России, Австро-Венгрии, Италии и Турции, разделяет страны не только с разными расами, но и с разными цивилизациями. Она отделяет протестантскую Европу от католической; она отделяет страны с представительными учреждениями и народным правительством от абсолютных монархий; она отделяет страны, где образование является всеобщим, от стран, где преобладает неграмотность; она отделяет промышленные страны, прогрессивное сельское хозяйство и квалифицированный труд от примитивной ручной промышленности, отсталого сельского хозяйства и неквалифицированного труда; она отделяет образованное, бережливое крестьянство от крестьянства, едва ли на одно поколение оторванного от крепостного права; она отделяет тевтонские расы от латинских, славянских, семитских и монгольских рас. Когда источники американской иммиграции

перемещаются из западных стран, столь близких к нашим, в восточные, столь далекие по основным признакам западной цивилизации, это изменение должно привлечь внимание каждого гражданина. Такая перемена произошла, и достаточно сравнить статистику иммиграции за 1882 год со статистикой 1902 и 1906 годов, чтобы увидеть ее масштабы. Хотя общее число иммигрантов из Европы и Азиатской Турции было примерно одинаковым в 1882 и 1902 годах, как показано в прилагаемой таблице, в 1882 году Западная Европа составляла 87 процентов иммигрантов, а в 1902 году - только 22 процента, в то время как доля Юго-Восточной Европы и Азиатской Турции увеличилась с 13 процентов в 1882 году до 78 процентов в 1902 году. За двадцать лет иммиграция представителей западных рас, наиболее близких к тем, которые сформировали американские институты, сократилась более чем на 75 процентов, в то время как иммигранты восточных и южных рас, не обученные самоуправлению, увеличились почти в шесть раз. На 1906 год пропорции остались прежними, хотя за четыре года общий объем иммиграции увеличился на две трети.

ИММИГРАЦИЯ ИЗ ЕВРОПЫ И АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ ПО СТРАНАМ, 1882, 1902, 1906 ГГ.

	1882		1902		1905	
	ЧИСЛО	ПЕР ЦЕНТ	ЧИСЛО	ЗА ЦЕНТ	ЧИСЛО	ПЕР ЦЕНТ
Всего	647,082	100	622,987	100	1,024,719	100
Европа и Азиатская Турция						
Великобри тания и Ирландия	179,423	27.7	46,036	7.4	102,241	10.0
Бельгия	1,431	.2	2,577	.4	5,099	.5
Дания	11,618	1.8	5,660	.9	7,741	.8
Франция	6,003	.9	5,117	.8	9,386	.9
Германия	250,630	38.7	26,304	4.2	37,564	3.7
Нидерланд ы	9,517	1.1	2,284	.4	4,946	.5
Норвегия	29,101	4.5	17,404	2.8	21,730	2.1
Швеция	64,607	10.0	30,894	5.0	23,310	2.3
Швейцария	10,884	1.7	2,344	.4	3,846	.4
	563,174	87.0	136,620	22.0	215,863	21.7
Итого Западная Европа						
Италия	32,159	5.0	178,375	28.6	273,120	26.7
Португалия	42	[41]	5,307	.9	8,517	.8
Испания	378	[41]	975	.1	1,921	.1
Австро- Венгрия	29,150	4.5	171,989	27.6	265,138	25.9

Россия	21,590	3.3	107,347	17.2	215,665	21.0
Греция	[40]73	[41]	8,104	1.3	19,489	1.9
Румания	[40]77	[41]	7,196	1.2	4,476	.5
Сервия, Болгария, и Черногори я		[41]	851	[41]	4,666	.5
Турция в Европе	[40]86	[41]	187	[41]	9,510	.9
Турция в Азии	82	[41]	6,223	1.0	6,354	.6
Итого Южная и Восточная Европа и Азиатская Турция	83,637	13.0	486,367	78.0	808,856	78.9

Итальянцы. - Именно в этот период итальянская иммиграция впервые стала заметной. До 1880 года этот поток был лишь самой незначительной струйкой, но теперь он стал самым большим из всех иностранных притоков в наше население. В 1873 году число итальянцев впервые достигло 8000 человек, но в 1876 году оно упало до 3000 и продолжалось в умеренных пропорциях, но внезапно в 1880 году подскочило до 12 000, а в 1882 году - до 32 000. Снова упав с промышленным спадом до 13 000 в 1885 году, они достигли 76 000 в 1891 году, а затем с очередным спадом до 35 000 в 1895 году и теперь скачками продвигаются вперед к высокой отметке в 287 000.[42] Итальянцам, похоже, суждено соперничать с немцами и ирландцами как ведущим вкладчикам в нашу социальную амальгаму. Конечно, пока лишь небольшая часть из них - женщины и дети, но это потому, что иммиграция находится на ранних и первых стадиях. Женщины и дети быстро приедут, когда мужчины накопят достаточно денег, чтобы послать за ними. Четверть эмиграции приходится на билеты и деньги, предоставленные друзьями и родственниками в Соединенных Штатах[43].

Иммигранты из Италии отличаются от иммигрантов из Австрии, России, Венгрии и Ирландии тем, что их гонят не притеснения доминирующей расы, а экономические и политические условия жизни объединенного народа. Это, конечно, не исключает угнетения как причины эмиграции, но в этом случае угнетение переносится с одной расы на другой класс. Большая часть итальянской иммиграции происходит из южных провинций и из Сицилии, где власть помещиков наиболее велика. В этих провинциях, где большие поместья принадлежат дворянству, арендная плата доведена до самого высокого уровня: за апельсиновый сад платят до 160 долларов в год за акр, а срок аренды короткий, так что у арендатора мало возможностей для улучшения.[44] Во многих случаях землю арендуют крупные фермеры-капиталисты, которые выращивают на ней скот, пшеницу и оливки и являются преуспевающими людьми. Но их процветание складывается из нищенской зарплаты их рабочих. Сельскохозяйственный рабочий получает от 8 центов до 32 центов в день в течение

года и от 10 центов до 38 центов летом. Неквалифицированные рабочие получают от 25 центов до 50 центов в день, а такие квалифицированные профессии, как каменщики и плотники, - всего от 27 центов до 1,40 доллара в день. Такой широкий диапазон зарплат в целом соответствует югу и северу, причем самые низкие ставки - на юге, а самые высокие - на севере. Во Франции и Англии заработная плата в два с половиной раза выше, чем в Италии, а в Германии - примерно на 30-50 процентов.

Не следует думать, что низкая стоимость жизни соответствует низкой заработной плате. Во многом это объясняется преувеличенной системой косвенных налогов. Хотя пшеница является основной культурой, крестьяне предпочитают есть кукурузу, поскольку при определенных расходах она дает более сильное ощущение сытости. Из пшеницы и кукурузной муки вместе итальянский крестьянин съедает за год лишь на три четверти больше, чем обитатель английской богадельни. Мяса крестьянин в Апулии получает не более десяти фунтов в год, в то время как нищий в английском рабочем доме - пятьдесят семь фунтов. Местные налоги на муку, хлеб и макароны достигают 10 или 15 процентов от стоимости, а государственный налог на импортную пшеницу составляет почти 50 процентов от ее стоимости. Потребление сахара сократилось на четверть с тех пор, как были введены высокие пошлины для защиты местного свекловичного сахара, и в среднем составляет едва ли более пяти фунтов на голову. Потребление в Соединенных Штатах составляет шестьдесят пять фунтов на голову. Беззаконный налог на соль поднимает ее цену с одиннадцати фунтов за два цента до одного фунта за два цента, и крестьяне иногда варят свою кукурузную муку в морской воде, хотя это контрабанда. То, чего крестьянам не хватает в зерне и мясе, они стараются восполнить овощами, и доля потребляемых овощей, гороха и бобов больше, чем в любой другой стране Европы. Крестьяне не пьют ни пива, ни крепких напитков, ни чая, ни кофе, но среднее годовое потребление вина составляет двадцать галлонов на голову. Только на питание крестьяне тратят 85 процентов своей зарплаты, в то время как немецкий крестьянин - 62 процента, а американский рабочий - 41 процент. Бедняки и рабочие платят более половины налогов, составляющих, даже без учета вина, 10 или 20 процентов от их заработной платы. На юге страны и на Сардинии ежегодно происходит около 13 000 продаж земли за неуплату налогов, и экспроприированные владельцы становятся арендаторами. Несколько деревень на юге Италии почти полностью заброшены, а одна деревня недавно объявила о своем намерении полностью переехать в одну из южноамериканских республик.^[45] Богатые избегают налогообложения, которое в значительной степени зависит от потребления. Помимо государственного налога на импорт, каждый город и поселок имеет свой *октрой*, или налог на импорт, на все, что ввозится в город. Эти "защитные пошлины грабят бедных, чтобы набить карманы богатых домовладельцев и фабрикантов". С 1870 года богатство выросло на 17 процентов, а налоги - на 30 процентов. Налоги составляют почти одну пятую часть дохода страны, против одной двенадцатой в Германии, одной шестнадцатой в Англии и одной пятнадцатой в Соединенных Штатах. Заработная плата росла с 1860 по 1885 год, но с 1890 года она упала.

Армия и флот - это самая большая трата ресурсов народа. На них уходит на четверть больше национального дохода, чем на армии и флоты Франции и Германии. Восемьдесят миллионов долларов в год на военные расходы в Италии - это более 5 процентов дохода народа, в то время как 194 000 000 долларов на те же цели в Соединенных Штатах - это менее 2 процентов наших доходов. В Тройственном союзе Германии, Австрии и Италии последняя уничтожает своих крестьян, чтобы показать себя на стороне своих более богатых партнеров. Армия забирает каждого трудоспособного крестьянина из промышленности в казармы и в течение двух лет тренирует его лучшие силы. Но длинная линия открытого побережья и общая

военная ситуация в Европе делают маловероятным, что Италия в течение многих лет сможет избавиться от этого инкубатора.

Помимо всех этих экономических и политических причин давления, есть еще одна причина более глубокого характера - быстрый рост населения. Как ни странно, сама бедность Италии усиливает тенденцию к высокой рождаемости, и этот показатель наиболее высок именно в тех районах, где больше всего неграмотности и нищеты. Только огромное количество смертей, вызванных бедностью и отсутствием санитарии, не дает приросту населения превысить показатели более быстрорастущих стран - Германии, Великобритании и Скандинавии. Наибольшее количество детей рождается не среди тех классов и наций, как средний класс и экономные жители Франции, а среди тех невежественных и низкопробных народов, для которых будущее открывает не лучшие перспективы, чем для их детей. Ранние браки и многодетные семьи - это одновременно и результат, и причина бедности. В некоторых частях Ломбардии и Венеции население гуще, чем в любой другой европейской стране, за исключением Бельгии, которая на самом деле не страна, а производственный центр Европы. Плотность населения в Италии превышает плотность населения Германии, Франции, Индии и даже Китая. Ее превышают только острова Великобритании и Японии, а также штаты Род-Айленд и Массачусетс.^[46] Эмиграция - единственное немедленное средство от этой перенаселенности. Все другие средства, которые действуют через повышение интеллекта и уровня жизни, требуют многих лет для достижения ощутимых результатов, а тем временем постоянная рождаемость теснит новых конкурентов на новых местах и умножает необходимость экономических и политических реформ, прежде чем они могут быть приведены в действие. Эмиграция - это готовое облегчение, но это не уменьшение численности населения. В течение многих лет Италия будет обеспечивать избыток населения, которое будет перетекать в Америку.^[47] Эмиграция также является средством дохода для материнской страны. По оценкам, крестьяне в зарубежных странах ежегодно отправляют обратно своим семьям и родственникам от 30 000 000 до 80 000 000 долларов, и многие из них возвращаются с тем, что для них является состоянием, и с новыми идеями о промышленности и прогрессе, чтобы приобрести и улучшить ферму и коттедж для своих преклонных лет. Говорят, что в Южной Италии уже есть несколько небольших провинциальных городков, которые поднялись из убожества до чего-то похожего на процветание благодаря деньгам и влиянию тех, кто вернулся домой. Эта временная эмиграция, вероятно, составляет более 150 000 человек в год, которые уезжают за границу или в соседние страны, рассчитывая вернуться.

Помимо этой временной эмиграции существует столь же большая постоянная эмиграция. Она бывает двух видов, почти полностью отличающихся друг от друга, как эмиграция двух отдельных наций. Северный итальянец - это образованный, квалифицированный ремесленник, приехавший из промышленных районов и в основном из городов. Он тевонец по крови и внешности. Южный итальянец - неграмотный крестьянин из крупных помещичьих хозяйств, получающий зарплату меньше трети своего северного соотечественника. Он происходит с меньшим смешением от древних жителей Италии. К несчастью для нас, северные итальянцы не приезжают в Соединенные Штаты в большом количестве, но они отправляются в Аргентину, Уругвай и Бразилию примерно в том же количестве, что и южные итальянцы к нам. По оценкам, в этих трех странах проживает 3 000 000 итальянцев при общей численности населения в 23 000 000 человек, и в основном они происходят с севера Италии. Окруженные не слишком предприимчивыми испанцами и португальцами, они показали себя промышленными лидерами страны. Некоторые из главных зданий, банки, мукомольные и текстильные фабрики, а также большинство пшеничных ферм Аргентины принадлежат итальянцам. Они составляют треть населения Буэнос-Айреса и владеют половиной

торгового капитала этого города. Они становятся юристами, инженерами, членами парламента, а итальянец по происхождению был президентом Аргентинской Республики, в то время как другие итальянцы были военными министрами и министрами образования.^[48] В то время как эти северные итальянцы с их предприимчивостью, умом и разнообразными способностями отправляются в Южную Америку, мы принимаем южных итальянцев, которые почти самые неграмотные из всех иммигрантов в настоящее время, самые подчиненные начальству, самые низкие по уровню жизни, и в то же время самые трудолюбивые и бережливые из всех простых рабочих.

Иностранцы, ожидающие приема на острове Эллис

Австро-Венгрия. Иммиграция из Австро-Венгрии за последние десятилетия достигла самых больших размеров, чем из Италии. Если в 1906 году Италия прислала 273 000 человек, то Австро-Венгрия - 265 000 в том же году и 276 000 годом ранее. Как и в случае с иммиграцией из Италии, этот рост произошел с 1880 года. До этого наибольшее число иммигрантов из Австро-Венгрии составляло 9000 человек в 1874 году.

Хотя эти цифры сравнимы с данными итальянцев, но, в отличие от итальянцев, они относятся к слиянию рас и языков, отличных друг от друга. Значение австро-венгерской иммиграции раскрывается только при анализе ее по расам. Расовая карта этой империи сразу же показывает самую сложную социальную мозаику из всех современных наций. Здесь мы видим не то смешение рас и ассимиляцию языков, которое в нашей собственной стране привело к формированию энергичного, единого народа, а сопоставление враждебных рас и неизменность языка, удерживаемые вместе только внешним давлением России, Германии, Италии и Турции. Этот конфликт рас сделал политику империи почти непонятной для иностранцев и усугубил экономическое неравенство, которое толкает непривилегированные массы к эмиграции.

В Австро-Венгрии существует не только пять основных делений человеческой семьи - германцы, славяне, мадьяры, латиняне и евреи, - но они еще и подразделяются. В северных горных и холмистых районах проживают 13 000 000 славянских народов, чехи, или богемцы, с

близкородственными им моравами, а также славянские словаки, поляки и русины (известные также как русняки); в то время как на южных холмах и вдоль Адриатики проживают еще 4 000 000 славян, хорваты, сербы, далматинцы и словенцы. Между этими группами на плодородных равнинах 8 000 000 мадьяр и 10 000 000 немцев стали доминирующими расами. На юго-западе проживает около миллиона итальянцев, а на востоке - 2 500 000 латинизированных славян, румын. Славяне в целом являются завоеванными народами, а немецкая и мадьярская знать владеет их землями, принимает законы и управляет ими. Северные славяне подчинены Австрии и Венгрии, а русины находятся в двойном подчинении, поскольку они были крепостными своих братьев-славян, поляков, которых они продолжают ненавидеть и в чьих чаяниях о воссоединенной Польше они не участвуют. Южные славяне и румыны подчиняются Венгрии. Руманийцы - широко распространенная и разрозненная народность славян, завоеванная римлянами, от которых они несовершенно заимствовали свой язык, но теперь распределенная частично по независимым королевствам, а частично под властью мадьяр. Хорваты с юго-западных гор - один из лучших образцов физической мужественности, дошедших до наших берегов. Это энергичный народ, ненавидящий принадлежащую ему Венгрию и называющий себя "австрийцами", чтобы избежать названия "гунны", которым американцы ошибочно их обозначают. Мадьяры - это азиатские завоеватели, которые десять веков назад захватили Европу и, получив отпор от тевтонов на западе, утвердились на славянах в долине и на равнинах Дуная. Хвастаясь республиканской конституцией тысячелетней давности, они до последнего года не были вынуждены делиться ею с покоренными ими народами. Искусные политики и лихие полководцы, они так же беспечны в делах, как и славяне, и превосходство, которое они сохранили в политике, перешло в руки евреев в экономике. Ни в одной другой современной стране с евреем не обращались так либерально, и ни в одной другой стране государственные и частные финансы не находились под его более полным контролем. Наживаясь на подавлении мадьярами славян, еврей монополизировал деловые возможности, которых лишены словаки и хорваты, и с помощью этого рычага незаметно вытеснил самого мадьяра. Мадьяр больше не является доминирующей расой, и за последний год он привёз в Америку больше иммигрантов, чем любая другая ветвь покорённых им славян. В австрийских владениях бывшей Польши еврей также стал финансистом, и как русин, так и поляк, не способные подняться под бременем долгов, отправляют в Америку своих более предприимчивых крестьян.

Благодаря извращенной системе представительного правления, основанной на представительстве классов как в Австрии, так и в Венгрии, крупные землевладельцы и богатые купцы до сих пор избирали три четверти парламентов, но недавно в обеих странах император предоставил всеобщее мужское избирательное право. Крестьяне-славяне отныне будут на равных правах с немцами, мадьярами и евреями, а приведет ли запоздалое равенство рас к равенству экономических возможностей, еще предстоит выяснить. За последние несколько лет эмиграция из несчастной двойной империи поразительно возросла.

При всем этом путаном смешении рас, при этом разнообразии греческого, римского католицизма и иудаизма, при этой истории расового угнетения и ненависти неудивительно, что иммигранты разрываются на фракции и вражду везде, где их бросают вместе с нами. Задача Америки - поднять их на патриотизм, которого они до сих пор не знали на своей родине.

Самой ранней миграцией из Австро-Венгрии была миграция богемы, самого высокообразованного и горячо патриотичного славянского народа. После революции 1848

года, когда немцы подавили их патриотическое восстание, студенты, профессионалы, и зажиточные крестьяне приехали в Америку и поселились в Нью-Йорке, Сент-Луисе, Милуоки, Чикаго, а также в сельских районах Техаса, Висконсина, Айовы, Миннесоты и Калифорнии. После австро-прусской войны 1866 года в этот поток снова влились квалифицированные рабочие, которые захватили значительную часть сигарной промышленности Нью-Йорка и швейной торговли Чикаго. Впоследствии рекруты из крестьян и неквалифицированных рабочих стремились в те районы, где жили пионеры, осваивали те же ремесла или вступали в армию общего труда. В Чикаго богемная часть - почти самостоятельный город, со своим языком, промышленностью, школами, церквями и газетами. После небольшого спада вновь увеличивается поток иммигрантов, число которых в 1906 году составило 13 000 человек. Те, кто приезжает, привозят свои семьи, и лишь немногие возвращаются обратно. В эти ранние времена польские и венгерские евреи также начали свою миграцию, следуя примеру своих немецких предшественников.

В десятилетие восьмидесятых годов иммиграция из Австро-Венгрии увеличилась сначала за счет поляков, которых сейчас насчитывается 44 000, затем за счет мадьяр, которых сейчас 43 000, затем за счет словаков, которых сейчас 37 000. Во второй половине девятых годов прошлого века южные славяне - хорваты и словенцы - внезапно взяли на себя это бремя, и в 1906 году их прибыло 43 000. За ними последовали русины с севера - 16 000 человек в 1906 году. Последними начали бегство от мадьяр латинизированные славяне - румыны, число которых в 1900 году составило менее 400 человек, а в 1906 году выросло до 11 000. Только 300 человек прибыли из своего собственного королевства - Румании. В течение всего этого периода наблюдалась также значительная миграция немцев, достигшая 35 000 в 1906 году.

Перед лицом этой огромной миграции венгерское правительство наконец-то забило тревогу. Они видят, что даже их собственный народ, мадьяры, бежит. Недавно правительство попыталось ограничить беспорядки, запретив рекламу и публичные выступления в пользу эмиграции, запретив продажу билетов или приглашение любого, кто не имеет правительственной лицензии для этой цели, заключив контракт с паровой линией из их собственной адриатической части Фиуме, чтобы уменьшить миграцию через немецкую и итальянскую границы. Этим можно объяснить уменьшение числа иммигрантов из Австро-Венгрии на десять тысяч человек в 1906 году.

Практически вся миграция славянских элементов в настоящее время - это крестьянство. В Хорватии леса истощены, и тысячи иммигрантов-лесорубов устремились в леса нашего Юга и на железнодорожное строительство Запада. Природные ресурсы Хорватии отнюдь не недостаточны, но дискриминационные налоги и железнодорожные тарифы, введенные Венгрией, препятствуют освоению этих ресурсов. Для разработки шахт и полезных ископаемых в Хорватии нет необходимых железных дорог, а крестьяне, не имея возможности найти работу на родине, соблазняются рекламой американских пароходов и агентами американских подрядчиков.

Так же обстоит дело со словацкими крестьянами и шахтерами северных гор и предгорий. При зарплате в сельском хозяйстве всего восемнадцать центов в день они находят работу на американских шахтах, прокатных станах, скотопригонных дворах и на строительстве железных дорог за 1,50 доллара в день.

Помимо расовой дискриминации, бедствием Австро-Венгрии является лендлордизм. В некоторых районах были проведены значительные реформы. Свободное отчуждение земельной собственности было принято в австрийских доминионах в 1869 году, и за последующие двенадцать лет из существующих крестьянских владений в Богемии было

вырезано 42 000 новых владений. Подобные переводы произошли и в других местах, но даже там, где крестьянское землевладение укрепилось, огромные цены являются препятствием для экономической независимости. Они вынуждают крестьянина-землевладельца довольствоваться пятью-двенадцатью акрами, что составляет четыре пятых хозяйств в Галиции. Его стремление владеть землей - это его страх перед участием простого наемного работника, которого он больше не боится, когда приземляется в Америке. "Страх опуститься из социального положения крестьянина в неизмеримо более низкое положение поденщика - вот тот великий стимул, который гонит за моря и словака, и поляка, и русина"[49] Такие высокие арендные ставки и баснословные стоимости могут существовать только там, где зарплата и уровень жизни находятся на уровне прожиточного минимума, оставляя большой излишек для капитализации. Они также существуют в результате наиболее экономной и минимальной обработки земли, так что при такой подготовке богемский или польский фермер, взявший землю в Америке, вскоре становится обеспеченным гражданином.

Налогообложение также неравномерно. В течение многих лет правительство страдало от дефицита, военные расходы росли, и, что хуже всего, дворяне были освобождены от налогов. Последняя несправедливость, однако, была исправлена революцией 1848 года, и все же в настоящее время крупные землевладельцы платят гораздо меньше своей доли земельного налога, не говоря уже о тяжелых налогах на потребление и промышленность.

Как и в других странах с низким уровнем жизни, число рождений велико по отношению к числу жителей. На каждую тысячу человек в Венгрии приходится сорок три рождения в год,[50] и это число превышает только одна великая страна Европы - Россия. И все же при таком большом количестве рождений, поскольку экономические условия столь обременительны, а связанные с ними смерти столь часты, чистый прирост населения меньше, чем в любой другой стране, кроме Франции. В Австрии рождений и смертей меньше, а чистый прирост больше, и он близок к показателям плодотворной Италии.

В каждой из этих стран показатели рождаемости и смертности близки к показателям негров в Америке, и, как и у негров, две пятых смертности приходится на детей до пяти лет, тогда как в других более благополучных странах и расах эта доля составляет лишь одну пятую или одну четвертую. Не столько перенаселенность Австро-Венгрии провоцирует эмиграцию, сколько бедность, невежество, неравенство и беспомощность, которые порождают кажущееся перенаселение. Пока эти условия сохраняются, эмиграция будет расти, и усилия венгерского правительства по ее сокращению не увенчаются успехом.

Россия. - Российская империя в настоящее время занимает третье место в списке стран, способствующих американской иммиграции. Российская иммиграция, как и иммиграция из Италии и Австро-Венгрии, практически ограничивается двумя последними десятилетиями. В 1881 году она впервые достигла 10 000 человек. В 1893 году она составляла 42 000 человек, а в 1906 году - 216 000.

Значительным фактом этой иммиграции является то, что она лишь на 2 % состоит из русских и на 98 % из нерусских. Русский крестьянин, вероятно, самый угнетенный из крестьян Европы, и хотя его недавнее восстание пробудило его интеллект и развеяло прежнее мнение о его тупости, он все же настолько привязан к земле своей системой коммунизма, своим бременем налогов и долгов и своим подчинением помещикам, что он пока не подвержен миграционной лихорадке. В той мере, в какой он покинул свою родную землю, он сделал это благодаря усилиям деспотического правительства по русификации Сибири и недавно завоеванных регионов его собственных обширных владений. С другой стороны, расы, которые покинули Российскую империю, были изгнаны, потому что отказались подчиниться

политике, которая насильно ассимилировала бы их с языком или религией доминирующей расы. Даже обещания аристократии под страхом недавней революции не смягчили преследований, и за четыре года число укрывающихся в бегах удвоилось. В первую очередь это евреи, 125 000 в 1906 году, что больше, чем 37 000 четыре года назад; затем поляки, 46 000 в 1906 году; далее 14 000 литовцев, 13 000 финнов и 10 000 немцев. Поляки и литовцы - славянские народы, давно завоеванные и аннексированные русскими. Финны - тевтонский народ с монгольским языком; немцы - изолированная ветвь этой расы, поселившаяся далеко на востоке на Волге по приглашению царя более ста лет назад или в балтийских провинциях, примыкающих к Германии; евреи - несчастные потомки расы, которую русские нашли на территории, завоеванной за последние два столетия.

Евреи. - В настоящее время Россия обеспечивает нам пять шестых еврейской иммиграции, но еще одна шестая часть поступает с прилегающих территорий Австро-Венгрии и Румании. Около шести тысяч временно проживают в Англии, а район Уайтчепел в Восточном Лондоне представляет собой уменьшенную копию Ист-Сайда в Нью-Йорке. За всю историю Америки евреи приезжали сюда из всех стран Европы. Первой зарегистрированной иммиграцией были голландские евреи, изгнанные португальцами из Бразилии и принятые голландским правительством Нового Амстердама. Потомки этих первых иммигрантов и в настоящее время продолжают жить в своей особой общине в нижней части Нью-Йорка. Довольно большое количество португальских и испанских евреев, изгнанных из этих стран во времена Колумба, привели своих потомков в Америку через Голландию. Немецкие евреи начали свою миграцию в небольших количествах в колониальные времена, но наибольший приток их последовал за наполеоновскими войнами и достиг своего апогея в середине века. До последних двух десятилетий немецкие евреи были настолько преобладающими, что для рядового американца все евреи были немцами. Как ни странно, так называемый русский еврей - это тоже немец, и в России среди народных масс слова "немец" и "еврей" означают одно и то же. Здесь кроется интересная история этой гонимой расы. Известно, что евреи поселились на месте нынешнего города Франкфорта в Южной Германии еще в третьем веке, когда этот город был торговым пунктом на римской границе. В настоящее время в районе Франкфорта, простирающемся на юг через Эльзас, проживает большая часть немецких и французских евреев. В этот центр они стекались в Средние века, и их терпимость в этом регионе бросает интересный свет на причины их преследования в других странах.

В католическом государстве после крестовых походов у еврея не было никаких прав, и поэтому он мог получить защиту только благодаря личной благосклонности императора, короля или феодала. Эта защита была произвольной и капризной, но она всегда основывалась на материальных соображениях. Невольно католическая церковь, запретив ростовщичество для всех верующих, передала ссудный бизнес в руки евреев, а поскольку еврей не был склонен к земледелию и не имел права заниматься им, единственными источниками его существования были торговля и ростовщичество. Европейские государи, покровительствовавшие евреям, делали это в расчете на большие суммы, которые они могли извлечь из их прибылей как ростовщиков и торговцев. Они использовали евреев как губки, чтобы вытягивать из своих подданных незаконные налоги. Поэтому, когда народ обрел власть над своими государями и возник дух национальности, еврей, лишившись своего прежнего защитника, стал объектом преследования. Англия была первой страной, где возник этот дух национальности, и первой изгнала евреев (1290); Франция последовала за ней столетие спустя (1395), а Испания и Португалия - два столетия спустя (1492 и 1495). Но в

Германии и других частях Священной Римской империи царили политическая неразбериха и анархия, и император и мелкие властители могли продолжать покровительствовать евреям.

Норвежский Итальянский Арабский
(Из журнала "Домашний миссионер")

В то время русский народ проживал только в окрестностях Москвы, но еще до крестовых походов он изгнал евреев. Как только они завоевывали территории на юге от Турции или на западе от Польши, они продолжали ту же враждебность. В центре Европы была только одна страна, Польша, где короли, желая построить свои города, приглашали евреев, и туда гонимые расы бежали с Востока от русских, а затем и с Запада, изгнанные немцами. Когда, наконец, сто лет назад остатки Польской империи были разделены между Россией, Пруссией и Австрией, еврейское население в этом благоприятном районе стало самым многочисленным со времен разрушения Иерусалима. Сегодня в некоторых из этих губерний, принадлежащих России, евреи составляют до одной шестой части всего населения, а в некоторых городах - более половины. Пятнадцать провинций, отобранных у Польши и Турции, протянувшиеся на 1500 миль вдоль границы Германии и Австро-Венгрии и 240 миль в ширину, составляют сегодня "Палею поселения", регион, где евреям разрешено жить. Здесь проживает треть из 11 000 000 евреев мира.^[51] Раньше они занимались всеми отраслями промышленности, включая сельское хозяйство.

Теперь мы подошли к последнему великому национальному восстанию, подобному тому, что началось в Англии шестьсот лет назад. Русские крепостные были освобождены в 1861 году. Но они остались без земли и капитала и были обременены высокой арендной платой и огромными налогами. Евреи стали их купцами, посредниками и ростовщиками. Внезапно в 1881 году крестьяне, угнетаемые и игнорируемые помещиком и правительством, в своей беспомощности обратились к промежуточной причине своих несчастий - евреям. Антисемитские беспорядки того года, пожалуй, никогда не были превзойдены по свирепости и беспорядочным разрушениям. Тогда началось переселение в Америку. В следующем году преследование продолжило российское правительство, и были обнародованы печально известные "майские указы" 1882 года. За ними, по наущению греческой церкви, последовали еще более строгие распоряжения, так что до сих пор, если только не облегчить

положение террористическими обещаниями царя, еврею не разрешается выбивать закладную, арендовать или покупать землю; он не может заниматься бизнесом по воскресеньям или христианским праздникам; он не может занимать должности; он не может отправлять культы или собираться без разрешения полиции; он должен служить в армии, но не может стать офицером; он исключен из школ и университетов; он штрафуется за ведение производства и торговли; ему почти запрещено заниматься учеными профессиями. В то время как все остальные социальные вопросы исключены из обсуждения, антисемитская пресса получает свободу действий, а "желтые" журналы разжигают народную ненависть к евреям до бешенства. Только когда эта ненависть выливается в массовые беспорядки, новости доходят до Америки, но преследования постоянны и неумолимы. Правительство и армия объединяются с крестьянами, поскольку, в соответствии с характером этой универсальной расы, евреи являются лидерами революционных и социалистических патриотов, которые стремятся свергнуть правительство и вернуть землю народу.

Это восстание не ограничивается Россией. Галицийские евреи в австрийских владениях бывшей Польши, где славяне горько жалуются на них как на содержателей салунов и ростовщиков,^[52] подвергаются гонениям, свойственным их расе, а в последние десять лет Румания, крестьянская страна, примыкающая к Венгрии и России, приняла законы и правила еще более деспотичные, чем у своего соседа.

Таким образом, эта удивительная и парадоксальная раса, родительница философов, художников, реформаторов, мучеников, а также самых проникательных эксплуататоров бедных и невежественных, за два десятилетия приехала в Америку в гораздо большем количестве, чем за два предыдущих столетия.

Не следует думать, что евреи - это раса чистого происхождения. Будучи выходцами из всех частей и народов Европы, они являются настоящими космополитами и переняли язык, обычаи и образ мыслей людей, среди которых они живут. Более того, в течение столетий их физические характеристики отошли от тех, что были у их семитских кузенов на Востоке, и они ассимилировались по крови со своими европейскими соседями. В России, особенно в первые века, туземные племена были обращены в иудаизм и смешались со своими прозелитами. То, что делает еврея особенным народом, - это не только чистота его крови, но и гонения, преданность своей религии и тщательное воспитание детей. Среди евреев из Восточной Европы заметны интеллектуальные и моральные различия. Венгерский еврей, эмигрировавший раньше всех, авантюрист и спекулянт: южнорусский соблюдает мало религиозных обрядов, наиболее интеллектуален и социалистичен, наиболее склонен к жизни наемного работника; западнорусский ортодоксален и эмоционален, экономит деньги, становится подрядчиком и розничным торговцем; галицийский еврей - самый бедный, условия его жизни на родине были самыми суровыми, и он начинает американскую жизнь в качестве разносчика. То, что объединяет их всех как единый народ, - это религиозная подготовка и общий язык.

На иврите читают и пишут все мужчины и половина женщин, но на нем не говорят, за исключением нескольких особо ортодоксальных евреев по субботам. Иврит - язык деловой переписки, идиш - разговорный, подобно тому как в средние века официальным и международным языком была латынь, а различные народы говорили каждый на своем наречии. Идиш, на котором говорят русские евреи в Америке, едва ли можно назвать языком - это жаргон без синтаксиса, спряжения и склонения. Его основу на шестьдесят процентов составляет немецкий язык XVI века, свидетельствующий об основном происхождении народа, и на сорок процентов - язык стран, откуда они прибыли.

То, что больше всего заставляет евреев вызывать тревогу у крестьян Восточной Европы, является наивысшим признаком его добродетели, а именно - его быстрый рост численности. Высокая рождаемость, низкая смертность, долгая жизнь ставят еврея так же далеко выше среднего, как негра - ниже среднего. Эти две расы представляют собой две крайности жизнеспособности американской расы. Говорит Рипли:[53].

"Предположим, что две группы по сто младенцев в каждой, одна еврейская, другая из среднего американского рода (Массачусетс), родились в один и тот же день. Несмотря на неравенство социальных условий в пользу последних, шансы, определенные статистическими методами, таковы, что половина американцев умрет в течение сорока семи лет; в то время как первая половина евреев не погибнет от болезни или несчастного случая до истечения семидесяти одного года. Уровень смертности в действительности составляет чуть более половины от среднего уровня смертности американского населения".

Если негр превосходит все расы по конституционным заболеваниям - чахотке и пневмонии, то еврей превосходит всех по иммунитету от этих болезней. Его жизнеспособность объясняется санитарным контролем за мясом, трезвостью, умеренностью и самоконтролем. О еврее можно сказать с большей достоверностью, чем о любом другом европейском народе, что рост населения привел к перенаселению и вызвал эмиграцию. Однако ни про один народ это не скажешь в меньшей степени, поскольку, если бы не дискриминация и преследования, направленные против них, евреи были бы самой процветающей и наименее перенаселенной расой Европы.

Финны. - До 1901 года Финляндия была самой свободной и лучше всего управляемой частью Российской империи. Отвоєванная у Швеции в 1809 году, она стала великим княжеством царя, гарантированным самоуправлением и подтвержденным коронационной присягой каждого преемника. Это была единственная часть Российской империи с конституционным правительством, в которой законы, налоги и армия контролировались законодательным органом, представляющим народ. Только здесь во всей империи царь был вынужден спрашивать согласия парламента на принятие законов. Но эти свободные институты, существовавшие в течение последних семи лет, были отменены его указом. Царь заявил о своем праве вводить в действие любые законы по своему усмотрению, без обсуждения и принятия их финским сеймом. Русский язык заменил шведский и финский в качестве официального языка, была введена жесткая цензура печати, лютеранская религия, которой благочестиво придерживались финны, была подчинена "православной", независимая финская армия была упразднена, финны были распределены по армиям империи, и над всеми был поставлен русский губернатор с абсолютными полномочиями. Таким образом, 2 000 000 самых стойких образцов человечества были внезапно низведены до уровня азиатской деспотии. Они сумели с помощью промышленности и бережливости добыть средства к существованию на бесплодной почве, создали школьную систему со всеобщим образованием, кульминацией которой стал один из самых благородных университетов Европы. Их крестьяне здоровы, умны, честны и трезвы. За один год, 1900, их эмиграция увеличилась с 6000 до 12 000, и продолжается до 14 000, несмотря на покаяние царя и восстановление их украденных прав. По сравнению с населением страны, нынешняя иммиграция из Финляндии пропорционально превышает иммиграцию любой расы, кроме евреев; а голод, добавляя свои ужасы к потере свобод, послужил увеличению армии изгнанников.

Славяне Евреи Поляки Литовцы
(Из журнала "Домашний миссионер")

Много споров возникло по поводу расовых отношений финнов. Их язык похож на язык мадьяр - агглютинативный язык с тенденцией к склонениям, но по физическому строению они ближе к тевтонам. Лютеранская религия также отличает их от других народов Российской империи. Их трезвое трудолюбие и высокий интеллект позволяют им занимать место выше, чем у их нетерпимых завоевателей; а тщетные попытки славян "русифицировать" их привели в Америку многих из наших самых желанных иммигрантов.

Французские канадцы. - Когда Канада была завоевана Англией в 1759 году, в ней проживало 65 000 французов. Без дальнейшей иммиграции их число увеличилось в 1901 году до 2 400 000, включая 1 600 000 в Канаде и 800 000 эмигрантов и их детей в Соединенных Штатах. Едва ли какая-либо другая раса размножалась так же быстро, удваиваясь каждые двадцать пять лет. Контраст с той же расой во Франции, где население фактически сокращается, наиболее показателен. Французская Канада - это, так сказать, кусочек средневековой Франции, выбранный и сохраненный для любопытного исследователя социальной эволюции. Никакая французская революция не разрушила старые институты, и английское завоевание не изменили ничего, кроме клятвы верности. Язык, обычаи, законы и права собственности остались нетронутыми. Единственной государственной церковью в Северной Америке является Римско-католическая церковь Квебека, обладающая огромным богатством, контролирующая образование и имеющая право взимать десятину и другие церковные сборы. Имея уровень жизни ниже, чем у ирландцев или итальянцев, а население росло еще быстрее, французы из Канады, казалось, на какое-то время были обречены вытеснить представителей других рас на текстильных фабриках Новой Англии. Однако они приезжали лишь как временные жители, намереваясь трудом каждого члена семьи накопить достаточно денег, чтобы вернуться в Канаду, купить ферму и жить в относительном достатке. Их миграция началась после окончания Гражданской войны, и в периоды процветания они устремлялись в города-мельницы, а в периоды депрессии возвращались в свои северные дома. Постепенно все большая часть оставалась в "Штатах", и в 1900 году их число составило 395 000 человек, родившихся в Канаде, и 436 000 детей, родившихся по эту сторону границы.

Португальцы. - Незначительная, но интересная миграция последних лет - это миграция португальцев, которые прибыли не из Португалии, а с островов Зеленого Мыса и Азорских островов, расположенных вблизи экваториальной Африки. Эти острова удивительно перенаселены, и эмиграция, почти 9000 душ в 1906 году, составляет очень большую долю от общего числа жителей. Двумя способами они нашли свой путь в Америку. Один из них был

почти случайным, поскольку именно крушение португальского судна на побережье Новой Англии впервые привлекло их внимание к этому региону. Они поселились в основном в Нью-Бедфорде, штат Массачусетс, где летом занимаются рыболовством, а зимой работают на мельницах. Другим способом было завлечение, в результате которого несколько тысяч из них попали на Гавайи в качестве контрактных рабочих на сахарных плантациях. В отличие от восточных импортеров на эти острова, португальцы настояли на том, чтобы их семьи были ввезены, а затем, как только срок их контрактов истек, они ушли от плантаторов, став мелкими фермерами, и теперь являются основой кофейной промышленности. Они и их дети составляют почти половину "кавказского" элемента, насчитывающего 30 000 человек. В Массачусетсе они представлены двумя разными типами: белыми с Азорских островов и черными с островов Зеленого Мыса, причем последние явно представляют собой смесь португальцев и африканцев. Уровень жизни у них такой же, как у итальянцев, хотя они отличаются чистоплотностью и аккуратностью своих домов.

Сирийцы и армяне. - То, что область привлечения американской иммиграции расширяется на восток, не более очевидно, чем недавняя миграция сирийцев и армян. Эти народы принадлежат к христианским расам Азиатской Турции, откуда они спасаются от притеснений правительства, которое скорее заслуживает названия организованного грабежа, чем правительства. За последние тридцать лет многие тысячи сирийцев из горного Ливана эмигрировали в Египет и другие страны Средиземноморья, в зависимые государства Великобритании и Южной Америки. Шесть тысяч из них приехали в Соединенные Штаты в 1906 году. В основном они принадлежат к греческой церкви или маронитской ветви Римско-католической церкви, и в основном американские миссионеры привлекли их в Соединенные Штаты. В отличие от других иммигрантов, они в основном приезжают из городов и являются торговцами и разносчиками. В целом, - говорит агент Общества благотворительных организаций Нью-Йорка, - "благонамеренные усилия миссионеров были злоупотреблены их протекцией..... Именно эти предполагаемые прозелиты в значительной степени способствовали тому, чтобы высветить внутренне подневольный характер сирийца, его неблагодарность и лживость, его проституирование всех идеалов в угоду уровню торгашества..... Как правило, они примыкают к какой-нибудь протестантской церкви или миссии, отказываясь от этих связей, когда они больше не считаются необходимыми или выгодными"[54].

Армянская миграция началась после чудовищных курдских злодеяний последних лет, спровоцированных и поддержанных турецким правительством. Армяне - примитивная ветвь христианской религии, в ранние времена отделившаяся от греческой и римской церквей. Они являются одними из самых проникательных купцов, торговцев и ростовщиков Востока, и, как и евреи, ненавидимы крестьянством и преследуемы правительством. Как и евреев, религиозные преследования объединили их в количестве пяти миллионов человек в расовый тип, отличающийся удивительной чистотой и непохожестью на окружающие расы.

Азиатская иммиграция. - Совершенно иначе, чем все остальные иммигранты в XIX веке, выглядят китайцы. Выходец из цивилизации, которая была древней, когда Европа была варварской, китаец самодовольно отказывается ассимилироваться с американцами, а последние в ответ отказывают ему в праве на гражданство. Его проживание временное, он приезжает без семьи и накапливает то, что для него является состоянием, к своим угасающим годам в Китае. Сначала его привлекли золотые открытия в Калифорнии, и самая большая миграция составила 40 000 человек в 1882 году, когда Конгресс запретил дальнейшее прибытие. В 1906 году 3015 китайцев пытались въехать в страну, и 2732 были приняты, в основном как граждане Соединенных Штатов, возвращающиеся торговцы и возвращающиеся рабочие. Половина из 1448 человек, принятых как "освобожденные", по

мнению иммиграционных властей, были замаскированными кули.[55] За последние десять лет его место заняли японцы, а в 1906 году прибыло 14 000 его монгольских сородичей.

Иммиграция японцев приняла особый оборот в связи с аннексией Гавайев. В 1868 году, когда эти острова еще были королевством, началась иммиграция, а в 1886 году был заключен договор с Японией об иммиграции японцев в качестве контрактных рабочих в интересах сахарных плантаторов. По этому договору было импортировано много тысяч человек, и "страх, что острова будут присоединены к Японии, был одним из главных факторов в требовании аннексии Соединенных Штатов"[56] После аннексии в 1900 году контрактный труд был отменен, и японцы, освобожденные от рабства, разразились "эпидемией забастовок". Японское правительство сохранило отеческий надзор за своими рабочими, мигрирующими в чужие страны, который осуществляется через тридцать четыре эмигрантские компании, зафрахтованные правительством. После открытия Кореи для заселения Япония выдала лишь ограниченное число паспортов своим гражданам, направляющимся на материковую часть Америки, так что почти вся иммиграция прибывает сначала в Гонолулу по договоренности между эмигрантскими компаниями и плантаторами. Но плантаторы не в состоянии удержать их на острове из-за более высоких зарплат на тихоокеанском побережье. Поскольку закон о трудовых договорах с иностранцами не распространяется на иммигрантов с Гавайских островов, возникла система "*падрони*" для ввоза японцев с этого острова. В результате прибытие в Гонолулу уравнивается с отъездом на материк, и Гавайи становятся американским въездом для японцев.[57] Это уклонение было остановлено законом от 20 февраля 1906 года.

Гавайи также открывают другим азиатским расам путь в Америку. Растущая независимость японцев заставила плантаторов искать корейцев, поскольку с аннексией вступил в силу закон об исключении китайцев. В этой попытке разрушить японскую солидарность около восьми тысяч корейцев смешались с ними за последние пять лет, и они также начали транзит в Калифорнию.

Хотя китайцы, японцы и корейцы являются привычными примерами низкого уровня жизни, их зарплата в родных странах выше, чем у южных итальянцев, и равна зарплате славян. Они зарабатывают 4-5 долларов в месяц и тратят 2-3 доллара на жизнь. На Гавайях они получают 18-20 долларов в месяц, а на тихоокеанском побережье - 35-50 долларов.

В последние два-три года крошечная капля иммиграции пробилась из другой огромной империи азиатского населения - Индии. Ежегодно в страну прибывает около двухсот человек. Население этой страны растет недовольство, видя, как индийцы возвращаются из Наталя, где они зарабатывают от 20 до 35 долларов в месяц, в то время как на родине они получают лишь от 3 до 7 долларов в рамках системы уголовных контрактов. Американский консул в Калькутте сообщает о десяти крепких пенджабских магометанах, которые спрашивают дорогу в Америку и рассказывают о своих друзьях, работающих на американских молочных фермах. По его мнению, они сильнее и умнее китайских кули и предпочтительнее для работы на Панамском канале. В самоуправляющихся британских колониях действуют ограничения на образование, призванные предотвратить азиатскую иммиграцию, будь то британские подданные или иностранцы;[58] в других колониях используется контрактный труд. Поэтому волнения в Индии обращают взоры местных жителей в сторону Америки.

В то время как Америка приветствовала восточные и отсталые расы, она начала терять свою колониальную часть и американизированную тевтонскую часть. Эти пионерские элементы шли впереди движения на запад, и теперь, когда американская граница исчезла, они ищут

новую границу в Канаде. Канадское правительство в течение нескольких лет стремилось заполнить свои обширные западные равнины тевтонскими расами и не допустить появления других. Оно израсходовало много тысяч долларов на рекламу и привлечение мигрантов на Британских островах, а также содержало от двадцати до тридцати иммиграционных агентов в наших западных штатах. Возможности Британской Колумбии теперь хорошо известны, и американские фермеры, чьи сельскохозяйственные угодья сильно подорожали, продают их новоприбывшему или акклиматизированному иммигранту и берут на себя обязательства удвоить или утроить площадь, обрабатываемую под флагом Англии. Они продвигаются вперед по железной дороге и на повозках, и въезд миллионов иммигрантов отражается на выезде тысяч американцев[59].

Коренные расы. - Мало того, что мы открыли наши ворота для миллионов различных рас в Европе, Азии и Африке; в последние дни мы приняли в наше лоно новые типы посредством другого процесса - аннексии.

Гавайцы - самая последняя из этих заморских рас, которую мы привели под наш флаг, хотя за восемьдесят лет они стали нашим народом. Нигде в мире не наблюдалось такого законченного воздействия на аборигенную расу парадоксов западной цивилизации - христианства, частной собственности и сексуальных заболеваний. При численности населения около 300 000 человек на момент открытия острова они сократились в результате внутренних войн и завезенных болезней до 140 000, когда в 1820 году сюда прибыли миссионеры, затем до 70 000 в 1850 году, когда частная собственность начала свою охоту за дешевой рабочей силой, а сейчас их насчитывается всего 30 000. Болезнь, уничтожающая непригодных представителей расы, защищенной моногамией, уничтожает этот примитивный народ, находящийся на низшей ступени нравственности. Миссионеры из наиболее интеллектуальной разновидности американского протестантизма за пятьдесят лет обратили этот уменьшающийся народ в христианство. Почва и климат, наиболее благоприятные в мире для выращивания сахарного тростника, вдохновили американских плантаторов и сыновей миссионеров вытеснить неустойчивых гавайцев трудолюбивыми хладнокровными работниками и, наконец, свергнуть подорванное ими правительство, а затем присоединить его к Америке. Хотя гавайцы получают американское гражданство и наравне с кавказцами пользуются избирательным правом, их влияние еще больше уменьшается из-за территориальной формы правления.

Испанская война добавила острова на противоположных сторонах земного шара, расы на которых возникли в результате диаметрально противоположных последствий трех веков испанского владычества. В Порто-Рико аборигены-карибы давно исчезли под рабством своих завоевателей, а их место заняли негры-рабы в выращивании сахара и испанцы и другие европейцы в выращивании кофе. Сегодня негры и мулаты составляют две пятых миллионного населения, а белые - три пятых.[60] На Филиппинских островах коренные расы выжили под теократическим протекторатом и даже сохранили свои племенные и расовые подразделения. Две пятых их населения (7 600 000 человек) принадлежат к ведущему племени - висайцам, а одна пятая - к другому, тагалагам. Шесть других племен завершают список "цивилизованных" или христианизированных народов, в то время как 10 процентов остаются язычниками в горах и лесах. Четыре пятых населения неграмотны - такая же доля, как в Порто-Рико, по сравнению с менее чем половиной негров и только одной шестнадцатой белых в Соединенных Штатах[61].

ГЛАВА V

ИНДУСТРИЯ

В предыдущих главах мы познакомились с условиями жизни на чужбине, которые подтолкнули эмигрантов к поиску Америки. Мы видели, как религиозные преследования, расовый гнет, политические революции, милитаризм, налоги, голод и нищета, сговорившись, давили на непривилегированные массы и толкали более отважных людей к пересечению воды. Но было бы ошибкой останавливаться на этом и рассматривать миграцию этих недовольных элементов лишь как добровольное движение к улучшению своего положения. На самом деле, если бы все зависело только от инициативы эмигрантов, поток иммиграции в Америку вряд ли когда-либо достиг бы и половины своего фактического размера. Хотя различные мотивы и побуждения всегда работали вместе, и было бы опрометчиво догматически утверждать относительный вес каждого из них, но для того, кто внимательно изучил все обстоятельства, едва ли будет преувеличением сказать, что даже более важными, чем инициатива иммигрантов, были усилия американцев и судовладельцев по их привлечению. На протяжении всей нашей истории эти усилия вдохновлялись одним грандиозным, действенным мотивом - извлечением прибыли из иммигрантов. Желание получить дешевую рабочую силу, взимать плату за проезд и продавать землю, вероятно, привели больше иммигрантов, чем тяжелые условия Европы, Азии и Африки. Вынужденная иммиграция была столь же мощной, как и добровольная. Именно этому корыстному мотиву мы обязаны многообразием рас, и особенно притоком отсталых рас. Одна целая раса, негры, приехала исключительно ради прибыли судовладельцев и землевладельцев. Рабочие колониального периода были обмануты и похищены грузоотправителями и спекулянтами, которые возместили себе убытки, отдав их в аренду плантаторам и фермерам. Начинаящие представители других рас были вынуждены прибегать к подобным, но менее принудительным методам, однако, по требованию тех, кто владел американской собственностью для спекуляций или инвестиций. Уильям Пенн и его арендаторы, Джон Лоу, голландская Ост-Индская компания и многие из тех, кто получал земли в колониях, рассылали своих агентов по Западной Европе и Британским островам с зазывными объявлениями, предлагали выгодный транспорт и контракты на наемную работу в качестве возмещения расходов. В XIX веке появились новые формы вынужденной миграции. Жертвам ирландского голода помогали эмигрировать местные и общие органы власти, а также филантропические общества. И ирландцы, и немцы, чья миграция началась в середине века, в определенной степени были исключением из общего правила вынужденной иммиграции ради прибыли. Несколько западных штатов создали иммиграционные бюро, которые рекламировали свои преимущества для желающих иммигрировать, и Висконсин, в частности, таким образом заселил свои земли представителями самых разных рас. После Гражданской войны индуцированная миграция начала активно возрождаться. Система индентирования давно исчезла, поскольку законодательные органы и суды отказывались признавать и приводить в исполнение контракты на оказание услуг. В результате появилась новая форма импорта под руководством посредников того же происхождения, что и иммигрант. Китайские кули заключали контракты с "Шестью компаниями", которые авансировали их расходы и использовали своих тайных агентов и трибуналы для обеспечения возврата денег с прибылью.^[62] Японские кули, намного позже, заключали

контракты с иммиграционными компаниями, зафрахтованными японским правительством.[63] Итальянцев нанимали *падрони*, а основная часть новой славянской иммиграции из Юго-Восточной Европы работает под руководством своих соотечественников, выступающих в качестве барабанщиков и посредников.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ИММИГРАНТОВ-1906[64]

Раса или народ	Всего , 100 Процент	Полы		Возраст			Итого , 100 Процент	Профессии[65]			
		Мужчины	Женщины	До 14 лет	14-45 лет	Более 45 лет		Профессиональные	Коммерческие	Квалифицированные	Неквалифицированные
Африканцы (чернокожие)	3,786	62.2	37.8	9.1	86.8	4.1	2,921	3.0	2.6	45.6	48.8
Армянский	1,895	75.1	24.9	11.8	84.3	3.9	1,390	3.4	5.1	38.5	53.0
Богемия и Моравия	12,958	57.3	42.8	20.7	73.9	5.4	7,985	1.3	1.2	43.6	53.9
Болгарский, сербский и Черногория	11,548	96.2	3.8	1.9	96.2	1.9	11,025	0.1	0.3	3.7	95.9
Китайский	1,485	94.1	5.9	4.5	81.5	14.0	1,261	6.9	66.0	1.5	25.6
Хорватия и Словения	44,272	86.5	13.5	3.8	94.1	2.1	40,125	0.1	0.1	3.7	96.1
Куба	5,591	67.4	32.6	17.2	73.2	9.6	2,842	10.3	19.1	55.9	14.7
Далматинцы, боснийская	4,568	95.1	4.9	1.7	96.3	2.0	4,373	0.1	0.3	7.7	91.9

я и Герце говин а											
голла ндцы и Флам андц ы	9,735	67.0	33.0	17.6	76.4	6.0	5,849	5.2	7.9	30.1	56.8
Восто чная Инди я	271	93.0	7.0	5.5	90.5	4.0	222	9.9	52.7	5.4	32.0
Англи йски й	45,079	62.1	37.9	13.5	75.3	11.2	28,249	10.8	13.5	51.3	24.4
Финс кий	14,136	67.4	32.6	7.1	90.8	2.1	11,959	0.4	0.3	7.2	92.1
Фран цузск ий	10,379	57.1	42.9	8.6	81.7	9.7	6,823	16.5	12.9	31.3	39.3
Неме цкий	86,813	59.2	40.8	15.1	78.6	6.3	55,095	4.3	6.7	29.7	59.3
Греци я	23,127	96.3	3.7	3.1	95.9	1.0	21,615	0.5	2.6	9.4	87.5
Иври т	153,748	52.1	47.9	28.3	66.3	5.4	76,605	1.4	5.6	66.7	26.3
Ирла ндск ий	40,959	50.9	49.1	4.6	90.9	4.5	35,387	1.7	2.9	15.1	80.3
Итальянец (север)	46,286	78.9	21.1	8.6	87.9	3.5	36,980	1.4	2.3	19.4	76.9
Итальянец (юг)	240,528	79.4	20.6	11.1	84.3	4.6	190,105	0.4	1.3	16.0	82.3
Япония	14,243	89.6	10.4	1.0	97.1	1.9	11,797	2.2	10.3	2.8	84.7
Корейский	127	81.1	18.9	16.5	81.1	2.4	80	6.3	15.0	2.5	76.2
Литва	14,257	66.1	33.9	8.9	89.5	1.6	11,568	0.2	0.2	9.2	90.4

Мадьяр	44,261	71.8	28.2	9.0	87.5	3.5	34,559	0.6	0.5	9.3	89.6
Мексика	141	66.0	34.0	14.9	74.5	10.6	65	23.1	35.4	24.6	16.9
Тихоокеанские островияне	13	76.9	23.1	7.7	76.9	15.4	9	33.3	0.0	66.7	0.0
Польша	95,835	69.3	30.7	9.3	88.5	2.2	77,437	0.2	0.2	7.7	91.9
Португальский	8,729	58.4	41.6	20.9	70.7	8.4	5,815	0.5	1.1	4.8	93.6
Румыния	11,425	92.5	7.5	2.0	94.0	4.0	10,759	0.2	0.2	2.5	97.1
Россия	5,814	81.7	18.3	10.0	86.8	3.2	4,591	3.2	2.4	10.8	83.6
Рутения	16,257	75.7	24.3	3.6	93.9	2.5	14,899	0.1	[66]	2.7	97.2
Скандинавские	58,141	62.1	37.9	9.1	86.4	4.5	47,352	1.8	1.6	23.5	73.1
Скотч	16,463	66.1	33.9	12.9	78.8	8.3	11,207	5.7	9.9	62.8	21.6
Словакия	38,221	69.6	30.4	8.9	88.4	2.7	29,817	[66]	0.1	4.9	95.0
Испанский	5,332	83.6	16.4	7.1	84.6	8.3	4,211	5.7	19.2	44.4	30.7
Испано-американцы	1,585	69.7	30.3	17.0	74.4	8.6	790	23.7	37.1	21.1	18.1
Сирия	5,824	70.4	29.6	15.2	80.9	3.9	4,023	1.1	11.1	19.9	67.9
Турецкая	2,033	95.7	4.3	1.9	96.0	2.1	1,914	1.5	4.4	8.3	85.8
Уэльс	2,367	7.1	29.9	12.5	78.2	9.3	1,639	4.9	6.7	62.4	26.0
Вест-Индия (кром	1,476	58.9	41.1	14.8	76.1	9.1	900	7.6	15.0	49.4	28.0

е кубин цев)												
Други е наро ды	1,027	94.5	5.5	2.6	96.0	1.4	932	1.2	4.1	18.0	76.7	
	1,100,	69.5	30.5	12.4	83.0	4.6	815,2	1.8	3.1	21.7	73.4	
Всего	735						75					

Эти спекулянты рабочей силой усовершенствовали систему побуждений и сквозных расчетов, столь же эффективную, как и та, с помощью которой покупатели лошадей и скота в Кентукки или Айове собирают и переправляют свой живой груз на рынки Европы. Например, хорват из ранней иммиграции открывает салун в Южном Чикаго и становится бюро по трудоустройству для своих "более зеленых" соотечественников, а также комиссионным агентом по продаже билетов для пароходных компаний. Его единомышленники размещаются по всему маршруту в пересадочных пунктах, от деревень Хорватии до салуна в Чикаго. В Хорватии они ходят среди рабочих и рассказывают им о высоких зарплатах и изобилии работы в Америке. Они уговаривают их продать свои вещи и снабжают их проездными билетами. Они собирают их в компании, дают им контрамарки и отправляют к своему агенту в Фиуме, а оттуда в Геную или другой порт, откуда отплывает американское пароходство. В Нью-Йорке их встречают другие конфедераты, которых они идентифицируют по контрсигналу, и снова благополучно переводят и отправляют к месту назначения. Здесь их встречает предприимчивый соотечественник, селит и кормит, а через день-два передает в руки бригадира на большом сталелитейном заводе, или "босса" строительной бригады на железной дороге, или подрядчика на крупном общественном строительстве. Заработав и скопив немного денег, они посылают за своими друзьями, которым "босс" пообещал работу. И снова их соотечественник, живущий в доме, продает им билет на пароход и организует безопасную доставку тех, за кем они послали. Таким образом стимулируется иммиграция, и новые расы начинают свою американскую колонизацию. В конце концов пионеры посылают за своими семьями, и, по оценкам, почти две трети иммигрантов за последние годы приехали по предоплаченным билетам или на деньги, присланные им из Америки[67].

Значение этой новой и весьма совершенной формы привлечения иммигрантов станет ясно, если мы немного оглянемся на законодательство, регулирующее иммиграцию.

Законодательство об иммиграции. - После окончания Гражданской войны, когда железные дороги открыли огромную территорию на Западе, Конгресс принял закон, широко распахнувший наши двери для иммигрантов из всех стран. Он предоставил новые гарантии защиты натурализованных граждан при отказе от верности своим родным странам, объявив, что "экспатриация - это естественное и неотъемлемое право всех людей, необходимое для пользования правами на жизнь, свободу и стремление к счастью"[68].

В том же 1868 году с Китаем был заключен знаменитый Бурлингемский договор, по которому американцы в Китае и китайцы в Америке должны были пользоваться всеми привилегиями, иммунитетами и освобождениями, которыми пользуются граждане страны наибольшего благоприятствования. Эти благоприятные для иммиграции шаги соответствовали политике, которую страна проводила с давних колониальных времен.

Но в американскую политику пришла новая сила - наемный работник. С этого момента старая политика была подвергнута жестокому сомнению. Высокие зарплаты должны были

противостоять высоким прибылям. Дешевая рабочая сила, которую с нетерпением искали корпорации и крупные владельцы недвижимости, с таким же нетерпением боролась с непрофессиональными наемными работниками. Разумеется, ни одна из сторон не признавала, что преследует свои собственные интересы. Те, кто рассчитывал на прибыль, утверждали, что дешевый иностранный труд необходим для развития страны; что американские природные ресурсы безграничны, но американских рабочих не найти для грубой работы, необходимой для превращения этих ресурсов в богатство; что Америка должна быть в будущем, как и в прошлом, убежищем для угнетенных всех стран; и что нет лучшего способа распространить принципы американской демократии среди всех народов земли, чем принимать их и учить в нашей среде.

Наемные работники не были столь удачливы в своих заявлениях о бескорыстии. Они были вынуждены признать, что, хотя они сами были иммигрантами или детьми иммигрантов, теперь они отказывают другим в том, что было благословением для них. И все же они смогли выдвинуть один важнейший аргумент, который с каждым днем все больше и больше подтверждает обоснованность наших расовых проблем. Будущее американской демократии - это будущее американского наемного работника. Чтобы иметь просвещенное и патриотическое гражданство, мы должны защищать заработную плату и уровень жизни тех, кто составляет основную массу граждан. Этот аргумент предлагали сами работодатели, когда добивались введения защитного тарифа против импорта товаров "нищего производства". Что же удивительного в том, что наемный работник должен использовать тот же аргумент, чтобы не допустить нищих, и особенно в том, что он должен начать с применения этого аргумента к тем расам, которые показали себя неспособными быстро ассимилироваться и тем самым выступить за высокую зарплату и высокий уровень жизни. Безусловно, если бы белые наемные работники обладали избирательным правом и политическим влиянием в колониальные времена, негры не были бы приняты в большом количестве, и мы были бы избавлены от этой расовой проблемы, которая является самой большой и практически неразрешимой из всех.

Ведь в целом следует отметить, что расовый антагонизм возникает на одном и том же уровне конкуренции. То, что часто кажется религиозной, политической и социальной враждой, в основе своей является экономической, а суть экономической борьбы заключается в преимуществах, которые получают третьи стороны, когда конкуренты сдерживают друг друга. Южный плантатор не был враждебен к негру-рабу - он был его другом и защитником. Его кормилицей была негритянская "мамочка", его товарищами по играм были ее дети, а мулаты проливали свет на его взгляды на равенство. Именно бедный белый ненавидел негра и бежал от его присутствия на холмы и границу, или опускался ниже его уровня, презираемый белыми и черными. Во времена свободы и реконструкции в проявлении расовой враждебности лидирует не крупный землевладелец или работодатель, а мелкий фермер или наемный работник[69]. Один получает прибыль от присутствия негра - другой теряет работу или ферму. С развитием белой демократии на смену старой аристократии, как это наблюдается в Южной Каролине, можно ожидать усиления враждебности к неграм. С устранением белого рабочего, как это наблюдается в черных графствах, отношения негра и плантатора становятся гармоничными[70].

Так же обстоит дело и на Севере. Негр или бастующий иммигрант пользуется дружеской поддержкой работодателя, но ненавистен работнику. Китайца или японца на Гавайях или в Калифорнии хвалят и ищут работодатель и домохозяин, но боятся наемный работник и домашняя прислуга. Инвесторы и землевладельцы видят, как их собственность растет в цене благодаря конкуренции рас, но конкуренты видят, как их зарплата и работа уменьшаются.

Рост богатства усиливает разницу и поднимает профессиональные классы до уровня капиталистов. И там, и там привилегия досуга зависит от наличия слуг, но наемные работники сами выполняют свою работу. По мере того как иммигрант поднимается по карьерной лестнице, мелкий фермер, подрядчик или торговец чувствует его конкуренцию и начинает присоединяться к мерам по защите расы.

Эта враждебность не носит в первую очередь расовый характер. Это конкурентная борьба за уровень жизни. Она кажется расовой, потому что в большинстве случаев расы имеют разные стандарты. Но там, где разные расы сходятся в своих стандартах, расовая борьба прекращается, и негр, итальянец, славянин и американец объединяются в классовой борьбе профсоюза. С другой стороны, если у одной и той же расы разные стандарты, экономическая борьба разрушает даже самые сильные расовые связи. Русский еврей, работающий в потогонной мастерской, обращается против еврея-иммигранта, спасающегося от преследований, которых он сам избежал, и занимает место капиталистического немецкого еврея.^[71] Для адвоката, министра, профессора, работодателя или инвестора, стоящего над аренной конкуренции, легко и патриотично провозгласить равное право всех рас на американские возможности; заявить о своей готовности уступить место, если на его место придет лучший китаец, индус или турок; и обличить расовую ненависть тех, кто сопротивляется этому перемещению. Его патриотизм и всемирное братство ничего не стоят ему и его семье, более того, они увеличивают его прибыль и досуг. Если бы он осознал свое промышленное положение и представил в воображении положение своих сограждан, их отношение показалось бы ему не менее бескорыстным, чем его собственное. Иммигрант приезжает как наемный работник, а американский наемный работник несет первоначальные расходы по его американизации. До получения избирательного права его протест был не услышан, а после обретения политической власти он начал защищать себя.

Первая вспышка вновь обретенной силы американского наемного работника была направлена против расы, превосходящей даже негров-иммигрантов в промышленности, бережливости, интеллекте и цивилизованности - китайцев. И эта вспышка была настолько мощной, что, несмотря на все призывы к традициям и свободам Америки, национальное правительство было вынуждено отказаться от договора, так недавно подписанного с высочайшими проявлениями веры, доброй воли и международной вежливости.

Уже в самом начале заселения Калифорнии китаец столкнулся с враждебным законодательством. Уже в 1854 году на выборах в штате победили ноуттинги. Были приняты дискриминационные налоги, постановления и законы, и даже иммиграция регулировалась законодательным органом штата. Но суды штата и федеральные суды признали такие законы недействительными как нарушающие договоры или вмешивающиеся в международные отношения. Тогда трудовой элемент Калифорнии объединился в единое целое, требуя действий со стороны федерального правительства, и в итоге договором 1880 г. и законом 1888 г. китайские рабочие были исключены.^[72] Так кавказский трудовой элемент одержал свою первую и значительную победу, отменив то, что его противники провозглашали "принципами, неизменными в основе нашего правительства".

Следующим шагом стал закон о чужом контрактном труде 1885 и 1888 годов, внесенный в законодательные акты благодаря усилиям Рыцарей труда и профсоюзов. Еще в 1875 году Конгресс запретил иммиграцию нищих, преступников и аморальных личностей, но закон 1885 года впал в другую крайность и был призван исключить промышленные классы. Закон направлен против предоплаты перевозки, помощи или поощрения иностранцев к иммиграции *по контракту* для выполнения работ в Соединенных Штатах и предусматривает преследование импортера и депортацию контрактного иммигранта. Этот закон применялся

против квалифицированной рабочей силы, прибывающей в основном из северо-западной Европы, но из-за новой системы *падрони* и посредников, описанной выше, он не может быть применен против неквалифицированных рабочих из Южной и Восточной Европы, поскольку невозможно доказать, что они прибыли по контракту для выполнения работ. В соответствии с поправками и пересмотренным законом, принятым в 1903 году, после длительного обсуждения и усилий профсоюзов по укреплению закона, он был расширен таким образом, чтобы исключить не только тех, кто приходит по контракту, но и тех, кто приходит по *предложениям и обещаниям работы* [73].

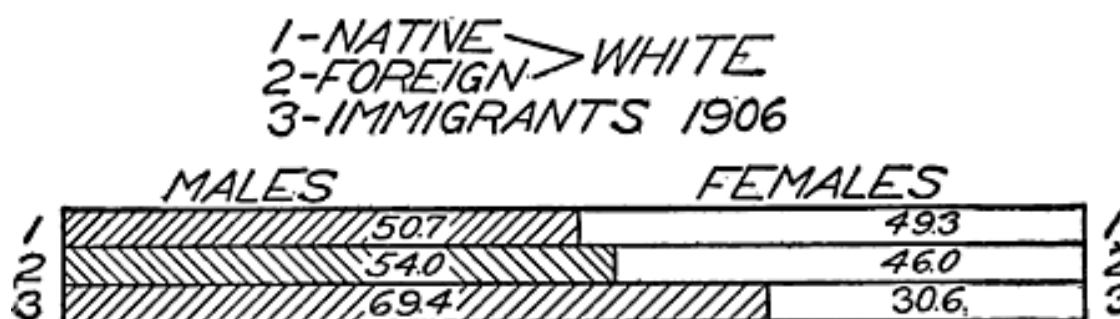
Из всего вышесказанного мы видим, что существуют две прямо противоположные точки зрения, с которых рассматривается тема иммиграции. Одна из них - производство богатства; другая - распределение богатства. Тот, кто стоит на точке зрения производства, видит огромные неосвоенные ресурсы этой страны - шахты, которые нужно разрабатывать, железные и шоссейные дороги, которые нужно строить и восстанавливать, фермы, которые нужно открывать или более интенсивно обрабатывать, производство, которое нужно умножать, и рынки мира, которые нужно завоевывать нашим экспортом, в то время как не хватает рабочих, или не хватает желающих выполнять тяжелую и неприятную работу внизу.

Тот, кто стоит на точке зрения распределения, видит огромные состояния, низкие зарплаты, малую долю продукта, идущую на оплату труда, потогонные мастерские, трущобы - все это из-за чрезмерной конкуренции наемного работника с наемным работником.

Рассмотрим сначала влияние иммиграции на производство богатства.

Иммиграция и производство богатства. - Более четырех пятых иммигрантов находятся в расцвете сил - в возрасте между четырнадцатью и сорока пятью годами. В 1906 году только 12 из каждых 100 человек были моложе четырнадцати лет, и только 4,5 из каждых 100 старше сорока пяти лет. Перепись 1900 года предлагает несколько интересных сравнений между коренными и иностранными уроженцами в этом вопросе возрастного распределения. Она ясно показывает, что значительная часть коренного населения не достигла возраста промышленного производства: 39 процентов, или 600 две пятых, не достигли пятнадцати лет, в то время как только 5 процентов иностранцев имеют соответствующий возраст. С другой стороны, в возрасте от пятнадцати до сорока четырех лет проживает 46 процентов местных жителей и 58 процентов иностранцев. Это видно на диаграмме, построенной по пятилетним возрастным периодам. Видно, что коренные жители группируются в симметричную пирамиду, широким основанием которой являются дети до пяти лет, постепенно сужающуюся к восьмидесяти и восьмидесяти четырем годам, в то время как у иностранцев наблюдается двойная пирамида, сужающаяся в обоих направлениях от тридцати пяти до тридцати девяти лет, которые включают самую большую пятилетнюю группу. Таким образом, иммиграция приводит к нам население трудоспособного возраста, не обремененное непроизводительными ртами, которые нужно кормить, и, если рассматривать только то, что производит богатство этой страны, а не то, что его потребляет, иммигранты добавляют стране больше, чем такое же количество местных жителей равных способностей. Их родные страны несут расходы по их воспитанию до индустриального периода их жизни, а Америка, лишенная этих тяжелых расходов, пожинает любую прибыль от инвестиций.

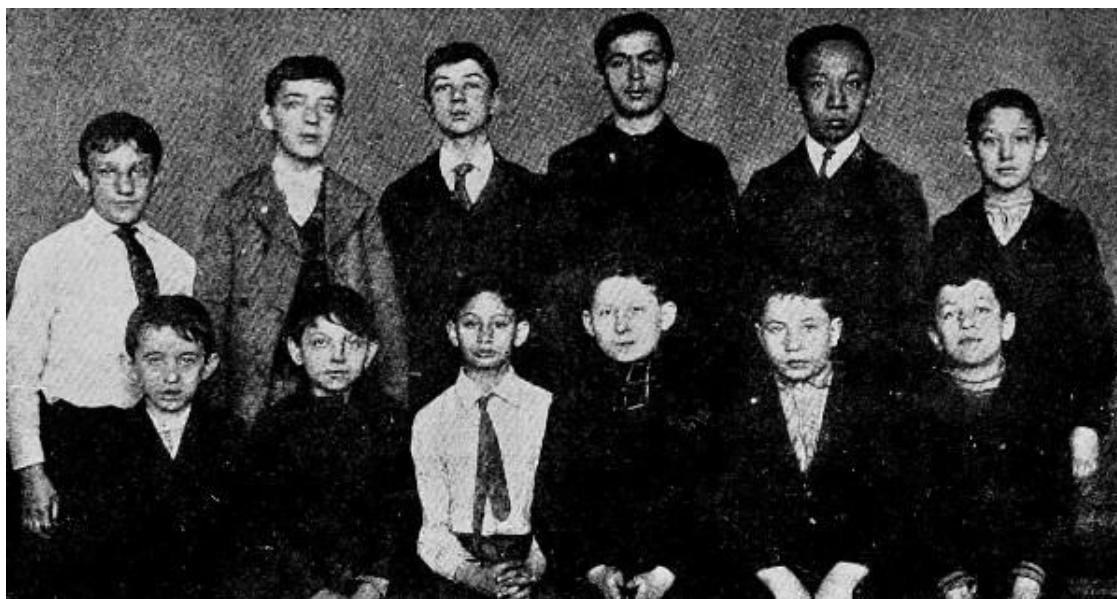

Пропорция полов. Коренные и иностранные белые, 1900 год, и иммигранты, 1906 год

В другом отношении иммиграция увеличивает численность нашего промышленного населения больше, чем это было бы сделано при равном увеличении коренного населения, а именно за счет значительного превышения численности мужчин над женщинами. В 1906 году более двух третей иммигрантов были мужчинами и менее одной трети - женщинами. Это видно из прилагаемой диаграммы, а также из статистики переписи, согласно которой среди иностранцев мужчины преобладают над женщинами в соотношении 540 к 460, в то время как среди коренного населения полы примерно равны - 507 мужчин к 493 женщинам.

Столь малая доля женщин и детей, конечно же, свидетельствует о том, что в Америку стремятся именно рабочие, а не семьи. Тем не менее, пропорции сильно различаются для разных национальностей. Среди евреев 48 процентов составляют женщины и 28 процентов -

дети. Эта гонимая раса движется целыми толпами, рассчитывая сделать Америку своим домом. С другой стороны, греки присылают только 4 процента женщин и 3 процента детей, хорваты - 13 процентов женщин и 4 процента детей, южноитальянцы - 21 процент женщин и 11 процентов детей. Это расы, иммиграция которых началась совсем недавно, и, естественно, женщины и дети, за исключением евреев, не сопровождают рабочих. В расах с более длительной миграцией, таких как немцы, 41 процент женщин и 15 процентов детей. Ирландцы занимают особое положение. Из всех рас только у них женщин больше, чем мужчин, а детей всего 5 процентов. Ирландские девушки, ищущие домашнюю прислугу, объясняют такое преобладание женщин. Значимые и интересные факты, касающиеся других рас, можно увидеть, изучив таблицу "Промышленные отношения иммигрантов".

Швеция Греция Германия Россия Китай Шотландия
Австрия Австралия Канада Англия Италия Румания
Американские школьники
(По материалам *World's Work*)

Таковы пропорции промышленной энергии, обеспечиваемой иммиграцией, но каково ее качество? Значительно большая часть иммигрантов относится к категории неквалифицированных, включая рабочих и слуг. Если не учитывать тех, кто "не имеет профессии", включая в основном женщин и детей, которые составляют 30,5 процента от общего числа, то только 21,7 процента остальных работающих иммигрантов являются квалифицированными, а 73,4 процента - неквалифицированными. Пропорции между различными расами сильно различаются. Наибольшая доля квалифицированного труда приходится на евреев - городской народ, две трети которого составляют квалифицированные рабочие. Почти такая же доля шотландцев и валлийцев и более половины англичан и богемцев - квалифицированные механики. Почти треть немцев и голландцев - квалифицированные рабочие, четвертая часть скандинавов. С другой стороны, только 3-5 процентов русинов, хорватов, румын и словаков являются квалифицированными механиками, а 8-10 процентов мадьяр, литовцев и поляков. Пятая часть северных итальянцев и шестая часть южных итальянцев - квалифицированные специалисты. Эти и другие пропорции представлены в статистической таблице.

Квалифицированная рабочая сила, которая приезжает в Америку, особенно из Северной и Западной Европы, занимает особое положение в нашей промышленности. Прежде всего, наиболее способные работники имеют постоянное место на родине, и, как правило, только те, кто не может получить положение, ищут свою судьбу за границей. Исключением из этого правила являются зарождающиеся отрасли, такие как производство жести, когда значительная часть промышленности переехала из Америки, а высококвалифицированные оловянщики из Уэльса принесли с собой такие промышленные способности, которых до сих пор не было в этой стране. Что касается основной массы квалифицированных иммигрантов, то они не являются представителями высшего мастерства тех стран, откуда они прибыли.

С другой стороны, европейский квалифицированный рабочий обычно лучше подготовлен, чем американский, а во многих отраслях промышленности, особенно в машиностроении и судостроении, английские и шотландские иммигранты занимают те высокие позиции, где требуется всесторонняя подготовка.

Такая своеобразная ситуация обусловлена узкоспециализированным характером американской промышленности. Ни в одной стране разделение труда и машин не зашло так далеко, как здесь. Благодаря разделению труда квалифицированные профессии были разделены на простые операции, каждая из которых сама по себе не требует почти никакого мастерства, и мальчик, начинающий работать в качестве новичка, остается на одной операции, чтобы не учиться ремеслу. В старые времена портной-подмастерье был квалифицированным механиком, который снимал мерки со своего клиента, кроил ткань и обрезки, подшивал, шил и отжимал костюм. Теперь у нас есть фабрики, где шьют только пальто, другие - только жилеты, третьи - брюки, есть фабрики детских брюк и даже дамских, где бывшая швея видит, как ее драгоценное умение рассеивается среди десятков неквалифицированных рабочих. Таким образом, портной-подмастерье вытесняется фабрикой, где пальто проходит через руки от тридцати до пятидесяти разных мужчин и женщин, каждый из которых может научиться своей особой операции за месяц или два. То же самое в большей или меньшей степени происходит во всех отраслях промышленности. Даже в строительном деле в крупных городах существует столько же разновидностей каменщиков, сколько видов возводимых стен, и столько же разновидностей плотников, сколько разновидностей деревянных изделий.

Так же и с машинами. Американский работодатель не дает объявления о поиске "машиниста" - ему нужен "токарь" или "сверловщик", и большинство его "рук" - это, возможно, только автоматические машинисты. Работодатель не может позволить себе переводить этих рабочих с одной работы на другую, чтобы они могли "освоить профессию". Он должен держать их на одной работе, ведь ему нужны не столько навыки, сколько дешевая рабочая сила и скорость. Следовательно, американская промышленность не выпускает универсальных механиков, и работодатели обращаются за квалифицированными ремесленниками в Европу. В Англии профсоюзы специально следят за тем, чтобы каждый ученик изучал каждую часть своей профессии, и не позволяют работодателям разделять профессии и специализировать машины, превращая тем самым механика в "руку". Если бы не иммиграция, американская промышленность уже сейчас была бы вынуждена уделять больше внимания ученичеству и подготовке компетентных механиков. Потребность в ученичестве и профшколах ощущается с каждым годом все серьезнее, ведь, несмотря на прогресс в разделении труда и развитии машин, механик-всесторонне развитый человек продолжает играть важную роль в цехе и на заводе. Американские профсоюзы набирают силу, и одним из самых настойчивых их требований является защита ученичества. Профсоюзы каменщиков и плотников Чикаго даже добиваются от своих работодателей

обучения учеников в школе. Однако в этом направлении пока мало что удалось сделать, и американская промышленность стала ненормальной, можно сказать, самоубийственной, или, во всяком случае, несамостоятельной. Путем крайнего разделения труда и чудесного применения машин она делает возможным массовое использование на фабриках сельскохозяйственных рабочих Европы и их детей, а затем зависит от Европы в отношении более подготовленных типов квалифицированных механиков, которые, по причине сельскохозяйственных рабочих, не смогли обучиться своему ремеслу в Америке.

Иммиграция не только привозит в Америку самых сильных, здоровых, энергичных и авантюрных представителей рабочей силы Европы и Азии, но и те, кто приезжает, работают гораздо больше, чем на родине. Миграция отрывает человека от традиций, рутины, социальной опоры, на которую он привык полагаться, и бросает его среди чужих людей на произвол судьбы. Он должен выплыть или утонуть. В то же время он получает более высокую зарплату и ест более сытную пищу, чем когда-либо считал доступной для человека своего положения. Его честолюбие разгорается, его будоражит новый тоник - ощущение, что он действительно поднимается в мире. Он рисует себе собственный дом, экономит и копит деньги, чтобы послать их друзьям и родным или вернуть на любимую землю важную персону. Понаблюдайте за бандой итальянцев, разгребающих грязь под руководством ирландского босса, или за потогонной мастерской еврейских портных под руководством мелкого подрядчика, и вы увидите такое лихорадочное производство богатства, которое едва ли смог бы выдержать гражданин, родившийся в Америке. Отчасти страх, отчасти надежда делают нового иммигранта самым усердным, если не самым умным работником на наших предприятиях.

Промышленные возможности различных рас. Но как бы усердно человек ни трудился, он может использовать только те дары, которыми наделила его природа. Вносит ли эти дары раса или цивилизация, мы узнаем, когда придем к проблемам слияния и ассимиляции. В настоящее время нас интересуют различные промышленные дары и способности различных рас в том виде, в каком они существуют на момент иммиграции, аннексии или завоевания.

Умственные и моральные качества, подходящие для того, чтобы стать продуктивными работниками, зависят от характера промышленности. Невозможно представить себе, чтобы нынешние иммигранты из Южной Европы и Азии преуспели в заселении страны в качестве пограничников и первопроходцев. Во всей Европе, Азии и Африке в семнадцатом и восемнадцатом веках была только одна раса, которая имела предварительную подготовку, необходимую для того, чтобы отправиться в дикую местность и перед лицом индейцев основать дом и сельское хозяйство. Это были англичане и шотландцы-ирландцы. Испанцы и французы были первопроходцами и авантюристами, но они основывали только торговые станции. Привыкшие к отцовскому правительству, они не обладали, как народ, уверенностью в себе и способностью к постоянным усилиям, необходимым для того, чтобы продвигаться вперед как личности и отрезать себя от поддержки правительства за океаном. Они уклонялись от непосильной задачи - расчищать леса, сажать посевы среди пней и жить за много миль от соседей. Правда, среди пионеров было несколько человек немецкого, французского и голландского происхождения, но они принадлежали ко второму и третьему поколениям, происходившим от переселенцев и с детства оказавшимся среди своих англо-шотландских соседей. Французские трапперы и исследователи известны и оставили свои имена на нашей карте. Но именно английская раса утвердилась в Америке не потому, что приехала первой, не благодаря своим армиям и флотам, а благодаря своему сельскому хозяйству. Каждая ферма, вырубленная в дикой местности, становилась постоянным плацдармом, и вскоре снова посылала непрерывную колонию сыновей и дочерей, чтобы

занять плодородные земли. На основе этого самодостаточного, демократического, промышленного завоевания нового мира естественно, неизбежно последовало военное завоевание.

Но в настоящее время характер промышленности полностью изменился. В последней четверти девятнадцатого века свободные земли были окончательно заняты, а племя пограничников подошло к концу. Население стало устремляться на Восток и в города. Это дало мануфактурам и горнодобывающей промышленности избыточный рынок труда, столь необходимый для продолжения работы крупных предприятий, которым сегодня нужны тысячи рабочих, а завтра - сотни. Кроме того, среди рабочих американского происхождения, так же как среди англичан и шотландцев, нет той покорности, послушания приказам и терпеливого труда, который так нужен работодателям, когда сотни и тысячи людей, как армия, попадают под руководство бригадиров, суперинтендантов и менеджеров. Теперь работодатели обращаются за рабочей силой к тем восточным и южным районам Европы, которые до сих пор не способствовали иммиграции. Первыми, кто в большом количестве стал использовать эти источники, были операторы по добыче антрацитового угля в Пенсильвании. На этих месторождениях английские, шотландские, валлийские и ирландские шахтеры во время и после Гражданской войны создали организацию для контроля заработной платы, а бесчинства тайного общества, известного как "Магайры Молли", дали повод для импорта представителей новой расы, непривычной к профсоюзному движению и неспособной, в силу языковых особенностей, сотрудничать с англоговорящими шахтерами. Оказавшись в горнодобывающей промышленности, эти расы быстро нашли свой путь в неквалифицированные части производства, на службу железным дорогам и крупным подрядчикам. На строительстве канала Эри в 1898 году из 16 000 рабочих 15 000 были ненатурализованными итальянцами.[74] Перепись 1900 года показала, что, хотя мужчины иностранного происхождения составляли одну четырнадцатую часть рабочих в сельском хозяйстве, они составляли три четверти портных, более половины краснодеревщиков, почти половину шахтеров и каменоломен, кожевенников, мраморщиков и каменотесов, более двух пятых сапожников, обувщиков и текстильщиков, треть кооперов, металлургов, деревообрабатчиков и разнорабочих, четверть плотников, маляров и штукатуров и пятая часть рабочих лесопилок.[75] Женщины иностранного происхождения составляли почти две пятых среди работниц хлопчатобумажных фабрик и портных, одну треть среди работниц шерстяных фабрик, одну четвертую среди работниц табачных и шелковых фабрик.

На тихоокеанском склоне китайские и японские иммигранты заняли место, которое занимали юго-восточные европейцы на Востоке и негры на Юге. Именно они строили тихоокеанские железные дороги, и, как говорят, без них эти дороги могли бы быть построены лишь через несколько лет после их фактического завершения.

Иммиграция китайцев достигла наивысших показателей до принятия законов об исключении 1882 года, а с тех пор ее вклад в экономику страны был незначительным. На их место пришли японцы - раса, чья родная земля, пропорционально ее обрабатываемой площади, заселена более плотно, чем любая другая страна в мире. Китайцы и японцы, пожалуй, самые трудолюбивые из всех рас, а китайцы - самые послушные. Японцы превосходят всех в подражательности, но не так надежны, как китайцы. Ни одна из рас, пока речь идет об их представителях-иммигрантах, не обладает оригинальностью и изобретательностью, которые характерны для компетентных американских и британских механиков. На Гавайских островах, где они имеют больше возможностей, чем в других местах, их считают способными работниками квалифицированных профессий, при условии,

что они работают под руководством белых механиков.[76] Но самое большое поле их деятельности на Гавайях - это неквалифицированная работа по возделыванию больших сахарных плантаций. Здесь их уподобляют "своего рода сельскохозяйственным автоматам", и становится возможным поместить их в большом количестве под квалифицированное руководство и таким образом добиться наилучших результатов от их покорности и трудолюбия.

В самих Соединенных Штатах плантационная форма сельского хозяйства, в отличие от домашней, всегда основывалась на привлечении рабочей силы из отсталых или неамериканизированных рас. Этот факт имеет отношение к предполагаемой тенденции развития сельского хозяйства в сторону крупных ферм. Десять лет назад казалось, что великим фермам "бонанза" суждено вытеснить мелкие фермы, подобно тому, как трест вытесняет мелкого производителя. Но теперь признано, что происходит обратное движение, и что мелкий фермер может успешно конкурировать с крупным фермером. Однако не было отмечено, что этот вопрос не просто экономический и что он зависит от промышленного характера людей, занятых в сельском хозяйстве. Бережливый, трудолюбивый и умный американский или тевтонский фермер способен сэкономить и приобрести свою собственную небольшую ферму и успешно конкурировать с крупным предприятием. Он даже начинает делать это на Гавайях с тех пор, как был отменен обязательный труд его крупных конкурентов.[77] Но отсталые, нерасторопные и неинтеллектуальные расы преуспевают лучше всего, когда работают в бандах в крупных поместьях. Хлопковые и сахарные поля Юга с их неграми-рабочими имеют свой аналог на плантациях Гавайев с их китайцами и японцами, а также на недавно освоенных свеклосахарных полях Небраски, Колорадо и Калифорнии с их русскими, богемцами, японцами и мексиканцами. В домашнем или мелком сельском хозяйстве основная масса иммигрантов из Южной и Восточной Европы не очень желательна в качестве наемных работников, и они не преуспевают в качестве собственников и арендаторов, поскольку им не хватает контроля и деловых способностей. Там, где они обосновались в колониях под благоприятной эгидой, итальянцы добились заметных успехов, и в процессе американизации они, несомненно, будут соперничать со старшими национальностями. Но на этапе иммиграции они беспомощны, и именно иммигранты из Северо-Западной Европы, немцы и скандинавы, чья бережливость, самодостаточность и интенсивное сельское хозяйство с самого начала сделали их образцовыми фермерами Америки.

Еврейский иммигрант, в особенности, не приспособлен к жизни первопроходца. Удивительно индивидуалистичный характер, его сфера деятельности - общество, а не земля. Из тридцати тысяч семей, высланных из Нью-Йорка промышленными и сельскохозяйственными обществами переселения, девять десятых заняты в промышленности и торговле, а большинство остальных, размещенных на фермах, преуспевают, держа на лето пансионеров. Зависимые от пансионеров, они пренебрегают сельским хозяйством и покупают продукты питания. Крупнейшая колония надеющихся земледельцев, Вудбайн, штат Нью-Джерси, превратилась в швейную фабрику. 78] Однако фабричная система, с ее дисциплиной и регулярным рабочим днем, отвратительна для еврейского индивидуализма. Он предпочитает потогонный цех, с его постоянными уходами и приходами. Если есть возможность, он поднимается через торговлю и коммерцию.

Это лишь некоторые из многих фактов, которые можно привести, чтобы показать, что изменение характера иммиграции возможно благодаря изменению характера промышленности; и что расы, совершенно некомпетентные в качестве первопроходцев и независимых собственников, находят себе место, когда возникают мануфактуры, шахты и

железные дороги с их капитанами промышленности, направляющими и контролирующими их полуинтеллектуальную работу.

ГЛАВА VI

ТРУД

Мы видели, что характер иммигрантов, для которых может быть найдено место, зависит от характера промышленности. Он также зависит от законов, регулирующих собственность на рабочую силу. Здесь промышленная проблема перерастает в социальную.

В Соединенных Штатах существует четыре варианта отношения к труду как к собственности, каждый из которых оказал свое особое влияние на характер иммиграции или вырос из отношений между расами. Это рабство, пеонаж, контрактный труд и свободный труд. При рабстве работник и его дети по закону вынуждены всю жизнь работать на хозяина на условиях, которые он диктует и навязывает. При пеонаже работник вынужден по закону выплачивать долг своим трудом, а при контрактном труде - выполнять договор на работу. Для принуждения к пеонажу и контрактному труду преступление "бегства" карается заключением на принудительные работы или продлением срока службы. При свободе закон отказывается принуждать к исполнению контракта на работу, делая это исключением из священности контрактов, и отказывается принуждать к уплате долга конкретной службой. Это оставляет подрядчику или кредитору обычно пустую возможность предъявить иск о возмещении убытков. Значение этих различных степеней подневольного, полуподневольного и свободного труда будет видно из следующего обсуждения социальных отношений высших и низших рас.

На всем земном шаре те расы, которые развивались под тропическим солнцем, отличаются ленью и непостоянством. С точки зрения выживания сильнейших, такие пороки являются достоинствами, поскольку тяжелые и продолжительные нагрузки в тропических условиях приводят к прострации и предрасположенности к болезням. Поэтому если такие расы и переходят к трудолюбивой жизни, которая является второй натурой для представителей умеренных зон, то только с помощью принуждения. Негр не смог бы найти место в американской промышленности, если бы приехал туда свободным человеком, и в настоящее время законы южных штатов в той или иной степени признают контрактный труд и пеонаж с преступлением "бегства". Эти законы были признаны Верховным судом неконституционными^[79] в соответствии с актом Конгресса, принятым в 1867 году, но условия пеонажа, которые они предусматривают, рассматриваются многими плантаторами как необходимые для продолжения хлопковой промышленности. Один из них, житель юго-западной Джорджии, выпускник Колумбийского колледжа, пять лет обучавшийся бизнесу в северных штатах, в одном из интервью сказал следующее:^[80]

"Мы используем два способа обработки наших плантаций. Мы арендуем небольшие участки по сорок акров каждый, и к ним прилагаются плуг и мул. Кроме того, у меня есть около 450 рабочих, которые трудятся за плату. Этим людям платят девять долларов в месяц, в

дополнение к фиксированной норме питания, которая составляет четыре фунта мяса в неделю, определенный процент овощей, табака, сахара, муки и некоторых других товаров".

"Эти негры живут на плантации, у них есть крыша над головой, садовые участки и ряд других более или менее ценных привилегий. Они неизменно приходят ко мне за небольшими денежными авансами.

"Этих денег, пайков и одежды, хотя последних не так уж много, часто бывает достаточно, чтобы негр оказался у нас в долгу. Как только он обнаруживает, что вплез в долги, он, естественно, думает, что проще пойти работать в другое место и начать все сначала, вместо того чтобы платить свои долги.

"Теперь, когда негр сбегает и нарушает свой контракт, оставляя нас в затруднительном положении, не только без его труда, но и без авансов, которые мы сделали ему деньгами и товарами, что произойдет, если мы будем полагаться только на наше право подать в суд? Прежде всего, с 450 руками у нас будет 450 исков до конца сезона, и если бы мы выиграли их все, то не смогли бы собрать и сорока пяти центов".

"В результате в Джорджии и Алабаме, а также, я думаю, и в других штатах, закон признает право плантатора истребовать работника, ушедшего в нарушение контракта, независимо от того, есть ли у него долг или нет.

Независимо от того, объявит ли судья Джонс этот закон конституционным или нет, плантаторам в "черном поясе" придется отстаивать свое право требовать контрактную рабочую силу, иначе им придется выйти из бизнеса. При любой другой системе вы не сможете получить свой хлопок, потому что негры в критический момент просто сядут и откажутся работать. Когда они здоровы, мы заставляем рабочих выходить на поле силой. Это правда, и лгать об этом бесполезно".

Эти рассуждения вполне логичны с точки зрения бизнеса. Если производство богатства является стандартом, то контракты должны выполняться, а долги - выплачиваться. В противном случае капитал не будет участвовать в бизнесе. Но на неграх рассуждения не заканчиваются. Укоренившись, эта практика распространяется и на другие расы.

Приводятся примеры, когда белых мужчин держали в пеонаже, негров - у других негров, а итальянцев заставляли работать на фосфатном руднике.^[81] Загнать рабочих в долги - дело несложное. Многие тысячи сельских судей, не ведущие учет приговоров, сотни констеблей, гонорары которых зависят от приговоров, десятки мелких преступлений, наказания за которые обычно не исполняются, подрядчики и плантаторы, жаждущие труда по 35 центов в день для осужденных - ни негр, ни бедный белый не находятся в безопасности. Иммигранты избегают страны с таким послужным списком. Не только страх перед принудительным трудом для себя, но и страх перед конкуренцией с низкими зарплатами, которые предполагает принудительный труд других, удерживают иммигрантов от Юга. Слава о пеонате распространяется среди них еще до того, как они покидают родные края. Бизнес, основанный на принудительном труде, наносит ущерб всему обществу ради собственной временной выгоды. Право уйти с работы так же священно для рабочего, как и право на принудительное исполнение контрактов для капиталиста. Получение энергичной рабочей силы так же необходимо, как и получение большого капитала для начала бизнеса.

Признавая за рабочими право нарушать контракты, работодатель учится довольствоваться контрактами, которые не причинят вреда при нарушении. Он учится взывать к мотивам

рабочего к труду методами, которые не являются принудительными. Признавая, что большая часть того, что говорят о непостоянстве негра, - правда, его, тем не менее, огульно поносят. Тысячи ненадежных людей служат прикрытием для подавления сотен трудолюбивых. Я провел сравнение платежных ведомостей двух газовых заводов в южных городах: на одном работали негры-кочегары за 11 центов в час, на другом - белые за 22 цента в час, и оба работали по 12 часов в день семь дней в неделю. Негры работают столько же часов между днями зарплаты, сколько и белые, и если их "увольняют" после дня зарплаты, то это не больше, чем сделали бы любые белые рабочие после двух недель такой изнурительной работы. Негр в южных городах едва ли может надеяться подняться выше 12 центов в час, а белые механики работают с неграми-помощниками за 10 центов в час, чтобы поднять свою собственную зарплату до 20 центов в час. Белые наемные работники и белые работодатели на Юге говорят о попытках негров добиться более высокой зарплаты в тех же словах и тонах, в каких работодатели на Севере говорят о белых наемных работниках, организовавших профсоюзы и требующих повышения зарплаты. Один бригадир осуждал своих "негров" за нестабильность, когда они уходили от него с зарплатой 10 центов в час на работу на железной дороге с зарплатой 12½ центов в час. Похвалив итальянцев по сравнению с неграми, он не мог подумать о том, чтобы платить 17½ центов в час за работу киркой и лопатой, которую итальянцы, по слухам, получают в другом районе штата. Право уйти с работы - это право на получение более высокой зарплаты. Если платить более высокую зарплату и обеспечивать надлежащее обращение, происходит процесс естественного отбора. Трудолюбивые и стабильные работники всех рас сохраняют рабочие места. Упомянутая выше газовая компания, используя систему ступенчатой оплаты труда, повышающейся с годами работы, подобрала более устойчивую и надежную рабочую силу из негров, чем они могли бы получить из белых при той зарплате, которую им платили. Испытание действительно суровое там, где раса всегда считалась подневольной. При высокой зарплате, считающейся "зарплатой белого человека", процесс индивидуального отбора не срабатывает, и доминирующая раса оправдывает свое обращение к порке, избиению и пеонату ленью, которую не научились компенсировать методы оплаты труда. Даже трудолюбивые итальянцы, с которыми обращаются подобным образом, не будут трудолюбивыми - они уедут в другие государства.

Малайцы, к которым принадлежат филиппинцы, как и негры, беспечны, бережливы и не склонны к постоянному труду. Чтобы побудить яванцев к труду, голландское правительство Явы выделяет определенный участок государственной земли под посадку кофе и обязывает каждого главу семьи посадить и содержать в порядке определенное количество кофейных деревьев. В частных поместьях на Яве и в других малайских и индийских колониях, таких как Бирма, Цейлон, Британская Индия, где правительство не принуждает туземцев брать контракт на работу, оно, тем не менее, принуждает к исполнению добровольно заключенных контрактов. В некоторых провинциях Филиппин "арендаторы обычно имеют долги, и старый закон, позволяющий кредитору заключать должника в тюрьму за неуплату долга, все еще в силе..... Землевладельцы в округе часто собираются вместе незадолго до продажи урожая и договариваются между собой, сколько процентов взыскать с арендаторов за их долги. Это делается для того, чтобы взимать как можно более высокие проценты и в то же время удерживать арендаторов, которые потом не смогут уехать, обнаружив одинаковые условия, преобладающие во всем округе." [82] В густонаселенных странах, таких как Ява и Южная

Индия, где туземец не может устроиться сам, у него нет другого выбора, кроме как работать по таким контрактам, и это также верно в более густонаселенных районах Филиппинских островов. Но в малонаселенных странах, таких как Бирма, Восточная Суматра и большая часть Филиппин, где заработная плата настолько высока, что туземцы не вынуждены работать постоянно, дело обстоит иначе. "Если говорить в целом, - говорит профессор Дженкс, - неквалифицированный филиппинский рабочий, хотя и достаточно умен, но беспечен и бережлив. В большинстве случаев он желает взять два или три дня в неделю, в среднем, чтобы отметить их как праздничные дни. Известно, что в отдельных случаях, когда его заработная плата увеличивалась, он соответственно сокращал количество дней в месяце, которые он должен отработать. Если его доход достаточен для удовлетворения его скромных потребностей, он не видит причин, по которым он должен трудиться дольше, чем это необходимо для получения дохода"[83].

Поэтому в этих малонаселенных странах голландское и английское правительства приняли, а профессор Дженкс в своем отчете для Военного министерства рекомендовал ограниченное использование системы контрактного труда, но не для местных жителей, а для импортированных китайцев. Эта система существовала в другом нашем новоприобретенном владении, Гавайях, с 1852 года, где она применялась к китайским, японским, португальским и немецким иммигрантам, и , откуда она была отменена актом об аннексии в 1898 году.[84]

Филиппинские губернаторы
(Из переписи населения Филиппинских островов)

Контрактный труд такого рода существенно отличается от педнажа и контрактного труда неиндустриальных рас. Он похож на кабальную службу колониальных времен тем, что срок каждого контракта ограничен несколькими годами, а сам контракт заключается в качестве компенсации авансовых расходов на иммиграцию. Цель не в том, чтобы, как в случае с рабством и педнажем, заставить бездельников работать, а в том, чтобы развить страну за счет внедрения трудолюбивой расы. Китайцы по истечении срока контракта часто становятся квалифицированными рабочими и торговцами, а в последнем положении их бережливость и своеобразие делают их опасными соседями для коренных малайцев и филиппинцев.^[85] По этой причине профессор Дженкс рекомендует обязать работодателей возвращать каждого китайского кули в Китай по истечении срока контракта, не

превышающего трех лет, если правительство не даст специального разрешения на продление контракта. Губернатор Тафт в своем отчете за 1902 год, выступая за ограниченное использование китайских кули, сказал: "Правда в том, что с политической точки зрения неограниченное внедрение китайцев на эти острова было бы большой ошибкой. Я считаю, что возражения филиппинцев против такого курса полностью логичны и обоснованы. Освоение островов китайцами будет происходить за счет филиппинцев, и они вполне могут возмутиться таким предложением"[86].

Мнение губернатора Тафта решительно поддерживает специальный уполномоченный Американской федерации труда, который, наведя справки в округе вокруг Манилы, сообщает следующее

"Их нежелание работать, на которое постоянно напирают многие работодатели, - это просто естественное нежелание прогрессивного народа работать за низкую зарплату при плохом обращении. Когда заработная плата поднимается выше уровня самых скудных и бедных жизненных потребностей, а обращение справедливо, филиппинцы работают в любом необходимом количестве"[87].

Ситуация здесь аналогична ситуации с неграми. Чтобы получить двести постоянных работников с высокой зарплатой, необходимо опробовать тысячу или больше. Но отчеты Филиппинской комиссии показывают, что процесс отбора, который их инженеры могут проводить с помощью высоких зарплат на государственных работах, дает удовлетворительные результаты[88].

"Разумеется, - продолжает г-н Розенберг в своем отчете, - филиппинский рабочий не может успешно конкурировать с китайским уровнем жизни, который он может прожить дешево, поэтому филиппинских рабочих постоянно очерняют те работодатели и их последователи, которые, видя рядом неограниченное предложение дешевой китайской рабочей силы, хотят, чтобы эти острова были открыты для такой рабочей силы, не только для того, чтобы уменьшить маленькую зарплату филиппинцев, но и для того, чтобы уменьшить зарплату китайских рабочих, которые сейчас здесь. Как сказал мне один работодатель: "Нам нужно больше китайцев, чтобы держать их здесь один или два года, а затем отправить их обратно и получить другую партию, потому что китайцы, которые у меня здесь сейчас, становятся слишком независимыми и хотят больше платить".

Свободный труд. - Свободный работник не принуждается законом к труду. Тогда почему он должен работать? Почему он работает? Ответ находится внутри него самого. Ему нужно что-то, что он не может получить, не работая. Хотя это может показаться пустяковым вопросом и самоочевидным ответом, вопрос и ответ лежат в основе всех вопросов о свободных институтах. Ибо неработающие расы и классы или спазматические и ненадежные работники - это дикари, нищие, преступники, идиоты, сумасшедшие, пьяницы и великое племя эксплуататоров, "графтеров", деспотов и "классов досуга", которые живут за счет труда других. Почти каждый вопрос социальной патологии может быть решен так: "Почему он не работает? И почти каждая социальная болезнь была бы излечена, если бы неработающих людей можно было добровольно заставить работать.

Есть только два основных мотива, которые побуждают свободного человека работать - необходимость и амбиции. Необходимость - это стремление к количеству, качеству и разнообразию используемых вещей. Этот термин эластичен. Он психологический, а не материальный. Конечно, оно включает в себя потребности простого животного существования - пищу, одежду, кров. Но это лишь малая часть. Стоимость простого количества, необходимого для поддержания жизни, меньше, чем дополнительные затраты,

необходимые для обеспечения качества и разнообразия, которые удовлетворяют вкус и привычки. Свинье нравится сырая кукуруза, но человеку требуется кукурузная лепешка в пять раз дороже. Вкусы и привычки зависят от детства, воспитания, общения и рода занятий. Потребности китайского кули, итальянского иммигранта или негра на плантации меньше и стоят дешевле, чем потребности квалифицированного механика или выпускника колледжа, потому что у него были разные ассоциации, и его нынешняя работа отличается. Но необходимость идет дальше. Она включает в себя потребности семьи, рассматриваемой как единое целое, а не только потребности одинокого мужчины или женщины, иначе раса не могла бы продолжать расти. Более того, социальные обязательства накладывают дополнительную необходимость. Обязательное образование детей заставляет родителей содержать своих детей, а не жить на их зарплату. Законы, регулирующие санитарные нормы и условия проживания в квартирах, вынуждают арендаторов платить большую арендную плату. Потребности фермера в итальянских поместьях меньше, чем у того же фермера в американских городах.

Честолюбие - это стремление к улучшению положения себя и своей семьи, к лучшему качеству и большему разнообразию материальных благ. Оно требует стиля одежды и жизни, соответствующего тому положению, к которому человек стремится. Оно требует образования для своих детей, превосходящего тот минимум, который установлен обязательным школьным образованием. Оно требует бережливости и экономии ради независимости или способности продержаться до тех пор, пока его требования не будут удовлетворены. Честолюбие устремлено в будущее, а необходимость опирается на прошлое. Негр или малаец работает три дня и три дня бездельничает, потому что трехдневная зарплата обеспечивает ему самое необходимое. Китаец, итальянец или еврейский иммигрант работает шесть дней и экономит зарплату за три, потому что его воображению представляется будущее. При одинаковых потребностях один честолюбив, другой доволен.

Масштабы и возможности проявления честолюбия зависят от института частной собственности. Собственность на человека подавляет честолюбие, разве что иногда раба разрешается выкупить свою свободу. Система оплаты труда пробуждает честолюбие, если открыт путь к продвижению по службе или к бегству, став собственником. Аренда находится на еще более высоком уровне, но для большинства людей владение собственной небольшой собственностью является самым острым стимулом для честолюбия, поскольку вознаграждает работника всем его продуктом. Этот мотив - самый верный критерий будущего человека или расы. Сравните негра и итальянца, выращивающего хлопок, как арендаторов в новом призвании, открывающемся перед последним. "Всегда трудно, - говорит наблюдательный плантатор мистер Стоун^[89], - заставить негра сажать и правильно обрабатывать внешние края своего поля - крайние концы рядов, берега канав и т. д. Итальянец настолько ревностно относится к использованию каждого фута, за который он платит ренту, что будет обрабатывать мотыгой места, слишком маленькие для плуга, и получать доход с участков, на которые негр не обратил бы ни малейшего внимания. Я видел, как они обрабатывают до самой кромки воды берега заливов, которых никогда не касался плуг. Я видел, как они ходили по своим полям, выискивали каждое пропущенное место в каждом ряду и тщательно заделывали семена, чтобы обеспечить идеальную посадку. Я видел, как они собирают больше хлопка с акра, чем негры на соседнем участке, собирают его на две-четыре недели раньше, а затем тратят дополнительное время на то, чтобы заработать деньги, собирая хлопок на поле негра".

Но амбиции имеют свою цену. Оно равносильно увеличению предложения труда. Как амбициозный собственник, это увеличение переходит в его постоянную собственность, но

амбициозный наемный работник соглашается на более низкую ставку оплаты. Его товарищи видят это снижение и опускаются еще ниже. Так продолжается до тех пор, пока заработная плата не достигнет уровня необходимости, и для амбиций не останется ничего. Еврейская потогонная мастерская - это трагическое наказание, которое понесла эта амбициозная раса. В угольных шахтах Иллинойса заработная плата была снижена на треть за двенадцать лет иммиграции итальянцев и славян. Амбициозные расы - это промышленные расы. Но их амбиции и их промышленность порождают серьезную проблему разрушительной конкуренции. Может показаться, что это зло исправится само собой - что увеличение продукции одной отрасли будет компенсировано увеличением продукции других отраслей; что поэтому возросшее предложение в одной отрасли не будет вытеснено на рынок по более низким ценам, а будет обмениваться на тех же условиях, что и раньше, на возросшее предложение в других отраслях. Так и происходит в процветающие времена. Все отрасли развиваются вместе, и рост предложения в одной из них просто увеличивает спрос на другие. Но по каким-то причинам отрасли не всегда гармонично развиваются вместе. И когда возникает диспропорция, рабочие, слепо, но амбициозно рвущиеся вперед, пытаются преодолеть, увеличивая количество выпускаемой продукции, то, что они теряют, снижая цену. Есть только одно немедленное и практическое средство - организация труда для регулирования конкуренции. Метод организации заключается в том, чтобы сообща, путем самопожертвования, делать то, что неиндустриальные расы делают по отдельности для самоудовлетворения, а именно - отказываться от работы. Там, где один бездельничает, другой бастует. В то время как потребности рабочих устанавливают минимум, ниже которого зарплата не может опускаться, а их физическая выносливость - максимум часов, больше которого они не могут работать, профсоюз с помощью забастовки или угрозы забастовки устанавливает более высокий минимум зарплаты и более низкий максимум часов, что оставляет место для амбиций. В конце концов, более высокая зарплата и более короткий рабочий день становятся привычными и превращаются в более высокий уровень потребностей. Одаренные люди могут, конечно, подняться над классом наемных работников своими собственными усилиями, но только организация труда может поднять класс в целом.

Организация рабочих в профсоюзы была более сложной в этой стране, чем в других свободных странах, из-за конкуренции рас. До сих пор было самым простым делом для менеджера, опасавшегося агитаторов при создании профсоюза, ввести новую расу и новый язык на своих предприятиях. Действительно, почти единственным приемом и симптомом оригинальности, проявляемым американскими работодателями в дисциплине своей рабочей силы, была игра одной расы против другой. Как правило, они были слабы в методах примирения и проявления чувства внимания к своим работникам, а также в средствах защиты жизни и здоровья, но они были сильны в оружии "разделяй и властвуй". Количество рас, к которым они прибегают, часто поражает воображение. Рабочие антрацитовых шахт говорят на девятнадцати языках и диалектах. Работники Колорадской топливной и железной компании принадлежат к тридцати двум национальностям и говорят на двадцати семи языках. Такое разнообразие рас открывает перед профсоюзным организатором поистине обескураживающие перспективы. И поэтому, когда эти расы, наконец, организуются, изменение их морального облика должно рассматриваться как самая значительная из социальных и промышленных революций нашего времени. Объединенные шахтеры Америки, насчитывающие 300 000 членов, в значительной степени состоят из недавних иммигрантов из Южной и Восточной Европы. То же самое можно сказать о профсоюзе грузчиков, Объединенном профсоюзе работников швейной промышленности и профсоюзе мясников. Они являются или были одними из самых сильных и дисциплинированных американских профсоюзов. Самые новые расы последних двадцати лет появились достаточно давно, чтобы иметь членов, владеющих английским языком и выступающих в

качестве переводчиков и лидеров, а это очень важно, когда речи на профсоюзном собрании должны быть переведены зачастую на четыре или пять языков, прежде чем вопрос будет поставлен на голосование. Кроме того, возможности для привлечения новых рас почти исчерпаны, и те, кто сейчас приезжает, находят своих соотечественников уже в профсоюзах. На месторождении антрацитового угля я видел дюжину словаков, только что прибывших из Венгрии, но убежденных своими предшественниками, состоящими в профсоюзе, не занимать места забастовщиков. В Нью-Йорке корабль с итальянцами во время забастовки был принят прямо в профсоюз. Еще дюжину лет назад такое зрелище было бы маловероятным.

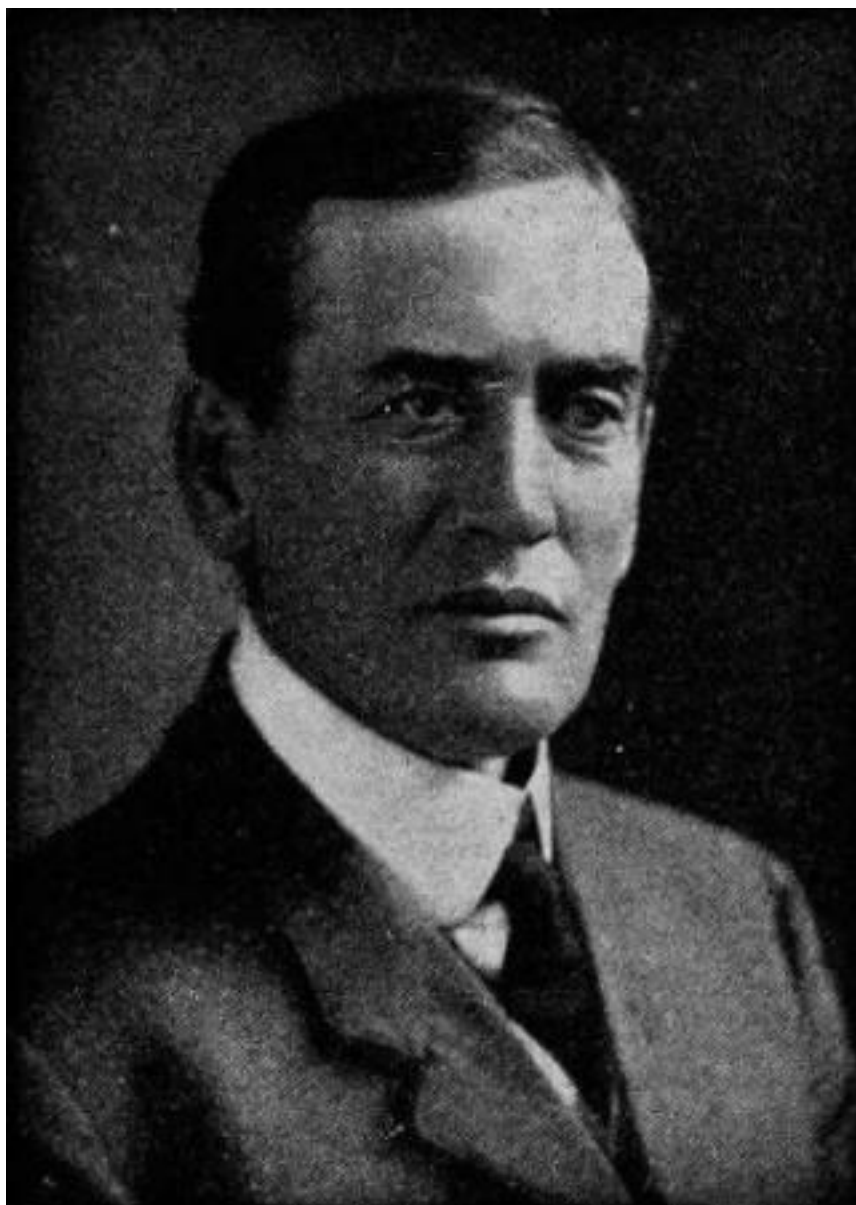
Конкуренция рас - это конкуренция уровней жизни. Причина, по которой китаец или итальянец может сэкономить трехдневный заработок, заключается в том, что заработная плата была установлена ранее в связи с большими потребностями более развитых рас. Но конкуренция не уважает высшие расы. Раса с наименьшими потребностями вытесняет другие. В хлопчатобумажной текстильной промышленности Новой Англии первоначально работали образованные сыновья и дочери американцев. Ирландцы вытеснили многих из них, затем канадские французы завершили вытеснение; затем, когда дети французов начали приобретать более высокий уровень, появились португальцы, греки, сирийцы, поляки и итальянцы, чтобы предотвратить подъем, а затем шотландцы-ирландцы с Аппалачских гор спустились в долины Юга и своей низкой зарплатой, долгими часами и детским трудом установили еще один тормоз на уровне жизни. Наконец, в дополнение к "бедным белым" стали завозить итальянцев. Отрасль швейной промышленности в Нью-Йорке начиналась с английских и шотландских портных, затем ее захватили ирландцы и немцы, потом русские евреи и, наконец, итальянцы, в то время как в Бостоне доля португальцев, а в Чикаго - поляков, богемцев и скандинавов. Почти в каждой крупной обрабатывающей и горнодобывающей промышленности происходило подобное замещение рас. Как только какая-либо раса поднимается по шкале жизни и благодаря организации начинает требовать более высокой зарплаты и сопротивляться давлению долгих часов и перенапряжения, работодатели заменяют ее другой расой, и процесс повторяется. Каждая раса происходит из страны, стоящей ниже по уровню жизни, чем предыдущая, пока, наконец, все концы земли не были разграблены в поисках низкого уровня жизни в сочетании с терпеливым трудолюбием. Европа была исчерпана, Азия освоена, и осталось всего три региона умеренного пояса, от которых можно ожидать еще более низкого уровня жизни. Это Китай, Япония и Индия. Китайцы исключены законом, японцы и корейцы прибывают все в большем количестве, а с индийскими кули еще предстоит экспериментировать. То, что работодатели будут прилагать активные усилия, чтобы привлечь эти последние расы, оставшиеся в процессе постепенного снижения стандартов, отменить китайские запретительные законы и не допустить дополнений к этим законам, естественно, следует из прогресса в направлении более высоких стандартов и организации труда, уже достигнутого итальянцами и славянами.

Профсоюз часто представляют как импортный и неамериканский институт. Это правда, что в некоторых профсоюзах основную силу составляют английские рабочие. Но большинство членов профсоюзов - иммигранты и дети иммигрантов из стран, которые мало знают о профсоюзном движении. Ирландии и Италии не с чем сравнивать профсоюзное движение Англии, но ирландцы являются самыми эффективными организаторами американских профсоюзов, а итальянцы становятся самыми яркими профсоюзными активистами. Самое примечательное, что индивидуалистичный еврей из России, вопреки своему расовому инстинкту, вступает в профсоюзы. Американские профсоюзы, по сути, выросли из американских условий и являются американским продуктом. Хотя зарплата в два-три раза выше, чем в его европейском доме, иммигрант вынужден из-за конкуренции и давления

работодателей заниматься физическим трудом, который заставляет его повышать уровень жизни, чтобы иметь силы продолжать работать. Он также обнаруживает, что закон запрещает его детям работать и заставляет его отправлять их в школу, чтобы поддерживать более высокий уровень жизни и содержать своих детей, он должен получать больше зарплаты. Этого он не может сделать никак иначе, кроме как организовав профсоюз. Конечно, этому движению помогают англоговорящие чужаки или "агитаторы", особенно ирландцы, но оно находит быстрый отклик в нуждах новобранцев. Организация труда - это, по сути, результат американской свободы, как в качестве корректора пороков свободной конкуренции, так и в качестве реализации привилегии свободной ассоциации.

Иммигранты из стран с низким уровнем жизни, когда ими движет дух профсоюзного движения, становятся самыми опасными и решительными профсоюзными активистами. У них нет никаких обязательств, мало собственности и лишь скудные потребности, которые заставляют их уступать. Шахтеры, добывающие битуминозный уголь, бастовали четыре месяца в 1897 году, а рабочие антрацитовых шахт - пять месяцев в 1902 году. Профсоюз для них стал открытием и откровением. Внезапно обнаружить, что люди других рас, которых они ненавидели, на самом деле братья, и что их вражда поощрялась ради выгоды общего угнетателя, - это самое глубокое пробуждение, на которое они способны. Их обида на работодателей, которые держали их отдельно, их преданность вновь обретенным братьям ужасны и жалки. При их эмоциональном темпераменте профсоюз становится не просто борьбой за зарплату, а религиозным крестовым походом. Такова природа возмездия, что после того, как все промышленные расы Европы и Азии приехали в эту страну, чтобы разрушить рабочие организации, эти расы должны были так скоро уничтожить расовый антагонизм и, объединившись в самые мощные профсоюзы, вырвать у своих работодателей величайшие достижения в области заработной платы.

Есть только одна вещь, которая стоит на пути к полному объединению в профсоюзы во многих отраслях промышленности; , а именно: поток иммиграции, слишком большой для ассимиляции. При почти миллионе иммигрантов в год давление на профсоюзы кажется почти непреодолимым. Несколько профсоюзов, контролирующих торговлю, например, шахтеров и грузчиков, с высокими вступительными взносами и жесткими условиями приема, способны защитить себя благодаря уже набранной силе. Но в прибрежных штатах и на разных работах этого стратегического преимущества не существует, и стандарты устанавливают новые иммигранты.

Губернатор Джонсон из Миннесоты.
(Из книги "Мир сегодня")

Прибыль и заработная плата. - В этой и предыдущей главах мы подробно рассмотрели две точки зрения, с которых рассматривается иммиграция представителей промышленных рас. Одна точка зрения - это производство богатства, другая - его распределение. Первая - развитие наших природных ресурсов, вторая - повышение уровня трудоспособного населения. Если подойти к вопросу более критически и принять во внимание все обстоятельства, то можно обнаружить, что мотивы, побуждающие к такой разнице в политике, на самом деле заключаются не в вышеупомянутом различии между производством и распределением, а в различии между двумя противоположными интересами в распределении, а именно прибылью и заработной платой. К сожалению, слишком легко предположить, что все, что увеличивает прибыль, делает это за счет увеличения производства. На самом деле производство богатства и развитие ресурсов - это лишь второстепенная задача одного из заинтересованных сторон, а в первую очередь - увеличение прибыли за счет заработной платы. Дешевая рабочая сила, как утверждается, необходима для развития менее производительных ресурсов страны - того, что экономисты

называют маржой производства. Он необходим для развития менее производительных отраслей, таких как сахарная свекла, и менее производительных отраслей других отраслей, таких как строительство железных дорог в неосвоенных регионах или реконструкция железных дорог в старых регионах, или расширение угольной шахты в узких жилах, и так далее. Утверждается, что без дешевой рабочей силы эти маргинальные ресурсы не могут быть выгодно использованы, а значит, не будут развиваться.

Этот аргумент, в определенных пределах, несомненно, верен, но он упускает из виду ту роль, которую играют машины и изобретения там, где зарплата высока. Машины для производства сигар не могут широко внедряться на Тихоокеанском побережье, потому что дешевый китайский труд делает те же сигары дешевле, чем машины. Высокая заработная плата стимулирует изобретение и использование машин и научных процессов, и именно на машины и науку, а не на простой ручной труд, следует полагаться при разработке природных ресурсов страны.

Но машины и наука не могут быть внедрены так же быстро, как дешевый труд иммигрантов. Машины требуют накопления капитала до начала производства, а труд требует лишь выплаты ежедневной зарплаты в процессе производства. Поэтому в спешке получения прибыли иммигрант оказывается более желанным, чем машины. Но чрезмерная прибыль, полученная таким образом, вызывает реакцию и период деловой депрессии, который сдерживает производство богатства даже больше, чем период процветания стимулировал производство. Рассмотрим крайние колебания процветания и депрессии, характерные для американской промышленности. В период процветания цены на товары быстро растут, но заработная плата за труд, особенно неорганизованный, растет медленно и не увеличивается пропорционально ценам. Это означает огромный рост прибылей и производства товаров. Но товары производятся для того, чтобы их продавали, и если рынок падает, то производство замирает, что называется "перепроизводством". Наемные работники - это масса потребителей. Если их зарплата не растет пропорционально ценам и прибылям, они не могут покупать такую же большую часть товаров, как до начала периода процветания. "Перепроизводство" - это в основном "недопотребление" наемных работников. Иммиграция усиливает этот фатальный цикл "бумов" и "депрессий". Естественный прирост населения за счет превышения числа рождений над числом смертей продолжается практически одинаковыми темпами из года в год, в хорошие и плохие времена, но искусственный прирост за счет иммиграции падает в тяжелые времена и становится чрезмерным в хорошие. Так, в 1879 году, в самый низкий момент депрессии, число иммигрантов составило 177 826 человек, но уже через три года, во время "бума", кульминацией которого стал 1882 год, оно выросло до 788 992 человек. За девять лет после депрессии 1897 года их число выросло с 230 000 до 1 100 000.

Но даже это не дает полной картины, поскольку эффект свободной иммиграции усиливается противоположной политикой защитного тарифа на импорт. В то время как рабочая сила ввозится практически бесплатно, продукты труда облагаются налогом, чтобы предотвратить свободный ввоз. В следующей таблице показаны крайние точки роста и падения иммиграции и импорта

КУЛЬМИНАЦИОННЫЕ ТОЧКИ ИММИГРАЦИИ И ИМПОРТА ТОВАРОВ

Год, заканчивающий ся 30 июня	Иммиграция		Импорт	
	Процветание	Депрессия	Процветание	Депрессия

1873	459,803		\$642,000,000
1879 и 1878[90]		177,826	\$437,000,000
1882	788,992		725,000,000
1886 и 1885[90]		334,203	578,000,000
1893	439,307		866,000,000
1897 и 1898 годы[90]		230,832	616,000,000
1906	1,100,735		1,226,000,000

Сравнивая эти две колонки, можно увидеть, что благодаря защитному тарифу импорт товаров в периоды процветания и депрессии меняется незначительно по сравнению с изменением числа иммигрантов. Так, в недавний период процветания импорт увеличился в два раза по сравнению с самой низкой точкой предшествующей депрессии, в то время как число иммигрантов выросло почти в пять раз.

Размах иммиграции в вышеупомянутые периоды процветания увеличивает предложение труда, но защитный тариф препятствует аналогичному увеличению предложения товаров. Таким образом, иммиграция и тариф вместе не позволяют заработной плате расти вместе с ростом цен на товары и стоимости жизни. Это позволяет прибыли расти больше, чем заработная плата, за чем следует перепроизводство и остановка бизнеса.

Кроме того, когда приток иммигрантов стимулируется, он продолжается еще некоторое время после достижения вершины процветания. В 1903 году бум сдержался в начале года, но число иммигрантов продолжало расти в течение лета и осени со скоростью 20 000 человек в месяц, что превышало их число в период наивысшего процветания в 1902 году. Это дает возможность крупным корпорациям продолжать свои инвестиции за счет дешевой рабочей силы, превышающей возможные потребности страны, что приводит к перепроизводству, потере прибыли, невозможности оплачивать постоянные расходы и, как следствие, к панике. Таким образом, иммиграция, вместо того чтобы увеличивать производство богатства путем стабильного, здорового роста, вместе с другими причинами стимулирует лихорадочное перепроизводство с его неизбежным крахом, которое характеризует промышленность Америки больше, чем промышленность любой другой страны. Она помогает создавать состояния в период спекуляции и усиливает реакцию в период застоя.

ГЛАВА VII

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ, ПРЕСТУПНОСТЬ И БЕДНОСТЬ

Многие люди считают статистику сухой и неинтересной, а тот факт, что книга содержит статистические данные, является предупреждением о том, что ее не следует читать, или что статистические параграфы следует пропустить ради повествовательных и исторических частей. Это дилетантская и ленивая позиция, особенно при изучении социальных тем, ведь

только статистика говорит нам об истинных пропорциях и относительной важности наших фактов. Изучение статистики приводит нас к исследованию социальных причин и сил, и когда мы видим, что в 1790 году три процента нашего населения проживало в городах, а в 1900 году тридцать три процента - в городах с населением 8000 человек и более, мы осознаем важность серьезного исследования причин такого роста городов и влияния городской жизни на будущее демократии и благосостояние нации. Еще более впечатляющим для изучающего расовые проблемы становится исследование, когда мы осознаем, что в то время как пятая часть всего нашего населения живет в тридцати восьми городах с населением более 100 000 человек, в таких городах проживает две пятых нашего населения, родившегося за границей, одна треть нашего коренного потомства от иностранных родителей и только одна десятая наших людей коренного происхождения. Иными словами, доля иностранцев в крупных городах в четыре раза больше, а доля детей иностранных родителей в три и одну треть больше, чем доля колониального и старшего коренного населения. Эти пропорции представлены в прилагаемой таблице и на верхней диаграмме на странице 162.

НАСЕЛЕНИЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КРУПНЫХ ГОРОДОВ: 1900

Всего по Соединенным Штатам	В Соединенных Штатах		В 38 городах с населением 100 000 человек Население и более	
	Число	На процентов	Число	Процент от всего соответствующе го класса
Население	75,994,575	100.0	14,208,347	18.7
Коренные белые, коренные родители	40,958,216	53.9	4,245,817	10.3
Коренные белые, иностранные родители	15,637,063	20.6	5,280,186	33.2
Иностранные белые	10,213,817	13.4	3,972,324	39.7
Негры	8,833,994	11.6	668,324	7.6
Индейцы и монголы	351,385	.5	32,696	9.3

Если мы представим этот вопрос в другой форме, чтобы показать всю степень иностранного влияния в наших больших городах, то получим еще одну диаграмму, которая показывает, что 59 процентов населения за пределами и только 30 процентов населения внутри этих городов имеют коренное происхождение, в то время как 27 процентов населения за пределами и 65 процентов населения внутри этих городов имеют иностранное происхождение. Перепись населения позволяет нам узнать только о родителях, но если бы мы знали о бабушках и дедушках, то, вероятно, обнаружили бы, что иммигрантский элемент девятнадцатого века внес значительную долю в число тех, кто был указан в качестве коренных родителей.

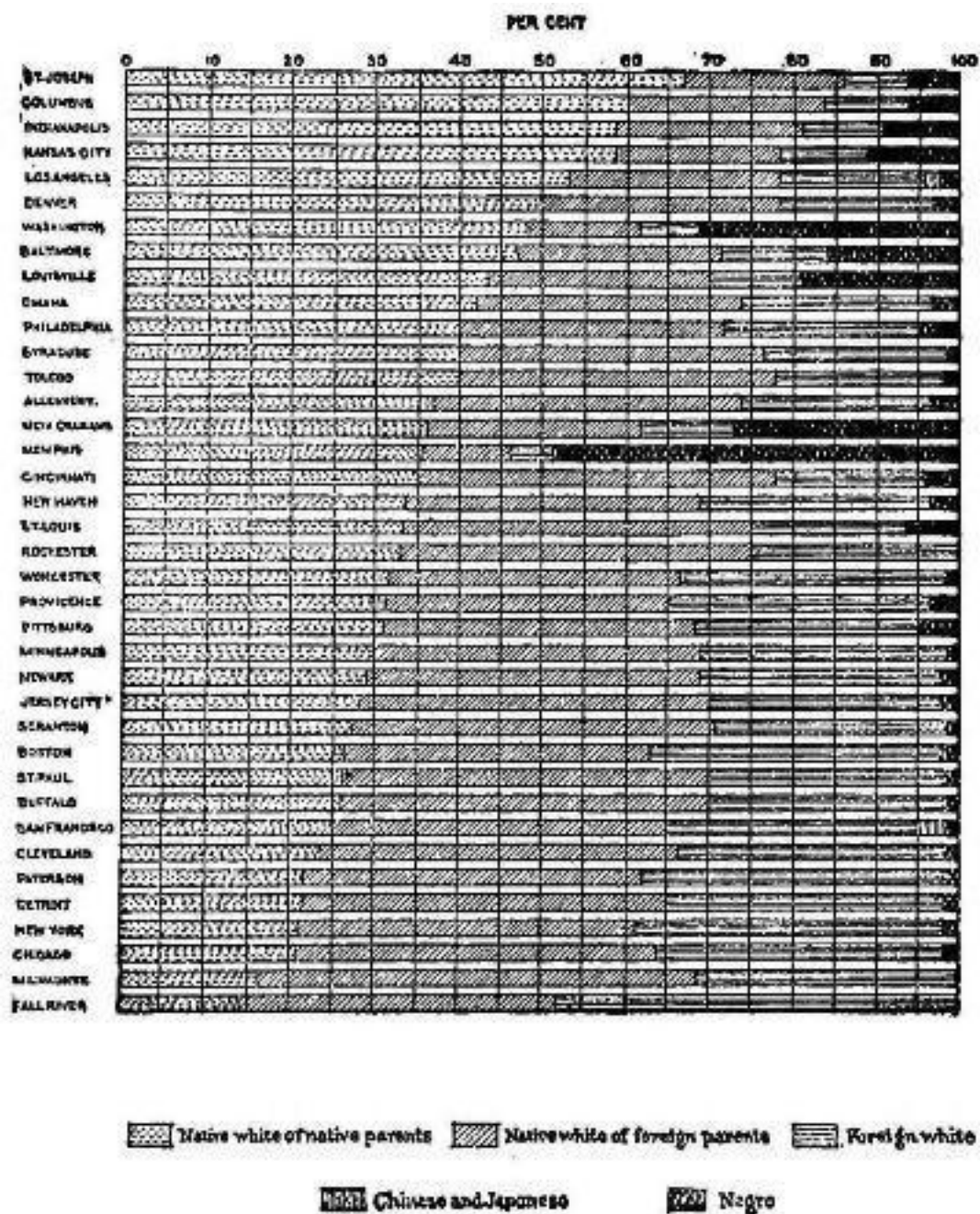
NATIVE WHITE OF NATIVE PARENTS		IN CITIES OF 100,000
NATIVE WHITE OF FOREIGN PARENTS	IN CITIES OF 100,000	
FOREIGN WHITE	IN CITIES OF 100,000	
COLORED		IN CITIES OF 100,000

Распределение населения: 1900

NATIVE PARENTAGE		IN CITIES OF 100,000
FOREIGN PARENTAGE		NATIVE PARENT- AGE
COLORED		FOREIGN PARENT- AGE
		COLORED

Процент населения в городах: 1900

СОСТАВЛЯЮЩИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ С НАСЕЛЕНИЕМ БОЛЕЕ 100 000 ЧЕЛОВЕК: 1900 ГОД

Увеличенное изображение

Еще более значительным становится сравнение, когда мы рассматриваем каждый из этих городов в отдельности, как это сделано в диаграмме, воспроизведенной на странице 163 из Статистического атласа Двенадцатой переписи населения.

Здесь видно, что крайность достигается в городе Фолл-Ривер, где всего 14 процентов населения - коренные жители, в то время как в двух крупнейших городах, Нью-Йорке и Чикаго, эта доля составляет 21 процент, а единственными крупными городами с преобладанием коренного населения являются Сент-Джозеф, Колумбус, Индианаполис и

Канзас-Сити, причем Денвер разделен поровну. Как уже говорилось, дедушки и бабушки еще больше уменьшат долю коренного населения.

Если мы перенесем наше сравнение на 160 городов с населением 25 000 человек, то обнаружим, что в таких городах половина населения - иностранцы[91], и мы также увидим заметные различия между расами. С одной стороны, в этих главных городах живут три четверти родившихся в России, в основном евреи, с другой - пятая часть норвежцев.

В других скандинавских странах, а также в Уэльсе и Швейцарии проживает около одной трети, в то время как англичане и шотландцы составляют две пятых, в Германии, Австрии, Богемии и Польше - от половины до трех пятых, в Ирландии и Италии - почти две трети.

Отдельные города позволяют провести поразительные сравнения. В Нью-Йорке, по данным переписи населения, 785 035 человек немецкого происхождения, что почти равно населению Гамбурга и больше, чем коренное население Нью-Йорка (737 477). В Нью-Йорке вдвое больше ирландцев (710 510), чем в Дублине, в два с половиной раза больше евреев, чем в Варшаве, вдвое меньше итальянцев, чем в Неаполе, и от 50 000 до 150 000 представителей первого и второго поколений из Шотландии, Венгрии, Польши, Австрии и Англии.[92] В Чикаго почти столько же немцев, сколько в Дрездене, на треть больше богемы, чем в Праге, в полтора раза больше ирландцев, чем в Белфасте, в полтора раза больше скандинавов, чем в Стокгольме.[93]

Разнообразие рас тоже поражает. Нью-Йорк превосходит Вавилон. Газетчик обнаруживает в этом городе шестьдесят шесть языков, на которых говорят, сорок девять газет, издаваемых на иностранных языках, и одну школу в Малберри-Бенд, где учатся дети двадцати девяти национальностей. Некоторые из мелких групп живут колониями, например сирийцы, греки и китайцы. Но колонии более крупных групп - это резервуары, которые постоянно наполняются и переполняются[94].

Приток населения в наши города, наиболее характерное и значительное движение нынешнего поколения, приобретает дополнительное значение, если мы классифицируем его в зависимости от мотивов тех, кто стремится в города, - промышленных или паразитических. Переход от сельского хозяйства к мануфактуре и транспорту определил городские профессии как возможности для быстрого и спекулятивного накопления богатства, и в городах собираются энергичные, амбициозные и образованные классы. Сыновья американских крестьян покидают скромное существование ради неопределенного, но великолепного вознаграждения индустриализма. Они становятся бизнесменами, руководителями крупных предприятий и миллионерами, чей пример гипнотизирует воображение фермерских парней по всей стране. Многие из них находят свой уровень в канцелярских и профессиональных профессиях, но они избегают ручного труда, который для них является признаком подчинения. Этот ручной труд - удел иностранных иммигрантов, а иностранная иммиграция - это в основном перемещение с ферм Европы в города Америки. Высокие зарплаты в отраслях и профессиях, которые исходят из американских городов, являются для них тем магнитом, которым для уроженцев Америки является стремление к удаче. Города также предоставляют выбор работодателей и возможность рассчитывать на благотворительную и дружескую помощь, которая так необходима неимущим работникам в поисках работы. Поэтому те расы иммигрантов, которые наименее самостоятельны и предприимчивы, такие как ирландцы и итальянцы, стремятся в города в большей пропорции, чем такие выносливые расы, как скандинавы, англичане, шотландцы и немцы. Еврей, также приехавший из городов Европы, стремится в американские города по причине своего

расового отвращения к сельскому хозяйству, и он находит там среди своих единоверцев необходимую помощь для начала американской жизни.

В этот момент мы постепенно переходим от промышленных мотивов притока в города к паразитическим. Объединенные еврейские благотворительные организации Нью-Йорка утверждают, что четвертая часть евреев этого города - просители милостыни, а другие благотворительные общества делают аналогичные оценки для населения в целом. Эти оценки, несомненно, преувеличены, и тщательный анализ методов ведения статистики, несомненно, смягчит столь поразительные заявления, но мы должны принять их как суждение тех, кто лучше всех знает условия бедности и нищенства в мегаполисе. Как бы ни были они преувеличены, они указывают на тревожные масштабы крайней нищеты, вызванной иммиграцией, поскольку именно иммигранты и дети иммигрантов пополняют ряды этого неимущего элемента в наших больших городах.

Те, кто страдает от нищеты, не обязательно являются паразитами, но они занимают ту промежуточную стадию между промышленным и паразитическим классами, из которой может быть набран любой из этих классов. Если в результате постоянной бедности они становятся действительно паразитами, то переходят в ряды преступников, нищих, порочных, нерадивых и бродяг, которые, как и промышленный класс, стремятся в города.

Нельзя не подчеркнуть опасное влияние городской жизни на иммигрантов и детей иммигрантов. Эта страна может принять миллионы представителей всех рас из Европы и воспитать их и их потомков в соответствии с относительно высокими стандартами американского гражданства в той мере, в какой она может найти для них места на фермах. "Земля была нашим великим растворителем"^[95]. Но города этой страны не только не поднимают иммигрантов до той же степени независимости, но и сами опускаются вниз из-за паразитических и зависимых условий, которые они поощряют среди иммигрантского элемента.

Доктор Оронхьятеха
Индеец племени могавк, бывший глава Ордена лесорубов

Преступность. Этот факт подтверждается изучением статистики преступников и нищих. В этом вопросе следует проявлять большую осторожность, особенно после того, как одиннадцатая перепись населения 1890 года обнародовала самые ошибочные выводы из статистических данных, собранных под ее руководством. Переписчики утверждали, что на каждый миллион иностранцев приходится 1768 заключенных, в то время как на каждый миллион коренных жителей приходится всего 898 заключенных, что свидетельствует о том, что склонность к преступности среди иностранцев в два раза выше, чем среди белых коренных жителей. Этот вывод стал возможен благодаря учету того важного факта, что заключенные набираются в основном из взрослых, и что доля взрослых иностранцев к населению иностранного происхождения намного больше, чем доля взрослых коренных жителей к населению коренного населения. Если сравнить число заключенных-мужчин с числом мужчин избирательного возраста, то пропорции будут существенно отличаться и будут более точными, как показано ниже.

Число заключенных мужского пола на миллион голосующего населения, 1890 г. (опуская "неизвестных")[96]

Коренные белые, коренные родители	3,395
Коренные белые, иностранные родители	5,886
Коренные белые, всего	3,482[97]
Иностранные белые	3,270
Негры	13,219

Здесь иностранцы демонстрируют более низкий уровень преступности (3270), чем все коренные жители (3482). Этот вывод согласуется с нашими общими наблюдениями за иммигрантами, а именно, что они принадлежат к промышленным классам, и что наши иммиграционные законы разработаны таким образом, чтобы исключить преступников.

Но этот анализ выявляет факт, гораздо более значительный, чем любой из тех, которые еще обсуждались; а именно, что дети иммигрантов, родившиеся в родной стране, демонстрируют долю преступности (5886 на миллион), гораздо большую, чем сами иностранцы (3270 на миллион), и на 70 процентов большую, чем дети местных родителей.

Этот важный факт становится еще более очевидным, а вместе с ним и обратная сторона вышеупомянутой ошибки переписи, когда мы рассматриваем выводы переписи в отношении несовершеннолетних преступников. Расчеты переписи показывают, что на каждый миллион коренного населения приходится 250 несовершеннолетних преступников, а на каждый миллион иностранцев - только 159; но если мы вспомним, что доля детей иностранного происхождения невелика, а затем сравним количество мальчиков-правонарушителей с количеством мальчиков в возрасте от 10 до 19 лет, а не с количеством людей всех возрастов, то получим следующие результаты, ограничившись североатлантическими штатами, где исправительные учреждения для несовершеннолетних обеспечены более либерально, чем в других регионах:...

Количество несовершеннолетних преступников мужского пола на миллион человек мужского населения в возрасте от десяти до девятнадцати лет, Североатлантические штаты, 1890 год (опуская "неизвестных")[98]

Коренные белые, коренные родители	1,744
Коренные белые, иностранные родители	3,923
Иностранные белые	3,316
Цветные	17,915

Эта таблица бросает другой свет на ситуацию, поскольку показывает, что тенденция к преступности среди несовершеннолетних, вместо того, чтобы быть меньше среди иностранцев, чем среди коренных жителей, почти в два раза выше, чем среди детей американских родителей, и что тенденция среди коренных детей иностранных родителей (3923 на миллион) более чем в два раза выше, чем среди детей американских родителей (1744 на миллион).

Эта удивительная преступность детей иммигрантов - почти полностью продукт городской жизни, и она напрямую вытекает из неспособности родителей-иммигрантов контролировать

своих детей в условиях города. Мальчики, особенно в раннем возрасте, теряют уважение к своим родителям, которые не могут говорить на языке общины, невежественные и беспомощные в вихре борьбы за существование, и закрываются в дневное время в магазинах и на фабриках. На улицах и в переулках, в своих бандах и школах дети уклоняются от родительской дисциплины, и дом для них практически не существует. Хорошо осведомленный исследователь расовых проблем Нью-Йорка говорит:[99] "Можно приводить пример за примером семей, живущих в доходных домах, в которых родители - промышленные крестьяне-рабочие - оказываются опозоренными праздными и порочными взрослыми сыновьями и дочерьми. Случаи, взятые почти наугад из архивов благотворительных обществ, показывают эти факты снова и снова". Даже русский еврей, более преданный и самоотверженный в воспитании своих детей, чем представители любой другой расы иммигрантов, видит, как они вскоре зарабатывают больше денег, чем их родители, и отрываются от вековой дисциплины.

Совсем иначе обстоит дело с теми иностранцами, которые селятся в сельской местности, где их дети находятся под их постоянным присмотром, и пока малыши учатся американским традициям, родители прививают им трудолюбивые привычки. Дети таких иммигрантов становятся полноценными гражданами, в то время как дети той же расы, воспитывающиеся в городах, пополняют ряды хулиганов, бродяг и преступников.

Читатель, должно быть, заметил в предыдущих статистических оценках поразительное преобладание негров в рядах преступников. Его доля среди заключенных взрослых мужчин (13 219 на миллион) в четыре раза больше, чем среди местных жителей, и более чем в два раза больше, чем среди иностранцев, в то время как среди мальчиков его доля в североатлантических штатах (17 915 на миллион) в десять раз больше, чем среди соответствующих местных жителей, и в четыре раза больше, чем среди иностранцев.

Негры, возможно, страдают от дискриминации в количестве арестов и приговоров по сравнению с белыми, но важно, что в пропорции к общему числу заключенных негров в северных штатах почти вдвое больше, чем в южных. Здесь снова сказывается городская жизнь, ведь северные негры в основном скапливаются в городах, в то время как южные негры остаются в деревне.

Если бы позволило место, было бы интересно проследить за несколькими расами по различным классам преступлений, отмечая относительную серьезность их правонарушений и обращая внимание на женщин-правонарушителей. Здесь можно подробно остановиться только на одном классе преступлений, а именно на публичном опьянении. Несмотря на то, что это преступление классифицируется как преступление, оно граничит с нищенством и психическими заболеваниями, а его крайняя распространенность указывает на то, что данная раса не преодолевает деградирующих последствий конкуренции и городской жизни. Статистические данные из Массачусетса показывают, что пьянство преобладает в наибольшей степени в порядке преобладания среди ирландцев, валлийцев, англичан и шотландцев, а в наименьшей - среди португальцев, итальянцев, немцев, поляков и евреев. Итальянцы занимают первое место в списках заключенных благодаря своим преступлениям, связанным с насилием, и очень незначительно - из-за опьянения, хотя последнее среди них растет. В южных штатах бедствия пьянства среди негров были настолько серьезными и сопровождались такими вспышками насилия, что политика запрета на торговлю спиртным была проведена дальше, чем в любой другой части страны. Вероятно, три четверти негров Юга живут в округах, где действует запрет, и если бы не отцовские ограничения, налагаемые такими законами, падение негритянской расы, без сомнения, значительно опередило бы скорость, которой она достигла на самом деле.

Помимо преступлений, которые проистекают из расовых тенденций, существует особый класс преступлений, проистекающих в основном из расовых предрассудков и ненависти. Это линчевание и насилие толпы. Соединенные Штаты представляют собой парадокс нации, где уважение к закону и конституционным формам одержало самые значительные победы, но где согласованное нарушение закона получило самое широкое распространение. По странной инверсии мысли, преступление, совершенное совместно многими, - это не преступление, а торжество справедливости, так же как преступление, совершенное властью нации, - это не преступление, а добродетель. Такие преступления не были постоянными, но иногда возникали на фоне острого расового антагонизма. В 1850-1855 годах, когда среди религиозных и патриотически настроенных американцев преобладало возбуждение против вновь прибывшего потока иммигрантов из Европы и Азии, в городах Бостон, Нью-Йорк, Питтсбург, Цинциннати, Луисвилл и Балтимор царили такие беззакония и бесчинства, каких еще никогда не было.^[100] Они утихли или изменили свою направленность под влиянием надвигающегося кризиса рабства, а сама Гражданская война стала грандиозным прибегаем Юга к насилию в вопросе расового господства. Начиная с восстаний Куклукс и Уайткэп в семидесятых годах, власть толпы вернула негров в состояние подчинения, но порожденный ею дух беззакония продолжал проявляться в ежегодном линчевании от пятидесяти до ста пятидесяти негров, подозреваемых или осужденных за самые ужасные преступления.^[101] Это преступление толпы не ограничивалось Югом, оно распространилось на Север и стало почти общепринятым кодексом процедуры по всей стране, где негры подвергаются ужасному обвинению. В северных случаях эта месть толпы иногда обрушивается на всю расу, потому что на Севере негр более решителен и защищает своего обвиняемого брата. Но на Юге толпа обычно, хотя и не всегда, останавливается на мести отдельным виновным или якобы виновным, поскольку раса в целом уже подавлена.

Другие расы страдают от рук толпы, например китайцы в Вайоминге и Калифорнии от рук американских шахтеров, итальянцы в Луизиане и Калифорнии от рук горожан и рабочих, словаки и поляки в Латимере, штат Пенсильвания, от рук толпы ополченцев. С ростом организованного труда эти расовые бунты и расстрелы ополченцев становились все более многочисленными, часто возникая в результате попыток более старой расы рабочих вытеснить с рабочих мест более новую и отсталую расу или попыток работодателей уничтожить недавно созданные профсоюзы этих иммигрантских рас. Многие забастовки сопровождаются зарождающейся расовой войной, когда работодатели пытаются заменить одну расу на другую, ирландцев, немцев, местных белых, итальянцев, негров, поляков и так далее. Даже длинная серия преступлений против индейцев, к которой, похоже, без протеста приклеился термин "Век бесчестия", должна рассматриваться как дух толпы высшей расы, стремящейся уничтожить презируемую и низшую расу. То, что неистовый дух толпы, будь то забастовки, паническое ополчение, резня индейцев или гражданская война, так часто чернил лицо нации, искренне преданной закону и порядку, - одно из наказаний за эксперименты по решению проблемы политического и экономического равенства на материале, отмеченном крайним расовым неравенством.

Бедность и нищенство. До 1875 года законы Соединенных Штатов не налагали запрета на иммиграцию нищих из иностранных стран, и только после того, как в 1891 году федеральное правительство забрало у штатов управление этим законом, запреты существующего закона стали достаточно эффективными. С того года ежегодно отстранялись от работы, как способные стать общественными обвинениями, от 431 до 7898 приезжих, причем последнее число было отстранено в 1905 году. В дополнение к тем, кто был лишен права высадки, ежегодно возвращались в течение одного-трех лет после высадки от 177 до 845 иммигрантов, многие из которых уже стали государственными служащими. Из этих данных

видно, что до 1891 года иммиграционные власти могли и вполне вероятно принимали многие тысячи нищих и потенциальных нищих, и, следовательно, доля нищих среди иностранных иммигрантов должна быть больше, чем в последующие годы. В прежние годы в зарубежных странах, особенно в Великобритании, действовали систематические меры по содействию депортации нищих в Соединенные Штаты, и поэтому неудивительно, что, если не принимать во внимание расовые особенности, в эту страну должно было прибыть большее число ирландских нищих, чем представителей любой другой национальности. С тех пор как этот вывоз был прекращен, в приют попадают не столько настоящие, сколько потенциальные нищие. 96 процентов нищих в богадельнях прожили в этой стране десять лет и более, что свидетельствует о том, что законы об исключении все еще несовершенны, поскольку в них поступает большое количество людей с плохим телосложением. Взяв отчеты переписи населения за 1904 год и ограничив наше внимание североатлантическими штатами, где дети, как правило, содержатся в отдельных учреждениях, мы можем вычислить следующие относительные масштабы нищенства среди мужчин:-

Мужчины, живущие в богадельнях, на миллион избирателей, Североатлантические штаты, 1904 г.

Коренные белые, коренные родители	2,360
Коренные белые, родители-иностранцы	2,252
Иностранные белые	5,119
Цветные	4,056

Здесь мы видим аналог оценок преступности, поскольку среди уроженцев иностранного происхождения доля нищих меньше, чем среди уроженцев коренного происхождения, в то время как сами уроженцы иностранного происхождения более чем вдвое превышают относительное количество нищих среди коренного населения, а цветных нищих почти вдвое больше, чем среди коренного населения.

Бюро переписи населения также приводит расчеты, показывающие вклад представителей разных рас и национальностей в содержание приютов для умалишенных и благотворительных учреждений.^[102] В целом оказывается, что иностранцы и негры превосходят коренных жителей по своему бремени для общества. В отчете Министерства труда, имеющем большое значение и ценность, кстати, имеющем отношение к этому вопросу, показаны промышленные и социальные условия жизни итальянцев в Чикаго. Согласно этому отчету, средний заработок итальянцев в этом городе в 1896 году составлял \$6,41 в неделю для мужчин и \$2,11 в неделю для женщин, а среднее время безработицы среди наемных работников составляло более семи месяцев. В другом отчете Министерства труда говорится, что население трущоб в городах Балтимор, Чикаго, Нью-Йорк и Филадельфия в 1893 году не имело работы три месяца в год. При зарплате в один доллар в день и занятости всего пять месяцев в году удивительно, что итальянцы Чикаго в период депрессии не были в огромном количестве брошены на помощь обществу. Однако, учитывая строгое соблюдение законов об исключении, приводящее к депортации более 2000 итальянцев в год как способных стать общественными обвиняемыми, вполне вероятно, что иммигранты этой расы, несмотря на низкое телосложение, бедность и уровень жизни, достаточно хорошо отсеяны от настоящих нищих.

ГЛАВА VIII

ПОЛИТИКА

Американская демократия возникла на основе теории равенства. И ни одно слово не было использовано и использовано более странно. Существует монархическая идея равенства, и мистер Мэллок задает вопрос, когда дает название "Аристократия и эволюция" книге о необходимой роли великих людей. Несомненно, в переводе с греческого аристократия означает "правление лучших", но в истории она означает правление, основанное на привилегиях рождения и земельной собственности. Демократия может быть в филологии "правительством толпы", но в политике и промышленности она давала возможность великим людям без крови и собственности. Г-н Мюнстерберг также видит распад американской демократии и реакцию на аристократию в том, что реформа государственной службы заняла видное место, что деловым способностям отдается предпочтение, что богатству отдается предпочтение, а Филиппины завоевываются^[103]. Но реформа государственной службы - это лишь средство открыть дверь для заслуг, которая была закрыта привилегиями. В Англии она была средством, с помощью которого меркантильные классы пробивались к должностям, занятым младшими сыновьями аристократии^[104]. В Америке она является неловким средством допуска способностей, где бы они ни обнаруживались, к должностям, захваченным политическими узурпаторами. Она пришлась по душе американской демократии только тогда, когда ее сторонники научились называть ее не "реформой государственной службы", а "системой заслуг". Что касается поразительной силы простого богатства в американских делах, то свидетельство другого английского наблюдателя основано на более глубоких наблюдениях, когда он говорит: "Даже тиранию трестов нельзя сравнивать с тиранией лендлордизма; ибо первая считается лишь несчастным и (хочется надеяться) временным отклонением хорошо продуманного социального механизма, а вторая, кажется, вросла в самую кость национального существования"^[105].

Чувство разочарования вызывает завоевание Филиппин и обращение с ними. То, что война, развязанная из сочувствия к угнетенному острову по соседству, должна была потрясти незаметный архипелаг за океаном, воспринималось с детским ликованием как неожиданная награда за добродетель. Но серьезные размышления последовали после того, как мы увидели, что эти острова добавили еще одну расовую проблему к тем многочисленным, которые мешали демократии. Только плутократия, возникшая на почве расовых противоречий внутри страны, может извлекать выгоду из расового отчуждения за рубежом, а единственная альтернатива расовому отчуждению - равное представительство в Конгрессе. Но допустить другую расу к партнерству без надежды на ассимиляцию - значит отвергнуть опыт. Независимость или уступка Японии - это самосохранение американской демократии.

Другая идея равенства - социалистическая. Увлеченные "экономической интерпретацией истории", они упускают из виду расовую интерпретацию. Разрешая и поощряя плутократию, они надеются, что когда условия станут невыносимыми, лишенные собственности массы возьмут власть в свои руки. Но "массы" не справятся с этой задачей. Привилегированное богатство слишком хорошо знает, как перекупить или продвинуть своих лидеров, как ослабить их внутренними разногласиями, как настроить расу против расы. В большинстве случаев неопытный деспотизм масс хуже, чем гладкий деспотизм богатства. Правительство

Юга, управляемое неграми, правительство Сан-Франциско, управляемое "рабочими", попали в руки "ковровщика" и "босса". Оказавшись у власти, внутренние распри и ревность, борьба за должности или расовый антагонизм разрушают правителей, и реакция отбрасывает их назад еще более беспомощными, чем прежде. Люди не равны, как не равны расы и классы. Истинное равенство приходит через равные возможности. Если отдельные люди идут вперед, их раса или класс возвышаются. Они становятся выразителями, защитниками, примерами. Ни одна раса или класс не могут подняться без своих лидеров. Если их принимают на равных с другими лидерами, будь то в церковных советах, законотворческих органах города, штата и страны или на конференциях работодателей по вопросам заработной платы, они получают возможность пользоваться заслуженным вниманием, которое оправдывают их способности. Они обеспечивают своим последователям равные возможности, на которые те имеют право.

Именно эта политическая проблема вытекает из присутствия расы и иммигрантов. В условиях, когда они допускаются к избирательному праву на основании простого мужского достоинства, вдохновленного щедростью, неизвестной жителям любой другой страны, механизм представительного правления, унаследованный от Англии, по какой-то причине не позволяет свободно выбирать лидеров. Трудности можно наблюдать в городах, где эта система впервые была разрушена. Представителям разных рас и национальностей, живущим в одном районе, предлагается выбирать олдерменов и других должностных лиц большинством голосов. Ни одна из национальностей не имеет большинства, но каждая составляет свой список кандидатов. Национальность, имеющая простое большинство голосов, избирает всех своих кандидатов, а другие национальности - большинство избирателей - оказываются непредставленными. Это крайний случай, который не часто допускается. Но единственным средством предотвращения этого является "начальник отделения". Босс возникает из ситуации так же неизбежно, как выживает сильнейший. А самый приспособленный - это ирландец. Ирландец выше всех рас обладает сочетанием изобретательности, стойкости, человеческой симпатии, товарищества и смелости, что делает его объединителем рас. Он примиряет их всех, выдвигая билет, по которому проницательно распределяются должности; и из этого вавилонского столпотворения его "шифер" получает большинство.

Проблема босса не так проста. В его округе могут быть деловые люди на холме и негры вдоль канала. Если выдвинуть делового человека, то он потеряет голоса негров, а если выдвинуть негра, то он потеряет голоса деловых людей. Он выбирает некое промежуточное звено и на следующих выборах заменяет его другим. Представитель становится инструментом в руках босса. Босс продает свою власть корпорациям, спекулянтам франшизами и нарушителям закона. Представительная демократия превращается в боссократию на службе у плутократии. Система избирательных округов хорошо работала, когда избирательное право было ограничено. Тогда деловые люди беспрепятственно избирали своего бизнесмена. Но система, разработанная для ограниченного избирательного права, ломается при всеобщем избирательном праве. Если бы границы избирательных округов были упразднены, если бы деловые люди могли собраться вместе, независимо от места жительства, и избрать своего избранника без необходимости большинства голосов, если бы негры и другие расы и классы сделали то же самое, тогда каждый был бы действительно представлен своими естественными лидерами. Так происходит не только в городах, но и в округе, штате и стране. Всеобщее избирательное право, клановость рас, социальных классов, разнообразие интересов, кажется, объясняют и оправдывают присутствие партийной "машины" и ее босса. В противном случае расы, классы и интересы находятся в беспомощном конфликте и анархии. Но истинное объяснение - устаревшая система плюралистического

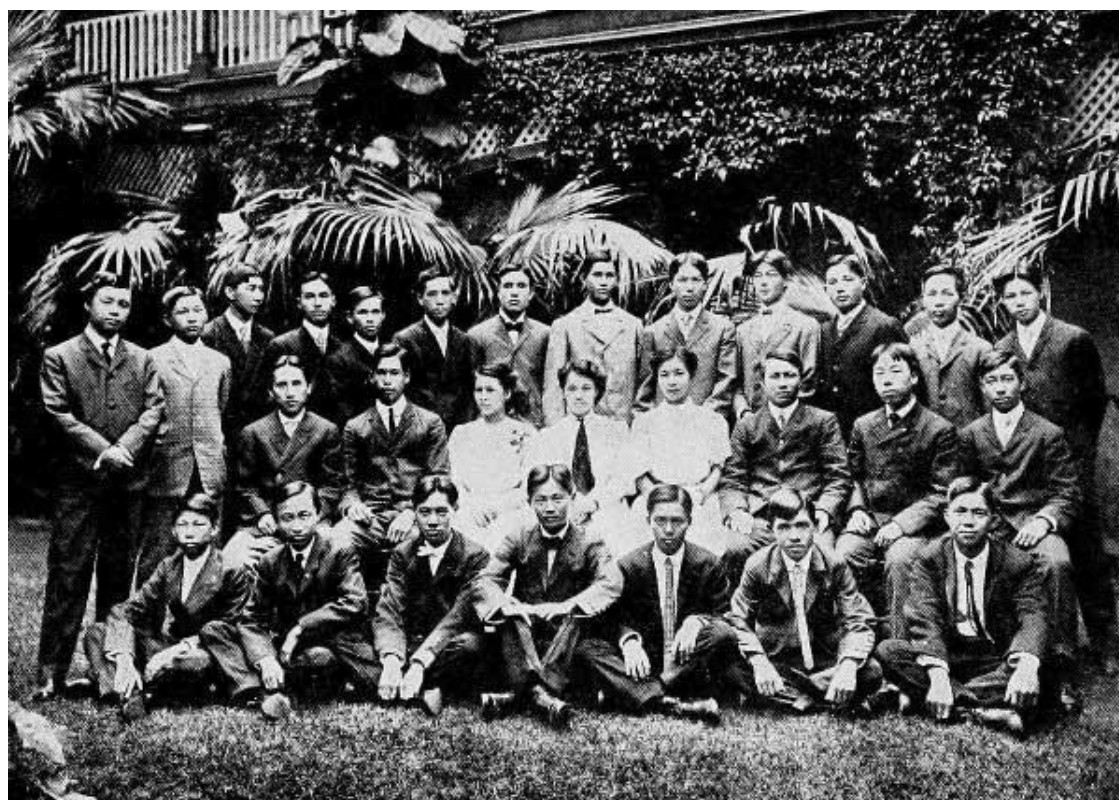
представительства в округах и палатах, принятая, когда избирательным правом обладала только одна раса, класс или интерес. Формы правления - это суть правительства, несмотря на то, что говорит поэт. Аристократическая форма с демократическим избирательным правом - это плутократическое правительство. Бельгия и Швейцария показали, что демократическая форма возможна и практически осуществима. Пропорциональное представительство вместо представительства по округам является следствием всеобщего избирательного права, которое эти страны разработали в качестве модели для других.^[106] Эта модель особым образом адаптирована к стране с многообразием национальностей, интересов и классов. Расы и иммигранты в Америке не опровергли демократию - они доказали необходимость большей демократии.

Это видно и по различию между людьми и мерами. Часто отмечается, что на американских выборах избиратели больше заинтересованы в голосовании за кандидатов, чем в голосовании по вопросам. Кандидат вызывает личный и конкретный интерес, а вопрос абстрактен и сложен. Кандидат требует полного голосования, а вопрос решается частичным голосованием.

Это различие отчасти является результатом организации. У кандидата есть политическая партия, средства на избирательную кампанию и личные работники для привлечения голосов. У вопроса есть только его достоинства и недостатки. Не менее важным в американских условиях является расовая или национальная принадлежность кандидата. Эта особенность часто скрывается благодаря изобретательности политических менеджеров, выдвигающих билет, в котором "признаны" несколько национальностей. Но с недавним развитием движения за отмену партийных съездов и выдвижения кандидатов непосредственно на праймериз расовые предрассудки избирателей дают о себе знать. Национальности выстраиваются в очередь за своей национальностью, а политические и экономические вопросы отходят на второй план. Совсем другое дело, когда они голосуют непосредственно по этим вопросам. Жизненно важные вопросы политики, промышленности, корпораций и монополий, которые угрожают стране, если на них не будет правильного ответа, перечеркивают все национальные различия. Немецкий фермер, фабрикант, наемный работник, торговец, капиталист и монополист могут объединиться, чтобы избрать популярного немца на пост, но они не объединятся, чтобы дать корпорации монополию. То же самое можно сказать и о других национальностях. Везде, где референдум проходил честную проверку - в Чикаго, Детройте, Орегоне и других местах, - здравые суждения всех рас одержали верх над предвзятостью, предубеждением или расовой ревностью. Никто не может претендовать на первенство, потому что все проявили свою долю патриотизма, интеллекта и уважения к равным правам. Благодаря автоматическому самоустранению невежественные, развращенные и равнодушные представители всех рас сами себя уничтожают, не принимая участия в голосовании. Вместо того чтобы отвергать референдум на том основании, что избиратели заботятся в основном о людях, а не о мерах, следует принять референдум на том основании, что он позволяет решать вопрос тем, кто заинтересован в мерах. Те, кто недостаточно заинтересован, чтобы голосовать, тем самым заявляют, что их устраивает, какая бы сторона ни победила. Инициатива и референдум - это, прежде всего, конкретное средство от бед всеобщего избирательного права и конфликтов между национальностями. Расовый антагонизм проистекает из личностных качеств, расовая сплоченность - из общности интересов. Голосование за кандидатов усиливает антагонизм, а голосование по мерам способствует общности интересов.

Действительно, есть некоторые виды мер, которые разжигают расовый антагонизм. Но самые острые из них, к счастью, уже устранены. Более сильным, чем любой другой источник

разногласий, является религиозная вера. Религиозные различия в Америке носят не столько теологический, сколько расовый характер. Иудаизм евреев, протестантизм англичан и колониальных американцев, лютеранство немцев, римский католицизм ирландцев, итальянцев и славян, греческий католицизм других славян - все это свидетельствует об истории и психологии рас. Дальновидны были наши отцы, отделившие церковь от государства. Если бы народ облагался налогом для поддержки религии, каждые выборы были бы соревнованием рас. Все остальные вопросы стали бы второстепенными, а демократия - невозможной. Но если религию отдать на откуп частным лицам, каждая раса может по своему усмотрению культивировать ту свою особенность, которой она фанатично придерживается, но которая наиболее отталкивает другие расы, объединяясь при этом с другими в том, что наиболее важно для демократии. Религиозная свобода - это не просто частное право, это американская необходимость.

Китайские студенты, Гонолулу
(Из газеты *The Independent*)

Другим классом мер, частично проходящих по расовым линиям, являются законы о суммировании, особенно те, которые регулируют работу салунов и соблюдение воскресного дня. В южных штатах запрет салунов - это в основном расовая дискриминация и расовая защита. На Севере это часто американское пуританство в деревне против европейского либерализма в городах. Здесь референдум проявляет себя как примиритель национальностей. Ни по одному другому вопросу народное голосование не использовалось

так часто. Этот вопрос близок к привычкам и страстям масс. Он имеет приоритет перед всеми другими, кроме религии, но от него нельзя уклониться, как от религии. Если вопрос решают законодательные и исполнительные органы, то немец или ирландец к своему решению избрать конационалиста добавляет жажду избрания кандидата с такими же привычками, как у него самого. Но если предоставить право народного голосования, вопрос о салунах отделяется от выбора кандидатов, и на первый план выходят другие проблемы. Голосование большинством голосов также успокаивает меньшинство всех рас, когда действия законодательного органа оставляют подозрения в нечестном использовании преимуществ непредставительными политиками. В силу сложившейся ситуации референдум был использован для того, чтобы убрать проблему салунов и свою часть расовой проблемы "из политики". Этот урок применим везде, где раса или национальность вступают в конфликт с демократией. Если вопросы религиозных убеждений устранены конституцией, а вопросы личных привычек - референдумом, то другие вопросы расового антагонизма будут устранены инициативой и референдумом[107].

Избирательное право... Кульминация либерализма в предоставлении избирательного права всем расам и условиям была достигнута пятнадцатой поправкой в 1869 году. К тому времени не только негры получили право голоса, но и почти десятки западных и южных штатов и территорий предоставили право голоса иностранцам. Эти штаты были настолько либеральны в отношении иммигранта, что разрешали ему голосовать, как только он заявлял о своем намерении получить документы о натурализации. Это заявление, согласно федеральному закону, должно быть сделано не менее чем за два года до получения документов, но может быть сделано сразу после того, как иммигрант высадился на берег. Таким образом, в некоторых из этих штатов он мог голосовать сразу же после получения законного места жительства, то есть за четыре или четыре с половиной года до получения гражданства. Несколько штатов недавно изменили эти законы, но осталось девять, которые продолжают принимать иностранцев в качестве избирателей.

В восточных штатах такое великодушие не предоставляется по закону, а практикуется путем мошенничества. Документы о натурализации выдаются федеральными судами и судами штатов. Закон предоставляет судье большую свободу действий, поскольку он обязан отказать в выдаче сертификата, если не убедится, что иностранец обладает хорошими моральными качествами, привержен Конституции и хорошо настроен. Но судьи настолько небрежны или перегружены, что редко осматривают заявителей. На самом деле политические менеджеры имеют право распоряжаться судьями и могут привести своих иммигрантов в суд, который закроет на это глаза. Таким образом были получены многие тысячи поддельных документов, которые начали в то самое время, когда в 1802 году был принят закон о натурализации, но за последние сорок лет их число чрезвычайно возросло.[108]

Наконец, в 1906 году Конгресс принял закон, передающий Бюро иммиграции контроль над натурализацией. Цель закона - привести все суды к единой практике, обеспечить полный учет и средства идентификации, установить гласность, дать правительству возможность выступать в суде и противостоять мошеннической натурализации, а также ввести суровые наказания.[109] Закон также добавляет кое-что к требованиям, предъявляемым к иностранцу. Он не должен быть анархистом или полигамистом, а также приверженцем подобных доктрин; он должен владеть английским языком и намереваться постоянно проживать в Соединенных Штатах.[110] Языковое ограничение затрагивает немногих, поскольку в 1900 году только 3,3 процента натурализованных иностранцев-мужчин избирательного возраста не владели английским языком.[111] Намерение постоянно

проживать, как и вся мера, призвано устранить злоупотребления иностранцев, получающих гражданство для того, чтобы вернуться на родину и бросить вызов своему законному правительству. С административной точки зрения этот закон имеет большое значение. Он знаменует собой серьезное начало со стороны федерального правительства по защите гражданства, которое за поколение до него было так либерально даровано.

Существуют определенные расы, которым закон запрещает натурализацию. В течение почти семидесяти лет закон по этому вопросу, принятый в 1802 году, допускал к гражданству только свободных белых людей. В 1870 году в него были внесены поправки, согласно которым в гражданство принимались "иностранцы африканской национальности и лица африканского происхождения". Но другие цветные расы не принимались, поэтому китайский, японский или малайский иммигрант никогда не имел права на гражданство. Однако его дети, родившиеся в этой стране, являются гражданами и не могут быть лишены права голоса по причине расы или цвета кожи. Индейцы, живущие в племенах, являются иностранцами, но если они признают свое подданство, платя налоги или разделив свою землю поровну, они становятся гражданами и избирателями.

Среди иммигрантских рас, имеющих право на гражданство, их значение как возможных избирателей выше, чем их доля в населении. Это объясняется тем, что мужчины и мальчики приезжают в большем количестве, чем женщины и дети. Десять миллионов иностранцев дают 5 000 000 мужчин избирательного возраста, но 66 000 000 коренных жителей дают только 16 000 000 мужчин избирательного возраста. Другими словами, половина иностранцев и только четвертая часть коренных жителей являются потенциальными избирателями. Но не все потенциальные избиратели становятся реальными избирателями. При общем количестве в 21 000 000 человек соответствующего пола и возраста в 1900 году только 15 000 000 пришли на избирательные участки. Соотношение составляет пять из семи. Два миллиона негров были исключены, а 1 400 000 иностранцев, родившихся за границей, еще не натурализовались. Таким образом, остается 2 600 000 местных жителей и иностранцев, которые могли бы проголосовать, но не сделали этого. Иностранцы, которые получают документы о гражданстве, делают это в основном для того, чтобы проголосовать. Две трети из них сделали это или заявили о своем намерении в 1900 году.^[112] Вероятно, доля коренных белых, которые не голосовали, составляет 15 процентов от их общего числа, а доля иностранцев, которые не голосовали или не могли голосовать, - более 40 процентов.

Но эта пропорция сильно различается между разными расами. Это не столько разница в желании, сколько в возможностях. Для натурализации требуется пять лет, и если 40 процентов тех, кто прожил здесь от шести до девяти лет, не заявили о своем намерении и не забрали документы, то только 7 процентов тех, кто прожил здесь двадцать лет, сохраняют верность иностранным правительствам.^[113] Это относительно увеличивает политический вес тевтонской и кельтской рас, которые являются самыми древними по времени иммиграции, и относительно уменьшает вес итальянской, славянской и еврейской рас. Приведенные ниже цифры наглядно показывают это. В таблице показана доля иностранцев, которые остаются иностранцами в том смысле, что они не получили гражданства и не заявили о своем намерении сделать это. Только 7-13 процентов иностранцев из Северо-Западной Европы являются иностранцами, по сравнению с 35-60 процентами иностранцев из Восточной и Южной Европы. Со временем эти различия уменьшатся, и итальянец и славянин приблизятся к ирландцу и немцу в своей доле американского избирательного права.

Процент иностранцев среди мужчин иностранного происхождения, достигших избирательного возраста^[114]

Уэльс	7.1
Германия	8.3
Норвегия	9.7
Ирландия	10.1
Дания	10.3
Голландия	11.6
Швеция	11.9
Шотландия	12.5
Богемия	12.6
Англия	12.9
Канада, английский	21.1
Россия (в основном евреи)	35.2
Канада, французы	38.5
Финляндия	38.6
Австрия (в основном славяне)	44.6
Португалия	51.6
Италия	53.0
Венгрия (в основном славяне)	53.1
Греция	57.8
Австрия, Польша	61.6

Право голоса не является "неотъемлемым", как и право на жизнь или свободу. Правительства предоставляют их, отказывают в них и отбирают. В Америке это означает правительства штатов. Федеральное правительство лишь декларирует, что штаты должны соблюдать "надлежащую правовую процедуру" и не допускать дискриминации по признаку расы, религии или подневольного состояния. Разрешая право голоса, они могут дискриминировать и по другим признакам, таким как мораль, неграмотность, интеллект, собственность и пол. Это может привести к расовой дискриминации или дискриминации иммигрантов, что и происходит в случае с неграмотностью и интеллектом. После ирландской иммиграции сороковых годов прошлого века Коннектикут в 1855 году и Массачусетс в 1857 году отказались впредь предоставлять право голоса тем, кто не умеет читать Конституцию. С 1889 года шесть других северных и западных штатов - Вайоминг, Мэн, Калифорния, Вашингтон, Делавэр и Нью-Гэмпшир, в названном порядке, - возвели барьеры против тех, кто не может читать или писать на английском языке или по Конституции.^[115] Шесть южных штатов сделали то же самое, но один из них, Миссисипи, добавил еще один постоянный барьер - интеллект. Предполагается, что он измеряется способностью "понимать" Конституцию в том виде, в каком ее читает белый человек. Южные штаты также добавили пункты о бродяжничестве, налоге на голосование и собственности, еще более исключительные, чем чтение и письмо.^[116] Федеральные суды отказались вмешиваться, потому что эти ограничения в их юридической форме одинаково действуют на белых и черных. Если на практике они неравнозначны, то это дело судов штатов^[117].

Отобрать избирательное право у многих из тех, кто им пользуется, мирным путем невозможно в рамках нашей системы. Но избирателей, которые твердо держатся за эту привилегию для себя, можно побудить лишить ее следующее поколение. Именно таким

образом обычно вводились вышеупомянутые ограничения. Массачусетс подал пример, сохранив всех, кто мог голосовать на момент принятия теста, и сделав исключение применимым только к тем, кто пришел позже. Южные штаты сделали то же самое с помощью "дедушкиных" и "понимающих" оговорок. При любом из этих методов с течением времени льготные избиратели исчезают в результате смерти или перемещения, а ограничения в полной мере распространяются на последующее поколение[118].

Влияние образовательного теста на избирательное право уроженцев других стран не так велико, как можно было бы предположить. Натурализация сама по себе является почти образовательным тестом. Только 6,3 процента натурализованных иностранцев неграмотны, но 28 процентов тех, кто остается иностранцами, не умеют читать. В Бостоне только 2 процента лишены права голоса из-за неумения читать по-английски, хотя среди иностранцев таких 22 процента. Вероятно, образовательный ценз в Массачусетсе влияет на эти пропорции, уменьшая побуждение к натурализации, но в Чикаго и Нью-Йорке, где этот ценз не требуется, едва ли более 5 процентов натурализованных были бы неспособны голосовать по такому закону, по сравнению с менее чем 1 процентом местных избирателей.[119] В целом по стране диспропорция не так велика. Пять и восемь десятых процента сыновей местных родителей были бы исключены в результате образовательного теста против 6,3 процента натурализованных иностранцев и только 2 процентов местных сыновей иностранцев. В нескольких южных штатах тест, если он будет применяться одинаково, исключит от 6 до 20 процентов белых избирателей и от 35 до 60 процентов цветных избирателей.[120] В таком южном городе, как Мемфис, он исключит 1 процент белых и 38 процентов цветных.

По стандартам демократии, умение читать и писать на английском языке - это достойная квалификация. Это, пожалуй, максимум того, что можно требовать, поскольку проверка способности понимать прочитанное и написанное открывает двери для предвзятости и расовой дискриминации. Однако именно интеллект делает избирательное право инструментом защиты, и отказ в этом инструменте тому, кто им пользуется, не является ущемлением прав. Квалификация грамотности - это тот критерий, который можно приобрести путем усилий. Другие тесты, особенно имущественный ценз, являются утверждением неравенства. Однако нет ничего странного в том, что на коррумпированные и неэффективные правительства, которые сопровождали всеобщее избирательное право, последовала реакция. Она не всегда выражалась в политике ограничения избирательного права, поскольку этого можно добиться с большим трудом. Скорее, она проявилась в том, чтобы вывести правительство из-под контроля избирателей, насколько это возможно. Так называемая "теория бизнеса", которая так часто применяется при реформировании городских органов власти, превратила город, насколько это возможно, в модель частной корпорации с ее генеральным менеджером - мэром. Город был лишен своих надлежащих функций, и они были переданы частным лицам. Но эта реакция, похоже, достигла своего предела. Теперь понятно, что это было просто юридическое признание зарождающейся плутократии, утверждающейся под формами демократии. Началось возвратное движение, и спасение демократии, как уже говорилось, ищется в формах и функциях правительства, еще более демократичных.

Как выглядит плутократия, прошедшая начальную стадию, можно увидеть на Гавайях.[121] Мы словно аннексировали эти острова, чтобы наблюдать на собственном заднем дворе плоды чрезмерной иммиграции. При населении в 154 000 человек 65 000 гавайцев, португальцев и других выходцев с Кавказа. Китайцы, японцы и корейцы составляют 87 000 человек и не имеют права голоса. Американский контингент составляет около 17 000 душ и

3000 голосов. Последние представляют четыре класса или интереса: капиталисты-плантаторы, владеющие двумя третями собственности; суперинтенданты, инженеры и бригадиры, управляющие трудом на плантациях; квалифицированные механики; мелкие работодатели, торговцы и фермеры. Чтобы получить рабочую силу для плантаций и сохранить предложение слишком большим и диверсифицированным для согласованных требований по заработной плате, плантаторы импортировали контрактных китайцев вместо гавайцев, затем японцев, затем корейцев. По мере того как каждая раса повышала свой уровень и независимость, она покидала плантации, чтобы заняться торговлей, производством и торговлей. Она вытесняет наемных работников из менее квалифицированных профессий, затем из более квалифицированных, затем из мелких производителей, подрядчиков и торговцев. Американские средние классы исчезают, частично за счет эмиграции в Калифорнию, частично за счет отказа от бизнеса и полагаясь на стоимость недвижимости, которая растет в результате конкуренции низких стандартов заработной платы и прибыли, а частично за счет того, что они прикрепляются к наиболее высокооплачиваемым должностям, предлагаемым плантаторами. По мере того как они продвигаются вверх по шкале за счет иммигрантов, занимающих более низкие должности, они переносят свою верность с демократии на плутократию. Сами плантаторы оказываются в замкнутом круге. Растущая стоимость их земли поглощает высокий тариф на сахар и препятствует росту заработной платы, если эта стоимость должна поддерживаться. Японцы, у которых отменен контрактный труд, проявляют склонность к забастовкам с целью повышения заработной платы. Это привело к росту прибыли, а возникшая "нехватка рабочей силы" вынуждает плантаторов снова обращаться к китайским кули по контракту. Таким образом, иммиграция является лишь временным средством для борьбы с профсоюзными поборами и неосвоением ресурсов. Иммиграция требует все большего и большего, пока в результате плутократия не пытается спастись за счет подневольного труда. Умеренное количество иммигрантской рабочей силы, ассимилированной и впитанной в политическое тело, стимулирует промышленность и прогресс, но чрезмерное и неудобоваримое количество приводит к поиску принудительных средств и заканчивается стагнацией промышленности. Предполагалось, что защитный тариф будет способствовать развитию свободного американского труда, но в результате неограниченной иммиграции на Гавайях мы получили американскую плутократию.

ГЛАВА IX

СЛИЯНИЕ И АССИМИЛЯЦИЯ

Один немецкий статистик, [122] изучив статистику населения Соединенных Штатов и наблюдая "расовое самоубийство" коренного американского населения, заключает: "Вопрос об ограничении иммиграции - это не вопрос более высокой или более низкой заработной платы, не вопрос большего или меньшего количества преступников и идиотов, но исключение значительной части иммигрантов может стоить Соединенным Штатам их места среди мировых держав".

Совершенно противоположное мнение высказал в 1891 году Фрэнсис А. Уокер,^[123] ведущий американский статистик своего времени, руководитель переписей населения 1870 и 1880 годов. Он сказал: "Иностранная иммиграция в эту страну с того момента, как она впервые приняла большие размеры, была не усилением нашего населения, а заменой местных жителей иностранными. Американец уклонялся от навязанной ему промышленной конкуренции. Он сам не желал заниматься самым низким видом поденного труда с этими новыми элементами населения; еще больше он не желал приводить в мир сыновей и дочерей для участия в этой конкуренции..... Чем быстрее иностранцы прибывали в Соединенные Штаты, тем меньше был темп прироста, причем не только среди коренного населения в отдельности, но и среди всего населения страны в целом", включая потомков ранних иностранных иммигрантов.

Утверждения Уокера о фактах, что бы мы ни говорили о его объяснениях, легко подтвердить. С самых ранних колониальных времен и до переписи 1840 года население Соединенных Штатов размножалось быстрее, чем население любой другой современной страны, не считая плодородных франко-канадцев. Первые шесть переписей, начиная с 1790 года, показывают, что без заметной иммиграции население удваивалось каждые двадцать лет, и если бы этот темп роста сохранялся до настоящего времени, то потомки колониального белого и негритянского населения в 1900 году насчитывали бы 100 000 000 человек вместо 76 000 000 колониальных, иммигрантских и негритянских. Действительно, если мы возьмем общий объем иммиграции с 1820 по 1900 год, превышающий 19 000 000 человек, и применим немного более высокий, чем средний, коэффициент прироста от рождений, мы обнаружим, что в 1900 году половина белого населения была получена от иммигрантов, а другая половина, или 33 000 000 белых, была получена от колониального населения.^[124] Это едва ли больше одной трети того числа, которое следовало бы ожидать, если бы колониальный элемент продолжал умножаться с 1840 по 1900 год так же, как он умножался с 1790 по 1840 год.

Интересным подтверждением этих предположений является прогноз, сделанный в 1815 году, за тридцать лет до великого переселения XIX века, математиком и публицистом Элканахом Уотсоном.^[125] На основе прироста, показанного в первых трех переписях, он рассчитал вероятное население для каждого года переписи до 1900 года, и я составил следующую таблицу, показывающую фактическое население в сравнении с его оценками. Суперинтендант Уокер в цитированном выше очерке использует цифры Уотсона и указывает на тот примечательный факт, что эти прогнозы не превышали одного процента от фактического населения до 1860 года, хотя за это время прибыло около 5 000 000 иммигрантов, которых Уотсон не мог предвидеть. Таким образом, население 1860 года, несмотря на доступ миллионов иммигрантов, было всего на 310 000 человек, или на один процент меньше, чем предсказывал Уотсон. А с 1860 года падение было еще более значительным, так как, несмотря на иммиграцию 20 000 000 человек с 1820 года, население в 1900 году составило 75 000 000 человек, или на 25 процентов меньше, чем рассчитывал Уотсон.

НАСЕЛЕНИЕ И ИММИГРАЦИЯ

	Население (Перепись населения)	Уотсон Оценка	Уотсона Ошибка	Иностранцы Иммиграция за десятилетие
1790	3,929,214			

1800	5,308,483			50,000
1810	7,239,881			70,000
1820	9,633,822	9,625,734	-8,088	114,000
1830	12,866,020	12,833,645	-32,375	143,439
1840	17,069,453	17,116,526	+47,073	599,125
1850	23,191,876	23,185,368	-6,508	1,713,251
1860	31,443,321	31,753,825	+310,503	2,598,214
1870	38,558,371	42,328,432	+3,770,061	2,314,824
1880	50,155,783	56,450,241	+6,294,458	2,812,191
1890	62,622,250	77,266,989	+14,644,739	5,246,613
1900	75,559,258	100,235,985	+24,676,727	3,687,564
Общая иммиграция 1820-1900				19,229,224

Этот вопрос о "расовом самоубийстве" американского или колониального населения следует рассматривать как самую фундаментальную из наших социальных проблем, или, скорее, как самое фундаментальное следствие наших социальных и промышленных институтов. На нее можно ответить увещанием, как это делает президент Рузвельт: "Если мужчины нации не стремятся работать в разных направлениях, со всей своей мощью и силой, готовы и способны сражаться в случае необходимости, стремятся быть отцами семейств, а женщины не признают, что самое великое для любой женщины - быть хорошей женой и матерью, то у этой нации есть основания беспокоиться о своем будущем"[\[126\]](#).

Тревога президента Рузвельта вполне обоснована; но если расовый суицид не является сам по себе первопричиной, а является следствием других причин, то увещания мало что дадут, в то время как устранение или смягчение других причин само по себе исправит возникшее зло. Где же нам искать причины расового самоубийства, или, если говорить точнее, уменьшения доли детей, появляющихся на свет? Непосредственные обстоятельства заключаются в отсрочке брачного возраста, в ограничении числа рождений после брака и в увеличении доли неженатых людей. Причины почти исключительно моральные, а не физические. Те, кто честолобив и учтив, кто стремится достичь лучшего положения в мире для себя и своих детей и кто не унаследовал богатство, обычно откладывают брак до тех пор, пока не получают образование, не накопят имущество или не займут постоянное положение. Тогда они не будут приводить в мир большее число детей, чем могут обеспечить на основе того положения, которого они сами достигли; наблюдение показывает, что те, кто рано вступает в брак, имеют большие семьи и, как правило, занимают более низкое положение в жизни. Поэтому реальная проблема для этого класса людей заключается в возможности зарабатывать на жизнь. В прежние времена, когда молодая пара могла занять свободную землю, а фермерство было целью всех, большая семья и совместная работа жены и детей скорее помогали, чем мешали. Сегодня супруги, если только муж не занимает более высокую должность, вынуждены вместе идти на фабрику или завод, а дети становятся обузой до достижения ими возраста, позволяющего получать заработную плату. Кроме того, заработок неопределенный, фабрики закрываются, и многодетный мужчина вынужден прибегать к помощи друзей или благотворительности. Призывать людей, живущих в таких условиях, идти вперед и размножаться - значит советовать лечить расовое самоубийство ухудшением расы.

Факультет Института Таскиги
(Из журнала *World's Work*)

Любопытно, что эти наблюдения с еще большей силой относятся ко второму поколению иммигрантов, чем к коренному населению, поскольку среди дочерей иностранцев в возрасте от 15 до 24 лет замужем только 19 процентов, тогда как среди дочерей коренных родителей - 30 процентов; а среди мужчин в возрасте от 20 до 29 лет только 26. Эти цифры подтверждают то, что можно наблюдать во многих крупных городах: расы иммигрантов, приехавших в эту страну двадцать пять или более лет назад, сокращаются из-за конкуренции с новыми расами из Южной Европы.

Например, в Бостоне, где два поколения назад началась большая ирландская иммиграция, наблюдается подобная диспропорция. Среди американских дочерей иностранных родителей в возрасте от 15 до 24 лет только 12 процентов замужем, а среди дочерей коренных родителей - 17 процентов; среди сыновей иностранных родителей в возрасте от 20 до 29 лет только 20 процентов женаты, а среди сыновей коренных родителей - 26 процентов. Контраст с самими иммигрантами разителен. В Бостоне 24 процента женщин иностранного происхождения в возрасте от 15 до 24 лет состоят в браке, а 35 процентов мужчин иностранного происхождения в возрасте от 20 до 29 лет.^[128] Другими словами, ранние браки мужчин и женщин иммигрантов почти вдвое больше, чем у сыновей и дочерей иммигрантов, родившихся в Америке, и лишь на одну треть больше, чем у сыновей и дочерей коренных жителей. С такими данными кажется, что наше "место среди мировых держав" действительно зависит от иммиграции, поскольку дети иммигрантов более ограничены в расовом самоубийстве, чем американцы старшего поколения^[129].

В сельских районах, где преобладает местное население, конкуренция не столь остра, но в городах и промышленных центрах опытные и амбициозные рабочие и работницы обнаруживают, что для того, чтобы не отставать от низкого уровня иммигрантов, им приходится откладывать брак. Этот эффект заметен и катастрофичен в случае с американцами ирландского происхождения. Вытесненные итальянцами и славянами, многие из молодых людей попали в ряды хулиганов и преступников. Здесь моральные причины порождают физические причины уничтожения расы, так как порочные элементы

населения исчезают через болезни, завещанные их потомству, и пополняются только из классов, навязанных сверху. С другой стороны, гораздо больше ирландцев поднялись до должности прораба, или живут за счет своего ума в политике, или вступают в священство. Ирландско-американские девушки, демонстрируя независимость и амбициозность, отказываются выходить замуж, пока не будут уверены в муже с устойчивыми привычками, и поступают на канцелярские должности, на фабрики и мельницы. Таким образом, эта разносторонняя раса, обладающая ярко выраженными природными способностями, встречает в наших городах то же самое вытеснение и прибегает к тому же расовому самоубийству, которое она сама совершила поколением или двумя раньше по отношению к коренному колониальному населению. Но последствия более тяжелы, поскольку коренное население имело возможность покинуть арену конкуренции, уехать на Запад и занять фермы или построить города, а у ирландцев-американцев возможностей для такого бегства меньше.

Огромное количество ирландцев, а также других выходцев из Англии, Шотландии, Германии и Америки, оставшихся в этих промышленных центрах, пытаются защитить себя и сохранить высокие стандарты с помощью профсоюзов и так называемого "закрытого цеха", ограничивая число учеников, исключая иммигрантов и отдавая предпочтение при приеме на работу своим сыновьям. Но даже при наличии профсоюзов они находят необходимым ограничивать размер своих семей, и я убежден, исходя из личных наблюдений, что если бы статистика по этому вопросу была собрана в профсоюзах квалифицированных рабочих, то там были бы обнаружены еще более сильные свидетельства расового самоубийства, чем среди других классов нации.

Для обеспеченных слоев населения свобода от заботы о детях - не необходимость, а возможность для роскоши и потворства. К ним относятся очень богатые люди, чей круг общения будет прерван домашними обязанностями. Для них, конечно, иммиграция не требует благоразумия - скорее, она помогает принести огромные состояния, которые отвлекают их внимание от дома. Но их число незначительно по сравнению с миллионами тех, кто определяет судьбу нации. Более значимыми являются зажиточные фермеры и их жены, которые унаследовали землю, выкупленную их отцами, и чье желание быть свободными, чтобы наслаждаться плодами цивилизации, привело их к позиции, столь резко осуждаемой президентом Рузвельтом. Этот класс фермеров, как показано на карте переписи населения по размеру частных семей,^[130] можно проследить по восточным и северным штатам, проходящим через Новую Англию, сельский Нью-Йорк, северную Пенсильванию, Огайо и Мичиган, части Индианы, Иллинойса, Висконсина и Айовы. В богатых графствах южного Мичигана, заселенных и занятых в основном выходцами из Нью-Йорка, средний размер семьи составляет менее четырех человек, как и в значительной части центрального Нью-Йорка, в то время как в целом по стране он равен 4,7, а в графствах в горнодобывающих районах Мичигана, занятых иммигрантами, достигает 5,8 человек.

Данные переписи, отражающие размер семьи, не позволяют, однако, определить количество детей, рожденных семье, поскольку они показывают только тех, кто живет вместе, но не тех, кто переехал или умер. Это особенно сказывается на многодетных семьях и не раскрывает, например, тот факт, который Кучински привел из переписи штата Массачусетс, что среднее число детей у женщин иностранного происхождения в этом штате составляет 4,5, а у коренных жительниц - только 2,7. [Это также влияет на данные по такому штату, как Западная Вирджиния, почти полностью состоящему из коренных американцев колониального происхождения, лишь на 2 процента состоящему из иностранцев и на 5 процентов из цветных, где средний размер семьи составляет 5,1 человека, что является

самым высоким показателем в Соединенных Штатах, но где в горах Блу-Ридж я встретил две пары коренных белых американцев, которые заявили, соответственно, о восемнадцати и двадцати двух детях. На всем Юге сокращение размеров семей и откладывание браков не происходит в значительной степени ни среди белой, ни среди цветной расы, и это штаты, в которых иммиграция составила менее 3 процентов населения. И все же, если точка зрения суперинтенданта Уокера обоснована во всех отношениях, южные белые должны уклоняться от конкуренции с неграми точно так же, как северные белые уклоняются от конкуренции с иммигрантами. Он этого не делает, и причины, вероятно, кроются в том, что Юг был удален от борьбы современной конкуренции, и что невежество и гордое довольство не способны подстегнуть массы к тому амбициозному стремлению, которое поднимается благодаря тому, что Мальтус называл благоразумным ограничением численности населения. Вполне вероятно, что на Юге, с распространением фабричной системы и всеобщего образования, рост численности населения за счет превышения числа рождений над числом смертей будет замедлен.

В целом, кажется, что иммиграция и конкуренция низших рас имеет тенденцию высушивать более старые и высшие расы там, где последние научились стремиться к улучшению уровня жизни, и что среди зажиточных классов, не конкурирующих с иммигрантами, но ставших богаче благодаря низкой зарплате, аналогичный эффект вызван стремлением к роскоши и легкой жизни[132].

Американизация. - Линия на диаграмме напротив страницы 63 показывает пропорции между числом иммигрантов и существующим населением. Из нее видно, что огромная иммиграция 1906 года относительно не так велика, как меньшая иммиграция 1849-1854 годов или 1882 года. Триста тысяч иммигрантов в 1850 году были таким же большим дополнением к населению в 23 000 000 человек, как 1 000 000 человек в 1906 году к населению в 85 000 000 человек. Если судить только по количеству, то нынешняя иммиграция не превышает ту, что наблюдалась в два предыдущих периода. Если судить по насыщенности, то она может быть больше, поскольку прежние иммигранты были поглощены колониальными американцами, а нынешние иммигранты вступают в решение наполовину колониальное, наполовину иммигрантское. Проблема американизации растет быстрее, чем число американизируемых. Какова природа этой проблемы и каковы силы, доступные для ее решения?

Термин "амальгамация" можно использовать для обозначения того смешения крови, которое объединяет расы в общую массу, а "ассимиляция" - это объединение их умов и воли, которое позволяет им думать и действовать сообща. Амальгамация - это вековой процесс, а ассимиляция - процесс индивидуального обучения. Амальгамация - это смешение рас, а ассимиляция - смешение цивилизаций. Амальгамация не подвластна организованным усилиям правительства, но ассимиляции могут способствовать социальные институты и законы. Поэтому амальгамация не может привлекать наш практический интерес, за исключением того, что ее наличие или отсутствие устанавливает пределы наших усилий по ассимиляции.

Наш главный интерес в слиянии - это его влияние на негритянскую расу. После 1890 года статистики переписи прекратили выяснять количество мулатов, но перепись 1890 года показала, что мулаты составляли 15 процентов от общего числа негров. Это несколько больше, чем в предыдущие годы. Мулатский элемент негритянской расы - это почти самостоятельная раса. Его представители в среднем мало чем отличаются от представителей белой расы, если вообще отличаются, по своим способностям к продвижению, и это трагедия расового антагонизма, что они со своими желаниями должны

страдать от судьбы более довольных и бездумных негров.^[133] В их жилах течет кровь белой аристократии, и это любопытная психология англосаксов, которые причисляют к низшей расе тех, кто имеет равное право на место среди высшей. Но социология предлагает компенсацию за несправедливость физиологии. Мулат - естественный лидер, наставник и выразитель интересов чернокожих. Не имея возможности отстраниться от судьбы своих братьев, он посвящает себя их возвышению. Этот факт становится очевидным в той мере, в какой становится очевидной необходимость практического образования. Эффективная работа белых через миссионерские школы и колледжи была направлена не на возвышение чернокожих, а на возвышение мулатов, которые должны учить чернокожих. Новая эра для чернокожих начинается, когда мулаты видят свое будущее в их будущем.

Кроме негров, мы очень мало знаем о слиянии рас в Америке. Мы знаем только, что в большинстве своем они слились в единый народ с гармоничными идеалами, и англичане, немцы, шотландцы, ирландцы, голландцы и гугеноты стали американцами.

Мы говорим о высших и низших расах, и это достаточно хорошо, но следует проводить различие между неполноценностью и отсталостью - между превосходством, которое изначально заложено в расе, и тем, что является результатом воспитания и обучения, которое мы называем цивилизацией. Существуют высшие и низшие расы, есть примитивная, средневековая и современная цивилизации, и есть определенные умственные качества, необходимые для этих различных уровней цивилизации, и , которые вырабатываются в них. Высшая раса может иметь примитивную или средневековую цивилизацию, и поэтому ее индивидуумы могут никогда не проявлять высших умственных качеств, которыми они на самом деле наделены и которые современная цивилизация привела бы в действие. Взрослые, пришедшие из такой цивилизации, кажутся неполноценными по своим умственным качествам, но их дети, помещенные в новую среду развитой цивилизации, сразу же проявляют качества последней. Китаец - выходец из средневековой цивилизации, он почти не проявляет тех качеств, которые являются продуктом западной цивилизации, а своей подражательностью, рутиной и традициями он заслужил репутацию совершенно неассимилируемого человека. Но дети китайцев, родившиеся и выросшие в этой стране, полностью опровергают это обвинение, поскольку они так же легко впитывают дух и методы американских институтов, как и любой европеец.^[134] Раса превосходная, но отсталая.

Тевтонские расы до пятисот лет после Рождества Христова были примитивными в своей цивилизации, однако они обладали умственными способностями, благодаря которым они, подобно Арминию, были способны понять и усвоить высшую римскую цивилизацию. Они прошли через эпоху Средневековья, а затем вышли в современный период развитой цивилизации, но за эти две тысячи лет их умственные способности, изначальное дарование расы, почти не улучшились. Именно цивилизация, а не эволюция расы, превратила первобытного воина в философа, ученого, ремесленника и делового человека. Если бы их детей взяли из леса две тысячи лет назад и перенесли в дома и школы современной Америки, они могли бы за одно поколение охватить прогресс двадцати веков. Другие расы, такие как шотландцы и ирландцы, совершили переход от примитивных институтов к современным промышленным привычкам в течение одного столетия, а профессор Бринтон, наш самый глубокий исследователь американских индейцев, сказал:^[135] "Я был в близких отношениях с несколькими полнокровными американскими индейцами, которые были изъяты из аборигенной среды и обучены таким образом [в американских школах и общинах], и я не мог заметить, чтобы они были либо по интеллекту, либо по симпатиям ниже обычного

типа американского джентльмена. Один из них отличался изысканным чувством юмора, а также необыкновенной остротой наблюдательности".

Граница между высшими и низшими, а также передовыми и отсталыми расами, по-видимому, проходит по линии между умеренным и тропическим поясами. Два пояса Земли между тропиками Козерога и Рака и арктическим и антарктическим кругами были областями, где человек в борьбе за существование развивал качества ума и воли - изобретательность, уверенность в себе, самоконтроль, напряженное усилие и силу воли, которые присущи современной индустриальной цивилизации. Но в тропиках эти качества менее существенны, поскольку там, где природа щедро одаривает пищей и пренебрегает одеждой и кровом, невежество, суеверия, физическая доблесть и сексуальная страсть имеют равные шансы с интеллектом, предусмотрительностью, бережливостью и самоконтролем. Дети всех рас умеренного пояса имеют право на участие в высшей американской цивилизации, нужно только, чтобы они были "пойманы" достаточно молодыми. Возможно, нет более отсталого класса людей, чем 3 000 000 бедных белых жителей Аппалачских гор, но нет и такого класса, дети которого были бы лучше подготовлены наследственностью к достижению выдающихся успехов в любой области американской деятельности. Этого нельзя сказать о детях тропических зон. Амальгамация - это их дверь к ассимиляции.

Прежде чем мы сможем разумно исследовать механизмы американизации, мы должны сначала договориться о том, что мы понимаем под этим термином. Я не могу придумать всеобъемлющего и краткого описания, равного словам Авраама Линкольна: "Правительство народа, от народа, для народа". Это описание должно применяться не только к государству, но и к другим институтам. В семье это означает равенство мужа и жены; в церкви - голос мирян; в промышленности - участие рабочих.

К сожалению, нельзя сказать, что описание Линкольна когда-либо было достигнуто. Это цель, которую он и другие, кого мы признаем истинными американцами, указали. Большим, чем любое другое препятствие на пути к этой цели, было наше расовое разделение. Правительство для народа зависит от правительства, созданного народом, а это трудно сделать там, где люди не могут думать и действовать сообща. Такова проблема американизации.

В прежние времена самым мощным средством ассимиляции была пограничная жизнь. Пионеры "были почти полностью предоставлены самим себе в этой великой борьбе. Они развили в себе дух самодостаточности, способность к самоуправлению, которые являются самыми выдающимися чертами американского народа"[136] Пограничная жизнь включает в себя пионерские шахтерские лагеря, а также пионерское фермерство.

Рядом с фронтиром фермы Америки - самое богатое поле для ассимиляции. Иногда считается, что здесь этот процесс идет медленнее, чем в городах, но любой, кто видел его в обоих условиях, не может сомневаться, что если он и медленнее, то более реален. В городах дети более регулярно попадают под влияние государственных школ, но более глубоким и продолжительным, чем школьное образование, является образование улицы и общества. Работа школ в таком большом городе, как Нью-Йорк, не может быть слишком высоко оценена, и без такой работы будущее ребенка иммигранта было бы мрачным. На самом деле дети иммигрантов обеспечены школами лучше, чем дети американцев. Менее 1 процента их детей в возрасте от 10 до 14 лет неграмотны, в то время как доля неграмотных среди детей коренных родителей составляет более 4 процентов. Это объясняется не тем, что иностранец больше стремится дать образование своему ребенку, чем местный житель, а тем, что почти три четверти детей иностранцев и только одна шестая часть детей местных жителей живут в

крупных городах, где преобладают школы и обязательное посещение. Если бы не обязательное образование, ребенок крестьянина-иммигранта был бы, как и ребенок славянина на антрацитовых угольных месторождениях, "беспомощной жертвой невежества, бережливости и промышленных инстинктов своих родителей"[137]. А так они бросают школу в самом раннем возрасте, разрешенном законом, и враждебность иностранцев к фабричному законодательству и вытекающему из него законодательству об обязательном школьном образовании преодолеть труднее, чем враждебность американских работодателей, которые оба могли бы извлечь пользу из труда своих детей. Тщательность, с которой в великих городах Севера соблюдаются требования начального образования, почти не оставляет различий между детьми местных жителей и детьми иностранцев, но те различия, которые остаются, идут на пользу местным жителям. В Бостоне в 1900 году только 5 детей местных родителей были неграмотными, а 22 ребенка местных родителей - иностранцев, то есть соотношение составляет одну двадцатую часть 1 процента для местных жителей и одну десятую часть 1 процента для иностранцев. В Нью-Йорке из 83 000 детей местных родителей неграмотными были 68, а из 166 000 местных детей иностранных родителей - 311, соотношение в обоих случаях незначительное, но более чем в два раза больше для иностранцев, чем для местных жителей.[138] Во всех городах с населением не менее 50 000 человек более четверти детей иностранного происхождения в возрасте от 10 до 15 лет являются кормильцами, и только одна десятая часть детей местных родителей. О влиянии проживания в Америке говорит тот факт, что среди детей иностранцев, родившихся в этой стране, доля кормильцев сокращается до одной седьмой[139].

Но именно общество в большей степени, чем школа, формирует у ребенка его реальные трудовые идеалы, его привычки и методы жизни. А в большом городе с его разделением классов таким сообществом являются трущобы, где смешались все расы и самые худшие из американцев. Он видит и знает на удивление мало той Америки, которую описывают его школьные учебники. Американские церкви, его американские работодатели находятся в других частях города, и его американизация возложена на школьного учителя, полицейского и политика, которые, как правило, всего на одно поколение раньше него приехали из Европы. Но на ферме он видит и знает все классы, лучшие и худшие, и даже там, где его родители стремятся изолировать свою общину и сохранить язык и методы старой страны, требуется лишь поколение или два, чтобы окружающий американизм проник в него. А пока здоровый труд, устойчивые, трудолюбивые и бережливые привычки сделали его способным подняться до уровня лучших образцов, которые демонстрирует его окружение.

Славянские домашние миссионеры
(Из журнала *"Домашний миссионер"*)

С 1900 года Иммиграционное бюро не интересуется религиозной принадлежностью иммигрантов. В том году, когда число принятых составило 361 000 человек, пятую часть составляли протестанты, в основном из Великобритании, скандинавских стран, Германии и Финляндии. Десятую часть составляли евреи, 4 процента - греко-католики и 52 процента - римские католики. С перемещением источников на восток и юг Европы доля католиков и иудеев увеличилась. Во время этого перехода протестантские церкви Америки начали пробуждаться к серьезной проблеме, стоящей перед ними. Три штата Новой Англии, которые придали свою религию и политический характер северным и западным штатам, теперь сами являются преимущественно католическими. Во всех северных производственных и промышленных штатах и в их крупных городах чудесная организация и дисциплина Римско-католической церкви заботливо обеспечила каждый участок, приход или район часовнями, соборами и священниками, даже опережая приток населения, в то время как разрозненные силы протестантизма перекрывают одни места и упускают из виду другие. Это привело к двум последствиям. Протестантские церкви в большей части своей деятельности замкнулись в интеллектуальном и социальном круге вежливых развлечений для семей меркантильных, канцелярских, профессиональных и наемных работников, в то время как католические церкви служат трудящимся и наемным работникам. Протестантские церкви поддерживают миссионеров, колпортеров и часовни среди иммигрантов, наемных работников и их детей, что является незначительной частью их деятельности. Их домашние миссионерские общества, которые в прежние времена следовали за своими верующими на границы и давали им возможность основывать церкви в новых домах, в последние десять лет или два стали иностранными миссионерскими обществами, работающими на дому. В истории американского протестантизма нет ничего более значимого и важного, чем то рвение и патриотизм, с которыми несколько миссионеров на этом непривычном для них поприще начали вести дело. С помощью обращений, периодических изданий, книг, учебных классов они постепенно пробуждают церкви к нуждам иностранцев на родине.^[140] Среди некоторых национальностей, особенно итальянцев и славян, они находят открытое поле для

деятельности, поскольку тысячи представителей этих национальностей, хотя номинально и являются католиками, равнодушны к церкви, которая ассоциируется у них с угнетением на родине. Среди этих народностей уже несколько новообращенных стали миссионерами, в свою очередь, для своих народов, и, преодолев языковой барьер и подозрительность, влияние протестантской религии растет. Пожалуй, больше всего на свете необходима федерация протестантских деноминаций, подобная той, что недавно была создана в Порто-Рико. Этот остров был разделен на округа по взаимному согласию домашних миссионерских обществ, и каждый округ закреплен исключительно за одной деноминацией.

В то время как протестантские церкви покидали районы, захваченные иностранцами, на это поле вышло "социальное поселение". Это замечательное движение, исключая религиозную пропаганду, по сути, является религиозным в своем рвении к улучшению общества. Его главная задача - воспитать американцев, которые знают и понимают жизнь и нужды иммигрантов и могут объяснить их другим. В "институциональной церкви" также можно найти аналогичное приспособление более строгой религиозной организации к социальным и образовательным потребностям иммигрантов и их детей.

Как никакой другой класс в обществе, именно работодатели определяют прогресс иностранца и его детей на пути к американизации. Они контролируют часы его работы, условия жизни и шансы на продвижение по службе. В последние годы некоторые работодатели начали осознавать свою ответственность, и такие крупные корпорации, как Colorado Fuel and Iron Company, создают свой "социологический" отдел с его школами, детскими садами, больницами, центрами отдыха и типовым жильем наравне с инженерными отделами и отделами продаж. Другие работодатели в разной степени и разными способами проявляют интерес к "работе по обеспечению благосостояния" или "улучшению промышленности", и те, кто больше всего выигрывает от этого пробуждающегося интереса, - это иностранцы и их семьи. Этот интерес еще не проявился в желании сократить рабочее время, и эта фаза работы по обеспечению благосостояния, вероятно, должна быть реализована другими агентствами.

Влияние школ, церквей, поселений и фермерских общин в большей степени распространяется на детей иммигрантов, чем на их родителей. Сами иммигранты слишком стары для американизации, особенно если они говорят на неанглийском языке. Для них профсоюз в настоящее время является самой сильной американизирующей силой. Усилия организованного труда по организации неквалифицированной рабочей силы и иммигрантов - самый крупный и значительный факт рабочего движения. Помимо собственно трудового вопроса, это означает привлечение мощного собственного интереса к американизации иностранцев. Ведь не будет лишним сказать, что единственной эффективной американизирующей силой для юго-восточного европейца является профсоюз. Церковь, которой он привержен, - римско-католическая, и, как бы много ни делала католическая церковь для невежественного крестьянина в его европейском доме, такое обучение, которое дает священник, скорее всего, приведет к принятию рабочими их подчиненного положения. Часто можно наблюдать, что когда иммигранты вступают в профсоюз, они почти нагло предупреждают священника, чтобы он держал свои советы при себе.

Всеобщее избирательное право допускает иммигранта к американской политике в течение одного-пяти лет после приземления. Но сегодня на избирательное право не смотрят как на достаточную американизирующую силу, как это представлялось предыдущему поколению. Избирательное право совершенно по-разному обращается к избирателю-иммигранту и к избирателю, прошедшему через американские школы и американскую жизнь. Американец узнал не только о том, что это свободное правительство, но и о том, что его свобода основана

на конституционных принципах абстрактного характера. Свобода прессы, суд присяжных, разделение властей, независимость судебной власти, равенство возможностей и некоторые другие правительственные и правовые принципы просочились в его подсознание, и когда он задумывается над общественными вопросами, эти абстрактные принципы в большей или меньшей степени влияют на него как руководство при голосовании. Но у иммигранта ничего этого нет. Он приезжает сюда исключительно для того, чтобы заработать на лучшую жизнь. Избирательное право для него не что иное, как средство к существованию. Не то чтобы он охотно продавал свой голос за деньги - скорее, он просто "голосует за свою работу". Он голосует по указанию своего работодателя или политического "босса", потому что это поможет бизнесу его работодателя, или потому что босс даст ему работу, или каким-то образом окажет предпочтение ему и другим людям его национальности. В этом отношении существует заметная разница между иммигрантами и детьми иммигрантов. К молодым людям, когда они начинают голосовать, можно обратиться, руководствуясь общественным духом, а к их отцам - только на основе частных интересов.

Нельзя ожидать, что профсоюз или любое другое влияние сильно изменит иммигранта в этом отношении. Но профсоюз делает вот что: он требует, чтобы каждый его член был гражданином или заявил о своем намерении получить документы о натурализации. Причины для этого не политические, а сентиментальные и патриотические. Профсоюз обычно гордится тем, что его члены - американцы и отказались от подданства другим странам. В таком профсоюзе, как профсоюз музыкантов, требование гражданства также носит защитный характер, так как оно служит для исключения временных музыкальных иммигрантов из американской аудитории. Опять же, профсоюз освобождает своих членов от диктата работодателей, начальников и священников. Политики, конечно, стремятся контролировать голоса организованного труда, но опыт профсоюзов настолько неутешителен, что они, как правило, не доверяют лидерам, совмещающим труд и политику. Иммигрант, голосующий как профсоюзный активист, сделал первый шаг к учету интересов других, и это также первый шаг к тому, чтобы общественный дух и абстрактные принципы заняли место рядом с частными интересами и собственной работой.

Но есть и другой, еще более впечатляющий способ, с помощью которого профсоюз утверждает превосходство принципов над сиюминутными собственными интересами. Когда иностранца из Южной Европы принимают в профсоюз, у него впервые возникает мысль, что его работа принадлежит ему в силу права на труд, а не по личной милости или прихоти начальника. Эти люди абсолютно послушны перед своими бригадами или боссами, и, как известно, почти всегда они платят за привилегию получить и сохранить работу. Этот подкуп начальства, как и система "падронов", исходят из глубоко укоренившегося убеждения, что деспотизм - это естественное общественное отношение, и поэтому они должны идти на сделку с влиятельным начальником, которому так повезло, что он пользуется благосклонностью власть имущих.

До вступления в профсоюз операторы по добыче антрацитового угля представляли таких людей как дисциплинированных и послушных рабочих, но при этом они игнорировали тот факт, что за пределами области, где они были послушны, они были наиболее жестокими, вероломными и фракционными. До организации профсоюза на угольных месторождениях эти иностранцы вели самую ожесточенную и зачастую убийственную вражду между десятью или пятнадцатью национальностями и двумя или тремя фракциями внутри каждой национальности. Польские поклонники одного святого устраивали ночные нападения на польских поклонников другого святого; итальянцы из одной провинции затевали поножовщину против итальянцев из другой провинции и так далее. Когда был организован

союз, расовый, религиозный и фракционный антагонизм был устранен. Иммигранты встали на экономическую основу и направили свои силы против своих боссов. "Мы, товарищи, убили эту страну, - сказал отцу Куррану один польский забастовщик, - а теперь мы ее сделаем". Чувство общего дела и, более того, чувство индивидуальных прав человека пришло к этим людям через организацию их профсоюзов, и оно не могло прийти никаким другим путем, потому что профсоюз апеллирует к их нуждам, в то время как другие силы апеллируют к их предрассудкам. Они еще далеки от идеальных американцев, но те, кто до сих пор импортировал их и наживался на их иммиграции, должны быть последними, кто будет кричать против главного влияния, которое начало их путь к истинному американизму"[141].

Сельскохозяйственное распределение иммигрантов. - Скопление и колонизация иммигрантов в городах и, как следствие, их бедность и деградация второго поколения привели к появлению различных предложений о том, как побудить их селиться на фермах. Комиссары по иммиграции[142] в разное время выступали за создание промышленного музея на Эллис-Айленде, где ресурсы и возможности нескольких штатов могли бы быть представлены перед глазами тысяч прибывающих. Они и другие пошли дальше и выступили за создание бюро по распределению иммигрантов, чтобы помочь иммигрантам выбраться из переполненных городов в сельские районы. Другие же призывают создать паромные линии в южные порты и Мексиканский залив, чтобы иммигрантов можно было доставлять прямо в регионы, которые в них "нуждаются". От подобных проектов можно ожидать очень немногого,[143] поскольку нынешний контингент иммигрантов из Юго-Восточной Европы слишком беден товарами и слишком невежественен в вопросах американского бизнеса, чтобы оправдать эксперимент по изолированному и самостоятельному ведению хозяйства. Фермеры Юга и Запада приветствуют поселенца, имеющего средства для покупки, но с недоверием относятся к новоприбывшему иммигранту. Скандинавы и немцы в большом количестве находят дорогу к своим соотечественникам на фермах, но более новые национальности требуют опеки со стороны правительства или богатых частных обществ. Евреи, правда, взялись за это дело, и Еврейское общество сельскохозяйственной и промышленной помощи Нью-Йорка, благодаря субсидиям из фонда барона де Хирша, распределило множество семей по всей стране, частично в сельском хозяйстве, но в большей степени в торговле. Аналогичную работу проводит Общество защиты итальянских иммигрантов. Великие железнодорожные системы и земельные компании на Юге и Западе держат своих сельскохозяйственных и промышленных агентов в поисках подходящих переселенцев. Во всех южных штатах созданы иммиграционные бюро, и они рекламируют Север и Европу в поисках желаемых иммигрантов. Но эти агентства ищут в основном тех иммигрантов, которые прожили в стране некоторое время, изучили язык и американские обычаи, а в случае с железнодорожными и земельными компаниями - тех, кто накопил определенную собственность.

Иммиграционные бюро южных штатов и железные дороги, которые в настоящее время наиболее остро нуждаются в иммигрантах, решительно выступают против плана по федеральному распределению. Им нужны фермеры, которые будут сами выполнять свою работу. С точки зрения самого иммигранта эта позиция верна. Чтобы найти место агронома, он должен найти место фермера, а не сборщика урожая".[144] Выступая от имени южных бюро, профессор Флеминг говорит:[145] "Юг решительно возражает против того, чтобы его сделали правительственной свалкой для нежелательных иммигрантов. Ему не нужны иностранцы из низшего класса, которые заволокли северные города. Ему нужны люди того же сорта, которые заселили большую часть Запада". Правление штата Южная Каролина официально приглашает к иммиграции "белых граждан Соединенных Штатов, граждан

Ирландии, Шотландии, Швейцарии и Франции, а также всех других иностранцев саксонского происхождения".

Что касается тех, кто не имеет денег и вынужден зависеть от своего ежедневного труда, то они должны идти туда, где работа наиболее регулярна и платят лучшую зарплату. Это не фермы, где летом работают несколько месяцев, а зимой нет дома. Это, несомненно, большие города и промышленные центры. Комиссар по иммиграции на острове Эллис, рассказывая о кордоне, установленном его бюро вдоль канадской границы от Галифакса до Виннипега, чтобы поймать тех, кто пытался избежать проверки в Нью-Йорке, сказал: "Все те иммигранты, которые Нью-Йорке, Филадельфию, Чикаго, Кливленд или Цинциннати в качестве места назначения, когда они покидали Европу и приезжали в Квебек, проходили весь путь вокруг этой стены до ее западного конца в Виннипеге, а затем садились на поезда и возвращались в те самые места, которые они имели в виду, когда покидали Европу; И если бы вы посадили все корабли, которые сейчас приходят в Нью-Йорк, в Галвестоне, Новом Орлеане или Чарльстоне, каждый из иммигрантов прибыл бы в то место, которое он имел в виду, когда решил эмигрировать." [146]

Профессор Уилкоккс утверждает, что иммигранты уже распределяются в соответствии со своими экономическими преимуществами так же полно, как и коренные жители. Они, по-видимому, скапливаются в городах, потому что города неизбежно являются местом их первого прибытия. "Наши иностранцы прибывают, по крайней мере, в девяти десятых случаев, в какой-нибудь город. Наши коренные граждане прибывают по рождению, по крайней мере, в трех четвертях случаев, в страну. Иностранцы прибывают в основном в портовые города и постепенно рассеиваются из них по другим внутренним городам, достигая в конечном итоге во многих случаях небольших городов или открытой местности. Ни в коем случае не удивительно и не свидетельствует о несовершенстве распределения, что иностранцы массово прибывают в города, когда их там девять десятых, а коренное население массово прибывает в сельские районы, когда их там три четверти" [147]

Искусственное распределение не снимет давления, пока сохраняется характер и количество иммиграции - оно может быть снято только путем создания более сильных экономических стимулов в стране. И местные жители, и иностранцы устремляются в города, потому что заработная плата и прибыль там выше, чем в стране.

Даже если предположить, что перенаселенность городов можно уменьшить, сделав стимулы в стране более значительными, облегчение не может продолжаться, поскольку это лишь повлечет за собой еще большую иммиграцию. Эмиграция не ослабила давление населения в Европе. Ни в один период своей истории, за исключением Ирландии, население Европы не увеличивалось такими темпами, как за последние полвека миграции в Америку. Не эмиграция, а повышение уровня жизни ослабляет давление численности, и во Франции с самым широким распространением собственности наблюдается незначительная эмиграция и отсутствие роста населения. Миллионы лишних людей в Европе будут мигрировать все большими тысячами, если узнают от своих друзей, что американское правительство находит для них работу. Как мы уже видели, что прилив иммиграции увеличивается с наступлением периода процветания в Америке, так же он будет расти и при сельскохозяйственном распределении иммигрантов. В обоих случаях просто появляется больше возможностей для трудоустройства, и информация о таких возможностях быстро доходит до ожидающих толп за границей.

Подумайте также о политической опасности того, что администрация в Вашингтоне создаст бюро по распределению иммигрантов. Если она откажется направлять иммигрантов в один район страны, потому что обнаружит, что там низкая зарплата, это вызовет враждебность

работодателей. Если же она направит их в другой район, где предлагаемая зарплата была высокой, потому что работодатели готовились к локауту или профсоюзы бастовали, она потеряет голоса рабочих. Администрация быстро поймет, что для безопасной работы такого бюро его вообще не следует создавать.

Гораздо лучше, если федеральное правительство оставит распределение иммигрантов частным агентствам по трудоустройству. Тогда оно могло бы лицензировать все такие агентства, которые занимаются межштатным бизнесом. Имея право отбирать лицензии при доказательстве мошенничества и введения в заблуждение, а также преследовать агентства и работодателей, которые обманывают и порабощают иммигрантов, правительство сделает все, что оно может сделать непосредственно для улучшения распределения. Безусловно, агентства по трудоустройству, с их *падрони*, банкирами и ложными обещаниями, являются источником жалких злоупотреблений для тысяч иммигрантов.^[148] Они требуют межгосударственного, а также государственного регулирования. Если отсеять недобросовестные агентства, поле будет занято честными, и иммигрант сможет довериться их помощи. Но такое регулирование будет осуществляться не только ради иммигранта. Оно, как и положено, поможет и американцу.

Это подсказывает нам истинную природу проблемы перенаселенности городов и характер ее решения. Его можно найти не в специальных усилиях в интересах иммигрантов, а в попытках улучшить положение как американцев, так и иммигрантов. Перегруженность городов объясняется дискриминацией в пользу городов. Если правительство будет помогать сельскому хозяйству так же, как и промышленным предприятиям, если оно обеспечит лучшую связь, уравнивает налоги, снизит тарифы на перевозки до уровня, которым пользуются города, то сельское хозяйство и маленькие города станут более привлекательными. Американцы не будут толпиться в городах, а более предусмотрительные из иммигрантов найдут дорогу в деревню. Предложение о федеральном распределении иммигрантов - это всего лишь хитрая иллюзия, созданная для того, чтобы сбить Конгресс с пути ограничения иммиграции.

Более высокие стандарты иммиграции. - Что касается неполноценных, дефектных и нежелательных классов иммигрантов, то здесь нет никакой защиты, кроме жесткого отбора. Комиссар по делам иммиграции в Нью-Йорке считает, что 200 000 из миллиона иммигрантов в 1903 году были вредом, а не пользой для промышленности страны,^[149] и выступает за медосмотр и исключение тех, кто ниже определенного физического стандарта. За последние десять лет на первый план вышел образовательный тест, точнее, тест на неграмотность, преимущества которого заключаются в его простоте и конкретном применении к тем расам, чьи стандарты ниже всего.

Иностранцы, ожидающие приема на острове Эллис

По поводу этого теста велось много дискуссий, и было много недопонимания и искажений относительно его возможных последствий. Главной ошибкой является предположение, что он призван заменить другие тесты на допуск, и что поэтому он позволит, например, самым опасным преступникам - тем, кто обладает интеллектом, - въезжать в эту страну. Если мы изучим существующие законы и попытаемся понять реальную природу иммиграционных ограничений, мы увидим характер этой ошибки. Все наше законодательство, регулирующее иммиграцию, должно быть описано как *улучшение* иммиграции, а не ее *ограничение*. Цель всегда заключалась в том, чтобы повысить средний уровень качества принимаемых людей путем исключения тех, кто не соответствует определенным стандартам. А более высокие стандарты добавлялись время от времени по мере того, как законодатели осознавали необходимость улучшения качества нашего будущего гражданства. Хотя в 1862 году Конгресс принял закон, запрещающий перевозку китайских кули на американских судах,^[150] только в 1875 году законодатели впервые осознали зло неограниченной иммиграции. В том году был принят закон, исключая осужденных и проституток. Этот закон делал исключение в пользу тех, кто был осужден за политические преступления. Затем, в 1882 году, Конгресс добавил к ним сумасшедших, идиотов, нищих и китайцев. В 1885 году впервые были исключены рабочие по контракту, но было сделано исключение для актеров, художников, лекторов, певцов, домашней прислуги и квалифицированных рабочих для новых отраслей промышленности. В 1891 году список нежелательных лиц был снова расширен, чтобы исключить не только осужденных, но и лиц, осужденных за преступления, а также "помогающих" иммигрантов, полигамистов и лиц с отвратительными или опасными заразными болезнями. В 1903 году в закон были добавлены эпилептики, лица, перенесшие два и более приступа безумия, профессиональные нищие и анархисты. Несмотря на эти последовательные добавления исключенных классов, число иммигрантов постоянно увеличивалось, пока к сегодняшнему дню не стало больше, чем в любой предыдущий период, и в то время как стандарты были повышены в одном направлении, среднее качество было снижено в других направлениях. Образовательные и физические тесты, хотя они и не нужны для представителей северо-западной Европы, теперь пропагандируются в качестве

дополнения к существующим тестам в связи с наплывом представителей юго-восточной Европы.

Вопрос о "плохом телосложении" вышел на первый план в последних отчетах иммиграционных чиновников. Снижение среднего уровня физического развития, на которое они обращают внимание, сопровождается увеличением числа выходцев из Южной и Восточной Европы. Хотя, по оценкам комиссара на острове Эллис, 200 000 иммигрантов не соответствуют физическим стандартам, которые должны быть необходимы для получения права на въезд, число, подтвержденное хирургами, намного меньше этого. Тем не менее, девять десятых даже из этого меньшего числа принимаются, поскольку закон исключает их только в том случае, если появляются другие основания для исключения. О том, что физическое испытание практически осуществимо, свидетельствует следующее описание качеств, принимаемых во внимание медицинскими экспертами на иммиграционных станциях; качества, которые были бы еще более определенными, если бы им было разрешено действовать:[151]

"Свидетельство такого рода подразумевает, что данный иностранец страдает телом, не только плохо приспособленным к работе, необходимой для зарабатывания хлеба, но и плохо способным противостоять натиску болезней. Это означает, что он низкорослый, плохо развитый, со слабым сердцем, артериями ниже стандартного размера; что он физически вырождается и как таковой не только вряд ли станет желательным гражданином, но и с большой вероятностью передаст свои нежелательные качества своему потомству, если у него, к несчастью для страны, в которой он проживает, таковое имеется.

"Из всех причин для отказа, кроме причин, связанных с опасными, заразными или отвратительными болезнями или психическими заболеваниями, "плохое телосложение" должно иметь наибольший вес, поскольку, принимая таких иностранцев, мы не только увеличиваем число общественных расходов из-за их неспособности зарабатывать на хлеб благодаря их физической непригодности и низкой сопротивляемости болезням, но и принимаем в эту страну потомков, чье потомство будет воспроизводить, часто в преувеличенной степени, физическое вырождение своих родителей".

История теста на неграмотность в Конгрессе - любопытный комментарий к лоббированию. Впервые представленный в 1895 году, он прошел Палату представителей 195 голосами против 26, а Сенат в другой форме - 52 голосами против 10. Переданный в конференц-комитет, идентичный законопроект снова прошел через обе палаты с меньшим большинством голосов. Но к нему были добавлены неактуальные поправки, и президент наложил на него вето. Палата представителей приняла законопроект 193 голосами против 37, но голосование в Сенате состоялось слишком поздно. В 1898 году законопроект был вновь внесен в Сенат 45 голосами против 28, но давление испанской войны не позволило провести голосование в Палате представителей. Законопроект рассматривался и в последующих конгрессах, но до голосования дело не дошло.[152] Лобби возглавляют пароходные компании, их поддерживают железнодорожные компании, Гавайская ассоциация сахарных плантаторов и другие крупные работодатели рабочей силы. Путем введения в заблуждение эти заинтересованные агентства смогли порой вызвать опасения у представителей старших рас иммигрантов, которых эта мера не коснулась. Их опасения были беспочвенны, поскольку тест на неграмотность - это не тест на знание английского языка, а тест на знание любого языка, и он применяется только к тем, кому 15 лет и больше, но не распространяется на жен, детей, родителей, бабушек и дедушек тех, кто допущен к работе. При таких разумных ограничениях это исключит только 1 из 200 скандинавов, 1 из 100 англичан, шотландцев и финнов, 2 или 3 из 100 немцев, ирландцев, валлийцев и

французов; но это исключит половину южных итальянцев, одну седьмую северных итальянцев, от одной трети до двух пятых нескольких славянских рас, одну седьмую русских евреев, в целом одну пятую или одну четвертую всей иммиграции.^[153] Но такие пропорции сохранялись бы недолго. Начальное образование прогрессирует в Восточной и Южной Европе, и испытание такого рода еще больше стимулировало бы его среди крестьян. Ограничительный поначалу, он будет лишь выборочным; он не приведет к постоянному сокращению числа иммигрантов, но повысит их уровень интеллекта и способность позаботиться о себе.

Вышеизложенные принципы не применимы к китайской иммиграции. Здесь действует закон исключения, а не отбора. Это различие часто упускается из виду при обсуждении данного вопроса. Что касается европейской, японской и корейской иммиграции, то закон *допускает* всех, кроме некоторых определенно описанных классов, таких как нищие, преступники и так далее. Что касается китайской иммиграции, то закон *исключает* всех, кроме некоторых описанных классов, таких как учителя, торговцы, путешественники и студенты. В случае с европейской иммиграцией бремя доказывания того, что иммигрант должен быть исключен, лежит на иммиграционных властях. В случае с китайцами бремя доказывания того, что иммигрант должен быть принят, лежит на нем самом. В применении закона разница фундаментальна. Если китайское законодательство либерализуется, чтобы допустить врачей, адвокатов и другие профессиональные классы, против которых нет возражений, это может быть сделано одним из двух способов. Можно назвать и указать дополнительные классы, которые будут допущены. Это не вызывает особых возражений, поскольку сохраняет существующий дух закона. Или же его можно отменить и допустить все классы китайцев, кроме кули, чернорабочих и тех классов, которые сейчас исключены другими законами. Если это будет сделано, исполнение закона будет нарушено, так как бремя доказательства будет снято с иммигранта и возложено на экзаменационную комиссию. Закон и так соблюдается с большим трудом, но уклонения не идут ни в какое сравнение с теми, которые практиковались по другому закону. Европейская иммиграция поощряется, если она соответствует минимальному стандарту. Китайская иммиграция запрещена, если она не превышает максимальный стандарт. Первое - это отбор, второе - исключение. В один закон следует внести поправки, описав новые классы, *которые не должны* быть допущены, а в другой - классы, которые *могут* быть допущены.

Это различие между двумя законами можно увидеть на примере последствий ограничений, которые время от времени добавлялись к иммиграционному законодательству. Каждое дополнительное основание для ограничения или отбора не уменьшало общий объем иммиграции и не увеличивало долю тех, кому запрещалось въезжать. В 1898 году 3200 иностранцев были высланы обратно, что составило 1,4 процента от числа прибывших. В 1901 году было выслано 3900 человек, но это составляло лишь три четверти одного процента от числа прибывших. В 1906 году 13 000 отправленных обратно составили 1,2 процента от числа прибывших. Иммигранты, а также пароходные компании изучают стандарты исключения и методы уклонения, так что доля тех, кто рискует и терпит неудачу в попытке, очень мала. Тем не менее, депортация иммигрантов, хотя и составляет в среднем менее 1 процента, является тяжелым испытанием, которого следует избегать. Часто предлагалось, чтобы это было сделано путем проверки за границей американскими консулами или агентами Иммиграционного бюро. Как бы привлекательно и гуманно ни выглядело это предложение, зарубежный экзамен не может быть окончательным. Это вывело бы экзаменаторов из-под эффективного контроля и потребовало бы больших дополнительных сил, а также существующего персонала для депортации тех, кто может уклониться от иностранной проверки. Он не затрагивает корень зла, который заключается в деловой активности

пароходных компаний в привлечении иммигрантов и их деловой осторожности в требовании от сомнительных иммигрантов заранее давать залог, чтобы покрыть расходы на их перевозку обратно. [154\]](#) Не закон об исключении вызывает трудности, а пароходные компании, которые потворствуют уклонениям от закона. В законе 1903 года впервые был принят правильный принцип борьбы с этими уклонениями, но с ограниченным применением. С 1898 года Бюро отстраняло от работы все большее число людей из-за страшных и заразных болезней. Но они уже нанесли тот вред, который должна была предотвратить их депортация. В переполненной кубрике весь корабль был подвержен этой заразе. Тогда Конгресс принял закон 1903 года, не только обязывающий пароходные компании перевозить их обратно, как и раньше, но и обязывающий компании выплачивать штраф в размере 100 долларов за каждого иностранца, лишённого права выезда по этой причине. В 1906 году компании заплатили штрафы в размере 24 300 долларов за 243 таких депортации. Этот принцип должен быть распространён на все классы, исключённые законом, а штраф должен быть увеличен до 500 долларов. Тогда каждый агент пароходных компаний в самых отдалённых уголках Европы станет иммиграционным инспектором. Их хирурги и чиновники уже знают закон и стандарты его применения так же хорошо, как и иммиграционные чиновники. Нужен лишь соответствующий мотив, чтобы заставить их сотрудничать с Бюро, а не уклоняться от закона. Закон 1903 года уже отчасти оказал такое влияние. Одна пароходная компания договорилась с Бюро о размещении медицинских работников в своих иностранных портах. Однако штраф ещё недостаточно велик, и генеральный комиссар рекомендует увеличить его до 500 долларов. Распространив действие закона на все основания для депортации, помимо заразных болезней, удастся устранить истинный источник трудностей для иностранцев, лишённых права выезда за границу[\[155\]](#).

Сноски:

[\[1\]](#) Bluntschli, "Theory of the State", pp. 108-181.

[\[2\]](#) *Atlantic Monthly*, May, 1903, p. 649.

[\[3\]](#) Shaler, p. 651.

[\[4\]](#) Рипли, "Расы Европы".

[\[5\]](#) Ripley, Chs. XVII and XVIII.

[\[6\]](#) См. интересную серию статей Х. Н. Кассона, *Munsey's*, 1906.

[\[7\]](#) Lodge, p. 138.

[\[8\]](#) "История и топография Нью-Йорка", выступление в Корнельском университете, 30 июня 1870 года.

[\[9\]](#) Эти цифры, вероятно, преувеличены, но власти сходятся во мнении о масштабах миграции. Fiske, "Old Virginia", Vol. II, p. 594.

[\[10\]](#) Hanna, "The Scotch-Irish", Vol. II, p. 2.

[\[11\]](#) Tillinghast, "The Negro in Africa and America".

[12] Burgess, pp. 45, 225; Fleming, pp. 380, 433.

[13] Burgess, p. 207.

[14] См. гл. VIII, "Политика".

[15] Доклад Комиссии по образованию, 1900-1901, том I, с. сi.

[16] Хью М. Браун, А.М.Е., *Zion Church Quarterly*, April, 1894, цитируется Tillinghast, p. 186.

[17] Фанни Б. Уильямс, *Charities*, 7 октября 1905 г., с. 43.

[18] *Atlanta University Publications*, No. 7, p. 188.

[19] Bureau of Labor, *Bulletin*, No. 35.

[20] Публикации Атлантского университета, № 3 и 8.

[21] Публикации Атлантского университета, № 3, с. 153-178.

[22] Двенадцатая перепись населения, *Дополнительный анализ*, стр. 203.

[23] Willcox, "Census Statistics of the Negro," *Yale Review*, 13:279 (1904).

[24] "Негр-фермер", стр. 90.

[25] Рр. 9, 10.

[26] Dabney, Commissioner of Education, *Report*, 1902, Vol. I, p. 797.

[27] Двенадцатая перепись населения, *Дополнительный анализ*, с. 305, 307.

[28] *Дополнительный анализ*, стр. 204.

[29] Рр. 16, 17; Wood, "American in Process", p. 218.

[30] Twelfth Census, Vol. III, p. lxi.

[31] *Atlanta University Publications*, No. 1, p. 24.

[32] *Atlanta University Publications*, No. 2, p. 9.

[33] Twelfth Census, Vol. III, p. lxxxii.

[34] P. clxxvi.

[35] P. ccxviii.

[36] Рр. cxix, cxxiii, cxxvii.

[37] Hoffman, p. 70.

[38] Двенадцатая перепись населения, *Дополнительный анализ*, с. 496, 497.

[39] Публикации Атлантского университета, № 1, с. 26.

[40] Цифры за 1883 год.

[41] Менее одной десятой процента.

- [42] Это число в соответствии с расой; в таблице приведено число в соответствии с последним местом жительства.
- [43] *Review of Reviews*, 33:491 (1906).
- [44] Статистические данные в основном взяты из King and Okey, "Italy To-day".
- [45] *Review of Reviews*, 33:491 (1906).
- [46] Двенадцатая перепись населения, *Дополнительный анализ*, стр. 27.
- [47] *Review of Reviews*, 33:491 (1906).
- [48] King and Okey, pp. 316-318.
- [49] Balch, *Charities*, May, 1906, p. 179.
- [50] Marshall, "Principles of Economics", p. 248.
- [51] "Еврейская энциклопедия", 2:532.
- [52] Balch, *Charities*, May, 1906, p. 180.
- [53] P. 380.
- [54] "Промышленная комиссия", 15:442.
- [55] Commissioner-General, 1906, p. 85.
- [56] Coman, "История контрактного труда" и т. д., p. 47.
- [57] Отчеты о Гавайях; Генеральный комиссар по иммиграции. См. указатель.
- [58] Отчет Королевской комиссии по иммиграции иностранцев, 1903. Cd. 1741.
- [59] Semple, "American History," etc., p. 332.
- [60] Rowe, Chapter V.
- [61] Перепись населения Филиппинских островов.
- [62] Lalor's "Cyclopedia of Political Economy, Political Science, and United States History", статья "Китайская иммиграция".
- [63] Промышленная комиссия, 19:679.
- [64] Рассчитано по таблице VIII, стр. 28 *и далее*, отчет генерального комиссара по иммиграции, 1906. "Коммерческие" включают агентов, банкиров, держателей гостиниц, производителей, торговцев и дилеров, а также другие категории. К "неквалифицированным" относятся грузчики, грузчики и бригадиры, сельскохозяйственные рабочие, фермеры, рыбаки, чернорабочие и слуги.
- [65] Двести восемьдесят пять тысяч четыреста шестьдесят иммигрантов, отнесенных к категории "без профессии", включая в основном женщин и детей, не учитываются в этом подсчете.
- [66] Менее одной десятой процента.
- [67] Промышленная комиссия, том XV, см. индекс, "Билеты с предоплатой", стр. 818.

[68] United States Revised Statutes, 1901, Section 1999, Act of July 28, 1868.

[69] Fleming, pp. 692, 693.

[70] "Если бы меня спросили, какой фактор в наибольшей степени способствует дружественным отношениям между расами в Дельте, я бы без колебаний ответил: отсутствие белого рабочего класса, особенно полевых рабочих" - Стоун, "Негр в дельте Язу-Миссисипи", стр. 241. "В Черном поясе и в Белом поясе сравнительно мало преступлений. Именно в графствах, где расы встречаются в чем-то похожем на численное равенство и в экономической конкуренции, максимум преступлений приходится на негров."-*Atlanta University Publications*, No. 9, p. 48.

[71] В 1905 году, после проигранной забастовки в Нью-Йорке, Генеральный исполнительный совет Объединенной организации швейников Америки, состоящий, за исключением русских евреев, принял следующие резолюции:-

Решено, что беспрецедентное перемещение очень бедных слоев населения в Америку из Европы за последние три года привело к полному изменению прежних социальных, политических и экономических аспектов вопроса об иммиграции. Огромное пополнение рядов наших конкурирующих наемных рабочих, в значительной степени безработных или лишь частично занятых за неопределенную зарплату, снижает уровень жизни среди массы трудящихся этой страны, не давая обещаний поднять огромное тело иммигрантов себя. Переполненность рынка труда стала угрозой для многих профсоюзов, особенно для тех, которые объединяют менее квалифицированных рабочих. Все большая часть огромного числа прибывающих иммигрантов не приносит практически никакой пользы; они не способны разумно бороться за свои права в этой республике, к нынешнему бремени которой они лишь добавляют еще большее. Судьба большинства иностранных наемных рабочих, находящихся здесь в настоящее время, как нельзя лучше демонстрирует, что иммиграция не является решением проблемы бедности во всем мире.

Решено, Мы призываем американских профсоюзных деятелей решительно выступить против предложенной схемы государственного распределения иммигрантов, поскольку она станет очевидным средством прямого и дешевого снабжения забастовщиками объединенных капиталистов, стремящихся сейчас уничтожить профсоюзы.

Решено, что мы осуждаем все формы иммиграции с помощью благотворительных организаций или иным образом.

Решено, что мы предостерегаем бедняков земли от приезда в Америку с ложными надеждами; наш долг - сообщить им, что экономическая ситуация в этой стране меняется с такой же быстротой, как и методы промышленности и торговли.

Решено, что в отношении иммиграции мы призываем правительство Соединенных Штатов к праведному облегчению положения наемных рабочих, находящихся сейчас в Америке. Мы желаем, чтобы Конгресс либо (1) полностью приостановил иммиграцию на несколько лет, либо (2) ввел в действие такой тест на неграмотность, который исключит невежественных, а также установил такой налог на голову, который заставит иммигрантов полностью оплачивать свое пребывание здесь и будет достаточным для того, чтобы выслать обратно всех тех, кто в течение указанного периода станет государственным иждивенцем".

[72] Smith, "Emigration and Immigration", pp. 238-263.

[73] Закон от 3 марта 1903 года, раздел 2.

- [74] New York Bureau of Labor Statistics, 1898, p. 1155.
- [75] Двенадцатая перепись населения, "Занятия", с. clxxxvii.
- [76] Отчет о Гавайях, *бюллетень* № 47, с. 780-783.
- [77] Отчет о Гавайях, *бюллетень* № 66, с. 441-447.
- [78] Еврейское общество сельскохозяйственной и промышленной помощи, *годовые отчеты*.
- [79] Клайатт *против* США, 97 США, 207 (1903); Дела о пиратстве, 123 Фед. 671.
- [80] New York *Herald*, 24 июня 1903 г.
- [81] *The Nation*, 83:379 (1906); Durand, Herbert, "Peonage in America," *Cosmopolitan*, 39:423 (1905).
- [82] Розенберг, "Американский федералист", октябрь, 1903, с. 1026.
- [83] Дженкс, "Некоторые экономические вопросы" и т. д., с. 157.
- [84] Коман и "Отчеты о Гавайях".
- [85] Jenks, pp. 47, 54, 55, 158.
- [86] Филиппинская комиссия Соединенных Штатов, 1902, часть I, с. 22.
- [87] Rosenberg, p. 1021.
- [88] Филиппинская комиссия, 1902, индекс, "Положение с трудом".
- [89] "Итальянский хлопковод", с. 45.
- [90] Там, где указаны два года, первый - для иммиграции, а второй - для импорта.
- [91] Двенадцатая перепись населения, том I, стр.
- [92] См. "Федерация", июнь 1902 г., с. 40.
- [93] Twelfth Census, Vol. I, pp. 878-881.
- [94] New York *Sun*, Nov. 29, 1903.
- [95] Semple, 312.
- [96] Заключение, у которых один из родителей иностранец, распределяются в соотношении родных и иностранных родителей.
- [97] Включая коренных уроженцев, родство которых неизвестно.
- [98] Преступники, у которых один из родителей иностранец, распределяются в соотношении родных и иностранных родителей.
- [99] Кейт Холладей Клагхорн, "Проблема доходных домов", том II, стр. 79.
- [100] Джон Б. Макмастер, "Бунтарская карьера Ноутотингов", *Форум*, июль, 1894, с. 524.
- [101] Катлер, "Закон Линча"; Бишоп, "Линчевание", *International Quarterly*, сентябрь, 1903.

- [102] Бюро переписи населения, специальные отчеты, "Нищие в богадельнях, 1904 г.", "Благотворительные учреждения, 1904 г.", "Безумные и слабоумные в больницах и учреждениях, 1904 г."
- [103] Münsterberg, "American Traits", p. 225 ff.
- [104] Eaton, "The Civil Service in Great Britain", p. 160 ff.
- [105] Muirhead, "The Land of Contrasts", p. 274.
- [106] См. описание бельгийской системы автором, *Review of Reviews*, May, 1900; также, "Representation of Interests", *Independent*, June, 1900; "Proportional Representation".
- [107] Commons, "Proportional Representation", Appendix. Публикации Федерации за правление большинства, Вашингтон, округ Колумбия.
- [108] Хант, Гайярд, "Федеральный контроль над натурализацией", *World's Work*, 11:7095 (1906).
- [109] "Доклад президенту о натурализации".
- [110] "Законы и правила натурализации от октября 1906 года", опубликованные Бюро иммиграции и натурализации.
- [111] Двенадцатая перепись населения, том I, стр. 929.
- [112] Двенадцатая перепись населения, "Abstract", p. 18.
- [113] Двенадцатая перепись населения, "Abstract", p. 19.
- [114] Twelfth Census, Vol. I, p. ccxvii.
- [115] Филлипс, Дж. Б., "Образовательный ценз избирателей", *Исследования Университета Колорадо*, том III, № 2 (1906).
- [116] Caffey, Francis G., "Suffrage Limitations at the South," *Political Science Quarterly*, 20:53 (1905). Отчет о политической реформе, Клуб Лиги Союза, Нью-Йорк, 1903 г.
- [117] Уильямс *против* Миссисипи, 170 США, 213; Джайлс *против* Харриса, 189 США, 475; Джайлс *против* Тисли, 193 США, 146.
- [118] Это не относится к положению о "понимании" в Миссисипи, которое является постоянным.
- [119] Двенадцатая перепись населения, том I, стр. ccxiii, ccxv.
- [120] Twelfth Census, Vol. I, pp. cciv, ccv.
- [121] См. "Отчеты о Гавайях".
- [122] Kuczynski, "Einwanderungspolitik", p. 35.
- [123] *Forum*, 11:634-743 (1891). Перепечатано в "Дискуссиях" и т. д., с. 417-426.
- [124] Профессор Смит на 1888 год оценил колониальный элемент в 29 000 000, а иммигрантский - в 26 000 000, применив к иммигрантам средний коэффициент прироста от рождений. "Эмиграция и иммиграция", с. 60-61.

- [125] Watson, p. 522.
- [126] Van Vorst, "The Woman Who Toils", p. viii.
- [127] Вычислено по данным Двенадцатой переписи населения, том II, стр. lxxxvii, ff.
- [128] Вычислено по двенадцатой переписи населения, том II, с. 312.
- [129] На основании изучения статистики Массачусетса Кучинский делает вывод, что "коренное население не может удержаться на плаву. Похоже, оно вымирает". Если бы он мог разделить два элемента коренного населения, то обнаружил бы, что иммигрантский элемент вымирает быстрее, чем более старый коренной элемент. "Плодовитость коренного и иностранного населения в Массачусетсе", с. 186.
- [130] Двенадцатая перепись населения, "Статистический атлас", табличка 98.
- [131] "Плодовитость" и т. д., стр. 157.
- [132] Ross, "Causes of Race Superiority".
- [133] См. Дю Буа, "Души черного народа".
- [134] Отчет о Гавайях, *бюллетень* № 47, с. 715.
- [135] "Религии примитивных народов", с. 15.
- [136] Smith, "Assimilation of Nationalities", p. 440.
- [137] Lovejoy, "The Slav Child," *Charities*, July, 1905, p. 884.
- [138] Двенадцатая перепись населения, *дополнительный анализ*, с. 374.
- [139] "Детский труд в Соединенных Штатах", стр. 15, Бюро переписи населения.
- [140] Гроуз, "Иностранцы или американцы?".
- [141] См. также Stewart and Huebner.
- [142] Report, 1903, p. 60; 1904, p. 44; 1905, p. 58; 1906, p. 64.
- [143] Промышленная комиссия, 15:492-646; 19:971-977.
- [144] Тости, Густаво, "Сельскохозяйственные возможности итальянской иммиграции", *Charities*, May 5, 1904, p. 472.
- [145] "Иммиграция в южные штаты", *Political Science Quarterly*, 20:276 (1905).
- [146] "Факты об иммиграции", с. 11.
- [147] *Ibid.*, p. 119.
- [148] Kellor, "Out of Work", pp. 17, 50-53, 70; *Charities*, Feb. 6, 1904, p. 151.
- [149] Commissioner-General, 1903, p. 70.
- [150] Chapter 27, Laws of 1862.
- [151] Commissioner-General, 1906, p. 62.
- [152] Подробности о ряде мер см. в Hall, "Immigration".

[153] "Промышленная комиссия", 19:1001-1003. Холл, "Иммиграция".

[154] Commissioner-General, 1904, p. 41.

[155] Национальная иммиграционная конференция, 8 декабря 1905 года, приняла следующую резолюцию: "Чтобы штраф в 100 долларов, который в настоящее время налагается на пароходные компании за ввоз в Соединенные Штаты больных людей, был также наложен за ввоз любого лица, исключенного законом". *National Civic Federation Review*, January, 1906, p. 19.

Примечания переводчика:

Иллюстрации перенесены из середины абзаца в соседний разрыв абзаца.

Текст в списке иллюстраций представлен, как в оригинале, но ссылки ведут на номер страницы, наиболее близкий к местонахождению иллюстрации в данном документе.

Кроме исправлений, отмеченных наведением курсора, в оригинале сохранены несоответствия в орфографии и дефисах.